

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
(ИНИОН РАН)**

С.Я. ВЕСЕЛОВСКИЙ

**«КОРОНАКРИЗИС» В США.
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ
ЭФФЕКТЫ**

**ЧАСТЬ I.
«КОРОНАРЕЦЕССИЯ» В США.
БЛОКИРОВОЧНЫЕ МЕРЫ И ПОДДЕРЖКА БИЗНЕСА
И ДОМОХОЗЯЙСТВ В 2020–2022 гг.**

Аналитический обзор

**МОСКВА
2023**

Серия
«Социально-экономические аспекты глобализации»

Отдел глобальных проблем

Издание печатается по решению Ученого совета
ИНИОН РАН от 29 сентября 2022 г.

Технический редактор – *Е.Л. Ушкова*

Веселовский С.Я.
В 38 «Коронакризис» в США. Экономические и социальные эффекты. Часть I. «Коронарецессия» в США. Блокировочные меры и поддержка бизнеса и домохозяйств в 2020–2022 гг. : аналит. обзор / РАН, ИНИОН, Отд. глоб. проблем. – Москва, 2023. – 218 с. – (Сер.: «Социально-экономические аспекты глобализации»).

ISBN 978-5-248-01049-3

Рассматриваются разнообразные шоки, с которыми столкнулась экономика США в наиболее острых фазах пандемии COVID-19, влияние карантинных мер на динамику спроса и предложения на рынках товаров и услуг. Оцениваются ключевые законодательные и регуляторные меры федеральных органов власти в русле фискальной и монетарной политики, направленные на преодоление порожденных «ковид-рецессией» краткосрочных и среднесрочных негативных эффектов как для американской экономики в целом, так и для ее отдельных отраслей и институтов. Анализируются влияние пандемии на динамику ВВП США, финансовый рынок, структуру занятости и безработицы; динамика текущих доходов домохозяйств и другие макроэкономические индикаторы. Особое внимание уделено рассмотрению влияния фактора неопределенности на принятие решений по всей управленческой вертикали в ситуации экзогенного шока, порожденного пандемией, а также исследованию траектории, по которой движется американская экономика в 2021–2022 гг.

ББК 65.9(4)/65.9(8); 65.05

СОДЕРЖАНИЕ

1. Вводный очерк	6
2. Начальный этап распространения пандемии в США (динамика, запреты и блокировки)	15
2.1. Как все начиналось : события и факты	15
2.2. Политическое противостояние в США вокруг реакции властей на пандемию	20
2.3. Влияние шока неопределенности на принятие решений в условиях пандемического кризиса и вызванной им экономической рецессии в США	26
3. «Шок и трепет» : как и почему обрушилась американская экономика во втором квартале 2020 г.	44
3.1. Первая шоковая пандемическая волна и падение ВВП.....	44
3.2. «Механика» спада : спрос или предложение? (Почему стал «глохнуть» мотор экономики)	47
3.3. Экономические потери : типология и структура	49
4. Шоковые эффекты пандемии для американской экономики весной 2020 г. : как развивался спад производства и розничных продаж	51
4.1. Введение блокировок в марте-апреле 2020 г. как реализация стратегии предосторожности: негативные эффекты для экономики.....	51
4.2. Нарушения трансграничных и внутренних торговых потоков.....	54
4.3. Миграционная компонента противоэпидемиологической политики : барьеры для трансграничных перемещений	57

4.4. Удар по цепочкам поставок и цепочкам создания стоимости	59
4.4.1. Сбои в цепочках поставок изделий медицинского назначения	59
4.4.2. Сбои в цепочках поставок продовольствия	60
4.4.3. Коллапс североамериканской автомобильной индустрии	63
4.5. Пандемический шок на финансовых рынках	67
4.6. Применение моделей «benefit–cost» для оценки сравнительных издержек и выгод блокировочных мер на локальном уровне	70
4.7. Микроуровень : некоторые аспекты влияния мер социального дистанцирования на бизнес	76
5. Рынок труда США : «пандемическое» измерение	90
5.1. Коллапс на американском рынке труда в 2020 г.	90
5.1.1. Динамика занятости и безработицы в 2020 г.: общие контуры	90
5.1.2. Удар по занятости и всплеск безработицы в 2020 г. : тренды, динамика, эффекты	92
5.2. «Пандемическая» безработица среди различных категорий и групп трудоспособного населения США	102
5.3. «Пандемическая» безработица по штатам в 2020 г.	105
5.4. «Пандемическая» безработица по отраслям в 2020 г.	107
5.5. Особенности безработицы в сфере услуг по итогам 2020 г.	109
5.6. Занятость в экономике США в 2020 г. : влияние пандемии на изменения в отраслевой и профессионально-квалификационной структуре	111
5.7. Заработная плата в США в 2019–2020 гг. : сопоставления, тренды, динамика	114
5.8. Рост масштабов удаленной занятости в пандемический период и распространение иных форм адаптации американского рынка труда к новым реалиям	117
5.9. Эффективность противоэпидемиологических мер на локальном уровне : влияние на местные рынки труда	123
5.10. Американский рынок труда на фоне поздних фаз пандемии (2021–2022): краткий очерк	129

6. Поддержка экономики в условиях пандемии 2020–2021 гг. : решения политических властей и национальных регуляторов	139
6.1. Основные законодательные решения по поддержке бизнеса и домохозяйств в рамках налогово- бюджетной политики, принятые в каденцию Д. Трампа	140
<i>6.1.1. Поддержка домохозяйств и помощь безработным</i>	145
<i>6.1.2. Поддержка бизнеса</i>	146
<i>6.1.3. Дополнительные программы поддержки домохозяйств и бизнеса в 2020 г.</i>	149
<i>6.1.4. Финансирование иностранной помощи</i>	151
6.2. Специальные меры поддержки отдельных сегментов рынка в 2020 г.....	152
<i>6.2.1. Инструменты торговой и промышленной политики по увеличению поставок на американский рынок медицинских товаров</i>	152
<i>6.2.2. Программы поддержки сельскохозяйственных производителей и дистрибьюторов</i>	153
6.3. Первоочередные меры 2021 г. по поддержке экономики и оказанию помощи лицам, пострадавшим из-за пандемии (каденция Дж. Байдена).....	155
6.4. Контрпандемическая денежно-кредитная политика 2020–2021 гг.	166
7. Постпандемическая инфляция 2021–2022 гг. и действия ФРС	177
8. В заключение : некоторые тезисы и ремарки	188
Список литературы	197

1. ВВОДНЫЙ ОЧЕРК

Стремительное распространение вируса SARS-CoV-2 по всему миру весной 2020 г. привело к беспрецедентному сбою в функционировании глобальной экономики и породило экономический коллапс во многих странах, охваченных пандемией.

С такой (или примерно такой) формулировки начинаются едва ли не 99% исследовательских и медийных публикаций, в которых рассматриваются экономические последствия пандемии COVID-19. Фактологическая истинность приведенного в предыдущем абзаце концентрированного высказывания едва ли может быть подвергнута сомнению. Но при развертывании «запакованных» в этом высказывании смыслов возникает целый ворох вопросов. Почему вдруг случился столь мощный экономический сбой и какова его природа? Как пандемия сказалась на функционировании не только экономики в целом, но и ее отдельных институтов и учреждений, ее инфраструктуры, на экономическом «самочувствии» отдельных отраслей, предприятий, домохозяйств, работников; на хозяйственных взаимосвязях, обслуживающих отношения между экономическими агентами? Почему негативные эффекты пандемии оказались разными в разных странах и в разных регионах одной и той же страны? Какие решения принимались властями и какие предпринимались действия, чтобы скорейшим образом преодолеть возникший из-за пандемии экономический коллапс, вытянуть экономику из спада и вернуть ее на устойчивую траекторию развития? И насколько эти решения и действия были целесообразными, своевременными, гибкими, эффективными?

В течение 2020–2022 гг. всякий раз после отступления очередной пандемической волны у людей возникали надежды, что теперь-то наконец все уже закончилось. Уверенные прогнозы многих именитых экспертов – эпидемиологов, инфекционистов, вирусологов, предсказывавших окончание пандемии к концу 2020-го,

затем в 2021-м, потом в 2022 г., всякий раз оказывались несостоятельными. Да и уровень летальности среди заразившихся вирусом SARS-CoV-2 даже в конце августа 2022 г. оставался достаточно высоким, хотя еще весной 2022 г. многим казалось, что пандемия окончательно уходит и о ней уже можно говорить в прошедшем времени.

Особенно решительные и поспешные заявления о полной и окончательной победе над пандемией неоднократно звучали из уст политических руководителей государств и высших чиновников. Так, 18 сентября 2022 г. президент США Дж. Байден, выступая в популярной американской информационной программе «60 минут», с уверенностью объявил, что пандемия наконец закончилась. Практически на следующий день заявление президента в интервью изданию «The Washington Post» прокомментировал профессор медицинской школы Йельского университета, специалист по инфекционным заболеваниям Ричард Мартинелло, заметивший, что фраза президента лежит вне реалий событийного контекста, особенно если иметь в виду ситуацию в северо-восточных штатах, где летом 2022 г. было госпитализировано больше пациентов с диагнозом COVID-19, чем летом 2021 г. По словам Р. Мартинелло, «нам всем следует осознать, что COVID является угрозой и будет продолжать оставаться угрозой для каждого из нас на протяжении всей оставшейся жизни» [Biden says ..., 2022].

По прогнозу одного из российских исследователей-эпидемиологов (М.В. Супотницкого), «[нынешняя] пандемия (либо та, которая придет ей на смену) будет носить упорный характер, десятилетиями разгораться и затухать, пока не прогорят все “сухие дрова”, обеспечивающие цепочки передачи, или не будут найдены эффективные подходы к их разрыванию» [Супотницкий, 2021, с. 167]. Такой прогноз означает, что следует быть готовыми к неопределенностям относительно возможных угроз для экономического благополучия, которые подобного типа повальные бедствия могут принести с собой в будущем.

Несмотря на успехи массовой вакцинации (целесообразность которой в последнее время все чаще ставится некоторыми серьезными эпидемиологами под сомнение); несмотря на всеобщий массочный режим (который то вводился, то отменялся и который в итоге тоже признан далеко не самой надежной защитой от коронавирусной инфекции); несмотря на то что во многих развитых странах уже появилось лекарство от COVID-19; несмотря на все прочие успехи медицины и инициативные проекты на ниве борьбы с

пандемией, динамика заболеваемости по-прежнему вызывает тревогу. Волны сменяющих друг друга вариантов коронавируса продолжают захлестывать мир. Подпитываемые неустойчивой ситуацией, время от времени появляются различные конспирологические теории, предлагающие нестандартные (если не сказать сильнее) объяснения феномену COVID-19. Такие теории особенно легко усваиваются массовым сознанием и еще более усугубляют и без того далеко не всегда адекватное отношение людей к действиям властей. Есть и вполне рациональные, фундированные научные концепции, авторы которых доказывают, что некоторые ключевые решения органов общественного здравоохранения и прислушивающихся к ним политических властей были глубоко ошибочными и привели только к усугублению кризиса в области здравоохранения и защиты населения от распространения зловредной инфекции (например, выглядящая вполне здравомыслящей теория о том, что вакцинация, проводимая в разгар пандемии, фактически способствует появлению новых, более контагиозных, более устойчивых к вакцинам и более разрушительных для популяционного здоровья вариантов / штаммов коронавируса). Медицинский ракурс темы при всей его важности, разумеется, не является предметом рассмотрения в настоящем обзоре. Но так уж получилось, что экономическое измерение эффектов пандемии в некоторых (не во всех) узловых точках не может рассматриваться без учета медицинского фактора.

Пандемия (а скорее, может быть, выбранный многими странами способ противодействия ей), безусловно, привела к глобальному кризису, подобного которому, по совокупности признаков, современному миру еще не доводилось переживать. Но рассматривать глобальные пандемические эффекты через призму экономической рациональности в рамках ограниченного по объему обзора нет никакой возможности.

Упомянутый выше М.В. Супотницкий, занимавшийся изучением медицинских аспектов пандемии, в своей книге, опубликованной в 2021 г., приводит впечатляющую цифру: по состоянию на июль 2021 г. только в англоязычной текстовой базе насчитывалось уже свыше 158 тыс. специальных медицинских работ, посвященных проблематике COVID-19 [Супотницкий, 2021, с. 11]. Нет сомнений, что к осени 2022 г. (времени завершения работы над настоящим обзором) число таких публикаций вполне могло перевалить за треть миллиона. И по результатам обращения к англоязычным источникам похоже, что количество опубликованных работ, по-

священных *экономическим и социальным* аспектам пандемии, вряд ли серьезно уступит числу публикаций медицинской направленности.

Тема получается необъятной. Поэтому настоящий обзор литературы (преимущественно англоязычной), как это следует из его названия, ограничен, насколько это возможно, рассмотрением лишь *некоторых* аспектов влияния пандемии COVID-19 на одну, хотя и наиболее мощную, экономику мира, которой пока остается экономика Соединенных Штатов Америки. При этом обзор сфокусирован на проблематике изучения негативных эффектов пандемии для экономики США, а также мер противодействия ей, преимущественно (хотя и не только) в самых первых, критических фазах распространения вируса SARS-CoV-2, т.е. на краткосрочных и отчасти среднесрочных последствиях пандемии и мер по сдерживанию ее распространения, а также на инструментах экономической политики, применявшихся для смягчения негативных эффектов пандемии для американской экономики и ее базовых институтов в целом и для экономических агентов в частности.

Понятно, что методологически не вполне корректно рассматривать глобальную проблему такого масштаба, как пандемия COVID-19, лишь на примере одной страны. Справедливости ради следует заметить, что между многими экономическими процессами и явлениями, сопутствовавшими распространению COVID-19 в США, равно как и между многими действиями американских властей, а также эффектами, которые вызывали эти действия, можно провести близкие параллели с другими странами мира. Иными словами, проблемы, с которыми в ходе пандемии столкнулись США, во многом (хотя и не во всем) идентичны проблемам, которые пришлось решать другим странам, прежде всего странам с развитой экономикой постиндустриального типа, переживающим этап четвертой промышленной революции (если воспользоваться термином, предложенным Клаусом Швабом). Кроме того, в тех случаях, когда возникала необходимость оценивать внешнеэкономические и отчасти внешнеполитические эффекты действий властей США по сдерживанию угроз, вызванных пандемией, эти вопросы отчасти также попадали в круг тем, затронутых в обзоре, – в той мере, в какой они имели отношение к внутренней ситуации в США.

Хотя к 2022 г. уже почти выветрились алармистские настроения, преобладавшие в американском социуме и политикуме в 2020 г., пандемия пока не ушла в прошлое и постоянно напоминает о себе. По официальным данным, на 1 сентября 2022 г. в США

переболели COVID-19 всего порядка 100 млн человек; из них для почти 1,1 млн болезнь закончилась летальным исходом [Worldometer Coronavirus ...]. Получается, что практически каждый шестой заболевший в мире и едва ли не каждый шестой умерший от COVID-19 – американец. При этом в США проживает лишь каждый двадцать четвертый житель планеты. Иными словами, уровень заболеваемости и уровень смертности от COVID-19 среди американцев вчетверо выше, чем в среднем в мире. Такие цифры не могут не вызывать вопросы.

Как могло получиться, что самой мощной стране мира, с высокоразвитой экономикой и современной медициной, притом далеко не самой густонаселенной, пандемия нанесла столь катастрофический ущерб? Понятно, что в условиях стремительного распространения пандемии решения, принимаемые властью, не могут всегда быть абсолютно безошибочными и безупречными. Но в какой мере разногласия мнений и управленческий хаос, царившие весной 2020 г. (а нередко и позже) в высших эшелонах американской власти, в центрах принятия ответственных политических и экономических решений, оказались критическими с точки зрения выбора правильной стратегии, оперативности и масштабы реагирования на вызовы для общества и экономики, генерируемые пандемией?

Поиски ответов на эти и подобные им вопросы все еще активно продолжаются в американском социуме, в медиапространстве и в научных исследованиях. Только весной-летом 2022 г. в США было опубликовано более полудюжины воспоминаний высокопоставленных деятелей администрации Д. Трампа и членов Конгресса, в том числе лиц, непосредственно причастных к организации мер по противодействию коронавирусной пандемии (в частности, советницы президента Трампа, главы его избирательного штаба Келлиэнн Конуэй; советника Белого дома и зятя президента Джаред Кушнера; координатора мер Белого дома по противодействию коронавирусу, члена Целевой группы по коронавирусу Дебры Биркс и др.), в которых раскрываются многие неизвестные ранее публике детали и механизмы принятия решений, в том числе на самом вершине власти, позволяющие увидеть в новом свете события того драматического времени [см.: Birx, 2022; Conway, 2022; Kushner, 2022].

Одним из принципиальных с точки зрения терминологии вопросов, вокруг которого поначалу разгорелись споры и дискуссии, заключался в том, как следует квалифицировать случившийся

в 2020 г. коллапс всей архитектуры экономических и социальных связей, будь то в национальном или в глобальном измерениях, – как кризис или как рецессию?

Под влиянием первого шока, в условиях фундаментальной неопределенности относительно будущего и на фоне драматических цифр падения экономики казалось, что мир столкнулся с невиданным до того кризисом. Однако события очень скоро развернулись в другую, более радужную сторону, хотя коллапс 2020 г., потянувший за собой долгий многомесячный «хвост» нестабильностей и неопределенностей, но также, особо подчеркнем, сменившийся периодом новых подъемов и новых надежд, заставил общество постепенно «переварить» сложные реалии и адаптироваться к ним. В силу неожиданности возникновения, скорости распространения и высокого уровня различного рода угроз, которые пандемия таила в себе, она стала, несомненно, сильнейшим многовекторным шоком для всех стран, в особенности для тех, где масштабы эффектов самой пандемии и мер ее подавления, принятых властями, оказались чрезвычайными.

Как известно, прямым следствием всякого шока, перенесенного системой (будь то система биологическая, технологическая, организационная или экономическая), оказывается кризис самой этой системы. Это тем более справедливо, когда речь идет о столь мощном и масштабном ударе, каким оказалась пандемия COVID-19. С этой точки зрения коллапс, случившийся весной 2020 г. во всем мире, в том числе и в США, нельзя классифицировать иначе как кризис экзистенциального уровня, продемонстрировавший хрупкость и уязвимость человека и сложившейся системы миропорядка перед лицом грозной напасти.

Если говорить о США как об объекте научного интереса в настоящем обзоре, нельзя не признать, что коллапс марта-апреля 2020 г. затронул почти все институты управления и центры принятия решений, за два месяца едва не разрушил то, что уместно было бы назвать «экономической, социальной, культурной повседневностью» жизни людей. Был нанесен сильнейший удар по макроэкономическим опорам экономического процветания страны – занятости, устойчивой работе рынков труда, товаров и капиталов, стабильности финансовых институтов (в пределах допустимых колебаний). Была подорвана повышательная динамика реальных доходов, были разрушены налаженные цепочки партнерских бизнес-связей внутри страны и с внешним миром. Сотни тысяч, если не миллионы малых и средних предприятий – тех, что служат «пи-

тательным гумусом» для экономики, а вместе с ними сотни крупных компаний, составляющих костяк американской экономики, – были выбиты из строя: закрылись, приостановили работу, сократили персонал. Десятки миллионов людей были принуждены оставаться дома, чтобы минимизировать опасность заражения вирусом; миллионы учащихся были лишены возможности посещать учебные заведения; людям был закрыт доступ к привычным формам досуга и привычному образу жизни. Безусловно, это был кризис, если подходить к оценке событий не с узкоэкономической точки зрения.

Но если *a posteriori* (хотя бы уже с июля 2020 г.) применять к случившемуся в США весной 2020 г. *экономическому* коллапсу общепринятые в экономической науке технические классификационные критерии, позволяющие по сумме четко очерченных признаков дифференцировать различные треки и формы *экономических* спадов и провалов, нельзя будет не согласиться с теми, кто обоснованно считает тогдашнее падение американской экономики *рецессией* в чистом виде – пусть и не классической, как это бывало раньше. Ключевым признаком различения, например, рецессии и кризиса в классической теории является продолжительность спада. Очевидно, продолжительность пребывания американской экономики весной 2020 г. на критически низком уровне не позволяет квалифицировать тот спад иначе, как техническую рецессию. Впрочем, классика в ее традиционном понимании, похоже, уходит в прошлое: в новом экономическом мире постепенно начинают проявлять себя другие законы.

Чтобы как-то подчеркнуть особый, нестандартный характер спада, захлестнувшего США в 2020 г., экономисты стали именовать его «пандемической рецессией», «коронавирусной рецессией», «коронарецессией» и т.п. Российский ученый Л.М. Григорьев предложил название «пандорецессия» [Григорьев, 2020]. Звучит несколько двусмысленно и даже, пожалуй, идиоматически. Но нет сомнений, что столь яркий и удачный термин не таит в своей конструкции каких-либо зашифрованных аллюзий, намекающих либо на название редкого животного – национального символа великой страны, которую в Америке нередко упрекали в неумышленной причастности к распространению коронавируса по всему миру, либо на неизвестный «ящик», из которого вываливаются все несчастья. Поэтому в настоящем обзоре предложенный Л.М. Григорьевым лейбл «пандорецессия» употребляется наряду с другими вполне обкатанными терминами, обозначающими действительно неза-

урядное событие, свидетелями и непосредственными участниками которого были (и остаемся) все мы.

* * *

Отталкиваясь от высказанных выше соображений, в фокусе настоящей первой части предлагаемого читателю обзора оказались преимущественно экономические и связанные с ними социальные деформации, наблюдавшиеся в США во время особо тревожных первых фаз пандемии (2020–2021) и в значительной степени порожденные панической и не всегда взвешенной реакцией государственных институтов США на невиданные прежде экзистенциальные риски и угрозы самой жизни людей, возникшие вдруг и сразу, словно по мановению палочки злого волшебника. Даже спустя два с лишним года, прошедших с того момента, когда в стране появились первые признаки эпидемиологического неблагополучия, все еще трудно адекватно оценить действия властей, предпринимавшиеся в тот период.

Разумеется, нельзя объять необъятное. Какие-то проблемы, порожденные пандемией, в обзоре обозначены лишь штрихами, какие-то – более развернуто; некоторым уделено специальное внимание, а некоторые вообще остались на страницах, не вошедших в настоящий текст, потому что даже обозначенная в названии тема остается необъятной.

За рамками обзора намеренно оставлены также все вопросы, касающиеся эпидемиологических, вирусологических, профилактических, фармакологических и прочих медицинских аспектов пандемии COVID-19, за исключением тех случаев, когда эти вопросы имели непосредственное отношение к экономической проблематике пандемии.

Как и всякий текст, обзор представляет собой линейную развертку событий, фактов, смыслов, оценок. При этом сама тема, вынесенная в название, безусловно, нелинейна, как и подавляющее большинство любых других тем, служащих основой для текстов. Нелинейность темы означает, что она объективно предполагает различные ответвления, рамификации, закольцованные смыслы и прочие сложные элементы, отражающие нелинейность описываемого текстом предмета. Чтобы преодолеть фундаментальное противоречие между неизбежной линейностью всякого текста и нелинейностью, многомерностью реалий и смыслов, которые в нем

отражаются, тексту необходим читатель. Только читатель может по своей воле свободно перемещаться по тексту, останавливая свое внимание на одних фрагментах и пропуская другие. При этом каждый читатель, очевидно, выстраивает собственную траекторию ознакомления с текстом, ищет в нем свою «нелинейность» и тем самым разделяет с автором (в данном случае – с составителем обзорного текста) бремя погружения в тему.

В заключение – несколько кратких предварительных замечаний терминологического характера.

1. В обзоре применительно к событиям в одной стране (США) употребляется термин «пандемия», ставший общеупотребительным практически во всех исследованиях. Между тем, строго говоря, понятие «пандемия» обозначает распространение инфекционного заболевания на несколько стран мира или на весь мир. Применительно к одной стране принято употреблять понятие «эпидемия». Иными словами, пандемия – это глобальное бедствие, эпидемия – национальное. Будем иметь это в виду, но, следуя сложившейся практике, придется пользоваться термином «пандемия» и применительно к одной стране.

2. Существует точка зрения, что понятие «пандемия» уместно сочетать лишь с названием заболевания в конструкции «пандемия COVID-19», имея в виду распространение *заболевания*, получившего название COVID-19. Но представляется, что вполне допустимо употреблять и такие конструкции, как «пандемия SARS-CoV-2» или «пандемия коронавируса», имея в виду глобальное распространение *вируса*, получившего название SARS-CoV-2 и сохранившего это общее название для всех мутаций и штаммов, возникших в результате его проникновения в человеческую популяцию в течение нескольких лет.

3. В англоязычной литературе, особенно в американской, используются два понятия для обозначения вводимых властями мер по ограничению работы предприятий в наиболее острых фазах пандемии. Термин «локдаун» (lockdown) применяется в тех случаях, когда речь идет о временном сокращении (часто значительном) численности занятых, с тем чтобы резко уменьшить интенсивность контактов между оставшимися на предприятии работниками. Введение «локдауна», по сути, означает введение карантина. Термин «шатдаун» (shutdown) используется для обозначения полного закрытия предприятия – временного, если речь идет об исполнении предписания властей, или навсегда, если бизнес после запретительных мер так и не смог восстановиться. Локдауны и шатдаун

ны тесно связаны с предписанием населению «оставаться дома» (Stay-At-Home, SAH).

4. Во время пандемии широкое распространение получило также понятие «социальное дистанцирование», т.е. предписание каждому гражданину избегать контактов с другими людьми во всех ситуациях, когда это оказывается возможным. Фактически это требование подразумевает на самом деле «физическое дистанцирование» – соблюдение определенной физической дистанции (в метрах) между социально контактирующими (например, во время совещаний) или вовсе социально не контактирующими (например, посторонними друг другу во время поездок на общественном транспорте) индивидуумами. Исходя из сказанного, термин «социальное дистанцирование» представляется не самым удачным. Однако он уже широко используется, в том числе в научных публикациях, и потому оставлен и в тексте обзора.

И последнее. Обзор литературы, посвященной исследованиям эффектов пандемии COVID-19 для американской экономики (в том числе оценкам решений и действий высших политических и регуляторных инстанций США на разных уровнях властной вертикали по введению как ограничительных мер в целях сдерживания распространения коронавируса, так и мер поддержки экономики, малого бизнеса и домохозяйств), состоит из двух частей. Настоящее издание представляет собой первую часть обзора, в которой рассматриваются главным образом некоторые *кратко- и среднесрочные эффекты* пандемии. Во второй части, которая увидит свет в конце 2023 г., центральное внимание уделяется анализу *долгосрочных эффектов* пандемии для экономики США.

2. Начальный этап распространения пандемии в США (динамика, запреты и блокировки)

2.1. Как все начиналось : события и факты

Прежде чем погружаться в вопросы сущностного свойства, касающиеся причин тех или иных действий федеральных властей США, а также властей штатов и округов, которые руководствовались отчасти распоряжениями, спускавшимися сверху, а отчасти действовали по собственной инициативе, оценивая реальную ситуацию на местах с помощью тех средств и инструментов, которые

им были доступны, полезно вспомнить, как именно развивались события в те критические недели весны 2020 г., из-за которых, собственно, с американской экономикой и случилось то, что с нею случилось, и последствия чего продолжали отдаваться болезненным эхом и в американском политическом мире, и в американском социуме даже два с лишним года спустя после того, как начал развиваться «дым после битвы».

В представленной ниже врезке обозначены хронологические метки далеко не ко всем событиям и фактам того горячего времени. Тем не менее даже эти «узловые точки» на траектории событий и фактов (выбранные далеко не случайно) позволяют составить достаточно адекватное представление о том, как все развивалось.

Начальный критический этап нарастания эпидемиологического коллапса в США
(*февраль–апрель 2020*)

НЕКОТОРЫЕ ВЕХИ ИЗ КРАТКОЙ ХРОНИКИ СОБЫТИЙ И ФАКТОВ

▪ **7 января.** В системе центров контроля и предупреждения заболеваний (Centers for Disease Control and Prevention, CDC) была образована структура управления инцидентами, связанными с распространением вируса SARS-CoV-2 (тогда еще именовавшегося 2019-nCoV), чтобы помочь стране подготовиться к предстоящим случаям распространения COVID-19.

▪ **29 января.** Создание при администрации президента Трампа специальной целевой группы по коронавирусу во главе с вице-президентом М. Пенсом.

▪ **31 января.** Введение запрета на въезд в страну для иностранцев из стран с высоким уровнем распространения коронавируса и для граждан США, прибывающих из-за границы без соблюдения 14-дневного карантинного режима. Запрет последовал за официальным заявлением, что 2019-nCoV следует рассматривать как чрезвычайную ситуацию в сфере общественного здравоохранения (HSS, 2020).

▪ **2 февраля.** Министерство внутренней безопасности США (Department of Homeland Security, DHS) в обращении к населению страны заявило, что для паники нет оснований, поскольку «коронавирус представляет незначительную угрозу для США».

▪ **25 февраля.** CDC предупредил о признаках неизбежности распространения COVID-19 в США, тем самым призвав людей быть бдительными и готовыми.

▪ **26 февраля.** Сан-Франциско стал первым городом США, объявившим о введении чрезвычайного положения в связи со вспышкой пандемии.

▪ **3 марта.** Чрезвычайное положение в связи с распространением COVID-19 введено во Флориде. В этот же день ФРС понизила базовую процентную ставку наполовину до диапазона от 1 до 1,25%; это была первая подобная акция после Великой рецессии 2008 г.

▪ **5 марта.** Сразу несколько штатов, включая Мэриленд и Калифорнию, ввели у себя чрезвычайное положение. Зафиксировано падение ипотечных ставок, рухнувших до рекордно низкого уровня в 3,29%. Одновременно Конгресс

США принял закон о выделении средств для противодействия коронавирусу на сумму 8,3 млрд долл.

- **8 марта.** Чрезвычайное положение введено в Нью-Йорке.

- **10 марта.** Чрезвычайное положение введено уже в 24 штатах, в том числе в Аризоне, Мичигане, Колорадо, Вермонте, Род-Айленде, а также в Вашингтоне (округ Колумбия).

- **11 марта.** Введение запрета на въезд в США граждан из стран Шенгенской зоны.

- **13 марта.** Президент Д. Трамп в соответствии с Законом Роберта Т. Стаффорда о помощи при стихийных бедствиях и чрезвычайной помощи (Stafford Disaster Relief and Emergency Assistance Act) объявил чрезвычайное положение на всей территории Соединенных Штатов. На Нью-Йоркской фондовой бирже была зафиксирована самая низкая с 1987 г. точка падения индексов ценных бумаг.

- **15 марта.** CDC вводит запрет на проведение собраний с участием более 50 человек. Одновременно стремительно распространяется волна закрытия муниципальных школ и других учебных заведений, захлестнувшая более 30 штатов, а также г. Нью-Йорк, в школах которого обучаются более 1,1 млн детей и подростков.

- **16 марта.** Индекс Dow Jones за один день «просел» на 2997 пунктов – самый сильный крах со времен «черного понедельника» 1987 г. В этот же день американские авиакомпании обратились к правительству за финансовой помощью в размере до 50 млрд долл., чтобы остаться на плаву (или, правильнее сказать в данном случае, «на лету»).

- **19 марта.** Президентом подписан Закон «О противодействии коронавирусу (в первую очередь – семье)» (Families First Coronavirus Response Act) – *подробнее см. в тексте обзора.*

- **20 марта.** По данным CDC, на территории США по состоянию на 20 марта было зафиксировано всего около 18,5 тыс. случаев заражения коронавирусом. Президент Д. Трамп применил Закон об оборонном производстве, чтобы принудить автомобилестроительную компанию «General Motors» производить вентиляторы и другую медицинскую аппаратуру для больниц. Губернатор Нью-Йорка поддержал решение президента, приравняв значимость выпуска вентиляторов к значимости выпуска ракет во время Второй мировой войны.

- **27 марта.** Президентом подписан пакетный Закон о стимулировании американской экономики «весом» в 2,2 трлн долл. (Закон CARES) на базе плана, предложенного администрацией и днем ранее поддержанного Конгрессом США (*см. подробнее в тексте обзора*). В этот же день, по данным CDC, число инфицированных COVID-19 в США превысило 103 тыс. человек.

- **30 марта.** Президент Д. Трамп продлил до 30 апреля действие основных правил социального дистанцирования (с возможностью их продления до конца мая).

- **2 апреля.** Распоряжения «Остаться дома» (Stay-At-Home, SAH) введены в 12 штатах страны. По всей стране введен обязательный масочный режим при нахождении в общественных местах.

- **10 апреля.** Общее число заявок на пособие по безработице всего за три недели составило почти 17 млн.

- **13 апреля.** Стартовал (с некоторыми задержками) первый раунд выплат по стимулирующим чекам в соответствии с Законом CARES.

▪ **14 апреля.** Общее число летальных исходов с начала пандемии достигло в США почти 23,5 тыс. человек.

▪ **16 апреля.** Общее число заявок на пособие по безработице всего за три недели составило почти 22 млн. В этот же день президент Трамп обнародовал общую программу действий по возобновлению некоторых временно приостановленных видов экономической деятельности в стране, но оставил окончательное решение об ослаблении ограничений и открытии экономики в каждом отдельном штате на усмотрение губернаторов.

▪ **19 апреля.** Рост протестных выступлений в ряде штатов (Мичиган, Миннесота, Огайо и др.) с требованием к губернаторам отменить локдауны и шатдауны. Соединенные Штаты удерживают лидерство в мире по числу зарегистрированных фактов инфицирования COVID-19 (695,5 тыс. случаев к этому дню с начала пандемии).

▪ **20 апреля.** Губернатор Техаса подписал исполнительное распоряжение о возобновлении с начала мая работы всех предприятий штата.

▪ **21 апреля.** Президент страны подписал указ, согласно которому обладателям грин-карты заблокирован въезд в США на следующие 60 дней. В этот же день между администрацией и Конгрессом в целом согласован пакет мер стимулирования и поддержки для малого бизнеса на сумму 484 млрд долл. В этот же день цена за баррель нефти упала до абсолютного исторического минимума в 0 долл.

▪ **24 апреля.** Общее число тех, кто подал заявку на пособие по безработице, превысило 26 млн. человек.

▪ **28 апреля.** Введение в ряде штатов регулярного принудительного тестирования на коронавирус бессимптомных граждан, в первую очередь тех, чья работа требует постоянного непосредственного контакта с другими людьми.

▪ **29 апреля.** Начало сотрудничества между правительством США и крупнейшими IT-компаниями и гигантами соцсетей (Facebook, Twitter, Google) в области разработки приложений для смартфонов, позволяющих отслеживать соблюдение социальной дистанции.

▪ **Конец апреля.** Волна отмены блокировок, локдаунов и снятия ограничений распространяется на все большее число штатов, включая Оклахому, Джорджию и др.

Источник: [Allam, 2020, p. 3–58].

Как наглядно видно из хронологической сетки, наиболее драматические события в связи с пандемией и вокруг нее развивались в США примерно с середины марта и до конца апреля 2020 г. «Весеннее обострение» нарастало по мере того, как страну все больше захлестывала первая шоковая пандемическая волна. С высоты 2022 г. кажется, например, нелепым, что при общей численности инфицированных на 20 марта 2020 г. всего в 18,5 тыс. человек в стране уже действовало чрезвычайное положение. Ведь известно, что при сезонных эпидемиях обычного гриппа, летальность которого тоже достаточно высока, болезнь охватывает десятки миллионов людей. Это колоссальные потери рабочих часов,

пропущенных по болезни, весьма весомые потери для ВВП страны. Однако о чрезвычайном положении в ситуации с сезонным гриппом и речи никогда не идет.

Безусловно, свою роль в нагнетании алармистских настроений в тот критический период сыграли руководители многочисленных государственных и общественных институтов, отвечающих в США за обеспечение охраны здоровья населения и за противодействие эпидемическим заболеваниям. Очевидно также, что в том, что касается введения жестких блокировок, Соединенные Штаты (равно как и многие другие страны, особенно в Европе и в Юго-Восточной Азии) во многом пытались следовать примеру Китая – разумеется, с учетом институциональной, правовой, политической специфики своих обществ. Китай первым, как предполагается, столкнулся с новой напастью, первым предпринял самые жесткие меры блокировки и потому многим в США действия Китая в борьбе с коронавирусом казались едва ли не безальтернативными.

Были ли чрезвычайные меры, перечисленные выше, избыточными, неадекватными, паническими? Если оценивать их с позиций, относящихся к более поздним периодам пандемии, ответ на этот вопрос должен быть, безусловно, утвердительным. Но не следует забывать: на тот момент, когда все эти меры вводились, степень неопределенности ситуации, касающейся перспектив и скорости распространения пандемии, возможностей противостоять ей и степени угроз, которые она с собой несет, была чрезвычайно высокой.

И здесь, пожалуй, нельзя не упомянуть про одно немаловажное, если не решающее, обстоятельство, которое предопределяло собой многие решения той тревожной поры, принимавшиеся на высоком уровне. Ключевым фактором, явно «просвечивавшим» сквозь все меры администрации США, законодателей Конгресса и других инстанций, влиявших на принятие решений, был фактор *фундаментальной неопределенности* относительно того, как будет развиваться ситуация.

Речь в данном случае идет, разумеется, не только о решениях, касавшихся введения блокировок и прочих запретов. Несомненно, что и решения, которыми предусматривались пакетные меры по поддержке отдельных секторов экономики, функционирования рыночных институтов, помощи бизнесу, стимулировании спроса, поддержании доходов домохозяйств, выплате компенсаций различным категориям пострадавших как от самой пандемии, так и от ограничительных мер властей также принимались в условиях критической неопределенности.

Именно фундаментальная неопределенность (uncertainty), непредсказуемость динамики распространения коронавирусной инфекции была первопричиной организационных провалов, хаотично принимавшихся решений, беспорядочных действий на всех этапах управленческой вертикали, особенно весной 2020 г. Поэтому проблеме неопределенности в проекции на вводившиеся в США ограничения, особенно в начальных фазах пандемии, и экономическим эффектам этих решений в настоящем обзоре посвящена отдельная глава.

2.2. Политическое противостояние в США вокруг реакции властей на пандемию

Пандемия нанесла по США особенно сильный удар (в сравнении со многими другими странами) и экономический ущерб – лишь одно из измерений многомерного урона, понесенного страной. На первых порах из-за отсутствия эффективных методов профилактики и лечения заболевания, а также из-за неопределенности относительно перспектив и сроков начала массовой вакцинации, которую рассматривали как главное средство решения всех проблем, обрушившихся на страну, органы здравоохранения категорически настаивали на необходимости введения жестких ограничительных мер для сдерживания распространения вируса.

В марте 2020 г. пандемический шок, поразивший США, на некоторое время объединил американское общество, политиков и правительство в совместном противостоянии неожиданной угрозе. Однако это сплочение оказалось недолговечным. Уже в конце апреля того же года, по мере смягчения чрезвычайной медицинской ситуации на Восточном и Западном побережьях страны, единый фронт борьбы с пандемией начал рассыпаться [Nesteruk, 2021, p. 72].

Угроза оказалась многомерной и неожиданной, а способы противодействия ей – спорными и неоднозначными. Наиболее острое противостояние в общественной среде, в бизнес-сообществе, в медийном пространстве и во властных структурах обозначилось по вопросу об отмене карантинных ограничений и о скорейшем возобновлении нормального режима работы предприятий. Горячие дискуссии по этому вопросу отмечались во многих странах, но в Соединенных Штатах ситуация накалялась из-за обозначившегося жесткого противостояния между леволиберальной и правоконсер-

вативной элитами и запрограммированными ими сторонниками и противниками решительных действий [Toose, 2021, p. 229–230].

В итоге Конгресс, который оперативно и решительно начал было действовать в марте, погряз в дискуссиях и запутался в собственных решениях. Одной из причин этого было нараставшее непримиримое противостояние двух политических сил, продемонстрировавших во многом (хотя и не во всем) принципиально различные подходы к выводу страны из шокового состояния. Предстоявшие в ноябре 2020 г. президентские выборы придали этому противостоянию особую остроту: тогдашний президент Д. Трамп, равно как и многие его соратники по Республиканской партии, первоначально недооценил масштабы угрозы (как, впрочем, и многие лидеры других стран), хотя и согласился в итоге на некоторые радикальные и безотлагательные меры, предложенные либеральным крылом демократов и бюрократией, управляющей системой здравоохранения, в основе которых лежало требование о повсеместном введении локдаунов.

Организационный хаос царил и в системе регуляторных инстанций, призванных контролировать распространение пандемии и принимать оперативные решения как по защите здоровья населения, так и в целях обеспечения экономической безопасности страны. 29 января 2020 г. была образована специальная целевая группа по коронавирусу во главе с вице-президентом Майклом Пенсом. Фактически в рамках этой структуры все полномочия были переданы Дебре Биркс, выполнявшей функции «координатора по борьбе с коронавирусом». Вскоре после этого Федеральное агентство по управлению в чрезвычайных ситуациях (Federal Emergency Management Agency, FEMA) начало замыкать на себя ключевые политические полномочия по борьбе с пандемией. В дополнение ко всем этим «новообразованиям» в административной структуре зять президента Джаред Кушнер создал свою «теневую» команду, которая все больше и больше старалась перехватить руководство борьбой с пандемией, что усугубило путаницу в функционалах и распределении полномочий [Bytterbier, 2022, p. 195]. Можно добавить сюда и такую разветвленную структуру, как центры контроля за заболеваниями (Centers for Disease Control and Prevention, CDC), у которых были свои функции и полномочия. У семи нянек, как известно, дитя без глаза. В результате в системе управления не оказалось единого центра ответственности за разработку и реализацию целостной политики в отношении пандемии.

На фоне всей этой организационной сумятицы комментарии по поводу распространения COVID-19 едва ли не ежедневно исходили непосредственно от самого Д. Трампа (правда, в основном через социальные сети). Справедливости ради следует признать, что президент США был гораздо больше озабочен влиянием пандемии на Нью-Йоркскую фондовую биржу, чем рисками, связанными с угрозой здоровью населения. Но было бы несправедливым обвинять его в жесткой приверженности классическому принципу «laissez-faire, laissez-passer» в его неолиберальном толковании, как это делали многие его открытые недоброжелатели.

На первых порах Трамп, безусловно, недооценил масштабы кризиса и степень угрозы. Но ведь вопросы противодействия пандемии никогда прежде не входили в круг его компетенций, у него не было медицинского образования. Поэтому в своих оценках пандемических угроз он вынужден был опираться на экспертные мнения специалистов. А они часто снабжали его неверной информацией. Келлиэнн Конвэй, ближайший советник Трампа, в своей увидевшей свет в мае 2022 г. книге вспоминает эпизод, когда она, оказавшись 6 февраля 2020 г. в президентском лимузине рядом с Трампом, поделилась с ним своим беспокойством по поводу растущей угрозы пандемии. На что президент, по ее словам, ответил: «Я не беспокоюсь. Врачи уверили нас, что риски для США совершенно ничтожны» [Conway, 2022, p. 389].

Многие оппоненты тогдашней администрации (и лично президента Трампа) на протяжении всего 2020 г., особенно в начальной фазе пандемии COVID-19, утверждали, что он стремился преуменьшить масштабы кризиса в системе здравоохранения, опасаясь, что неблагоприятные новости повредят экономике США в целом и фондовому рынку в частности.

Однако постоянный колумнист New York Times, известный публицист и ярый противник Трампа Пол Кругман в своих оценках первоначальной реакции президента на возникший из-за пандемии хаос в американской экономике пошел еще дальше. Кругман заявил, что Трамп не просто проявил некомпетентность и проигнорировал угрозу, поставив личные политические амбиции выше национальных интересов. Президент, по словам Кругмана, совершил глубоко аморальный поступок, граничащий с преступлением [Krugman, 2020b].

Пол Кругман выразил свое несогласие с мнением тех, кто объяснял противодействие президента мерам по сдерживанию COVID-19 (в частности, предписаниям об обязательном использо-

вании защитных масок в общественных местах) неким глубоко укорененным в сознании Трампа культурно-историческим паттерном, связанным с его приверженностью ценностям индивидуальной свободы. По мнению Кругмана, неприятие масок было лишь одной из многих попыток аморального политика, каковым он считает Трампа, спасти свою проблемную президентскую кампанию [Krugman, 2020c]. В полемическом азарте Кругман обвинил Трампа также в том, что его публичное заявление в начале мая 2020 г. о намерении как можно скорее «открыть» экономику и снять наиболее жесткие ограничения для бизнеса не было обосновано взвешенными оценками «рисков и выгод» [Krugman, 2020a]. Тенденциозность и политическая ангажированность этого обвинения с течением времени становятся все более очевидными.

Во-первых, уже тогда было понятно, что за столь короткие сроки, которые прошли к началу мая с момента массовой коронавирусной атаки на население США и, самое главное, в условиях полной неопределенности в части понимания опасности вируса и его последствий для общества (о чем подробнее пойдет речь ниже), никаких сколько-нибудь адекватных оценок «рисков и выгод» сделать было невозможно.

Во-вторых, насколько позволяют судить последующие фазы погружения американской экономики в противоэпидемиологический режим, жесткость первоначальных мер блокировки бизнесов в целях противодействия пандемии, как оказалось, была избыточной.

В-третьих, правительства многих других стран, столкнувшись с неопределенностью, которую таили в себе вызовы коронавирусной пандемии, на начальном этапе противодействия ее распространению тоже предприняли чрезвычайные меры по оперативной блокировке предприятий и введению жестких ограничений на перемещения населения. Даже если не упоминать крайние случаи (например, тотальные локдауны, вводившиеся в мегаполисах Китая), достаточно вспомнить ограничения, действовавшие в большинстве стран Европы, в Японии, в России.

Наконец, в-четвертых, деформации на американском рынке труда к концу апреля 2020 г. стали уже настолько критическими, а динамика роста безработицы настолько тревожной, особенно после многих месяцев почти абсолютного благополучия (см. цифры и таблицы в соответствующих разделах настоящего обзора), что у администрации Трампа были все основания опасаться, что экономическая ситуация в стране вообще может выйти из-под контроля.

Намерение Трампа уже в мае 2020 г. запустить процесс восстановления американской экономики, еще не успевшей к тому времени оправиться от сильнейшего первого удара пандемии, обрушившейся на нее в марте-апреле, натолкнулось на резкое противодействие со стороны леволиберального крыла Демократической партии. В частности, профессор государственной политики Калифорнийского университета в Беркли Роберт Райх, один из видных деятелей Демократической партии США, некогда занимавший пост министра труда в администрации Билла Клинтона, а позднее вошедший в консультативный совет по экономическим преобразованиям при президенте Бараке Обаме, комментируя это майское решение Д. Трампа, обвинил президента в том, что он ради достижения своих политических целей приносит в жертву интересы общественного здравоохранения.

Первейшей обязанностью президента, не преминул заметить Райх, является обеспечение безопасности населения. Вместо этого Трамп, по мнению Райха, поначалу слишком медленно реагировал на возникшую угрозу пандемии, затем солгал американскому обществу, заявив, что никакой опасности не существует, а когда масштабы угрозы стали очевидными, стал препятствовать штатам (особенно тем, которые возглавляли губернаторы-демократы) наладить закупки необходимого медицинского оборудования и средств защиты от коронавируса [Reich, 2020].

Демократы настойчиво продвигали свой тезис, что главной движущей силой возобновления экономической деятельности в мае 2020 г. было желание Трампа восстановить рост числа рабочих мест к ноябрю 2020 г., чтобы накопить багаж экономических успехов в ходе фактически стартовавшей президентской избирательной кампании 2020 г. [Bytterbier, 2022, p. 189–190]. Своими майскими решениями по возвращению экономики на привычные рельсы Трамп, считает Райх, пытался принудить страну снова открыться, чтобы тем самым повысить свои шансы на предстоящих в ноябре президентских выборах. Получается, по Райху, что Трамп «продает здоровье американцев» ради заключения очередной политической сделки [Reich, 2020].

Трамп действительно был обеспокоен эпическими, без преувеличения, масштабами падения американской экономики в марте-апреле 2020 г. Стремительно рушилась вся его программа предшествующих лет по созданию рабочих мест, поддержке бизнеса, укреплению финансового рынка. Надежды на скорую вакцинацию и достижение уровня популяционного иммунитета, о чем

ему говорили чиновники от здравоохранения как о спасении от грозной напасти, обрушившейся на страну, оставались призрачными. При этом он справедливо полагал, что чрезмерно радикальные меры в виде повсеместного введения блокировок, локдаунов и шатдаунов фактически уничтожают экономику, которую он с таким усердием поднимал на протяжении трех лет, и принесут несравненно больше вреда, чем пользы. Именно эти соображения подталкивали его к тому, чтобы принять критически важное решение о перезапуске в мае механизма, который мог бы обеспечить функционирование американской экономики в более или менее привычном рабочем режиме.

Следует признать, что Америка оказалась совершенно неподготовленной к атакам коронавируса. После провала в феврале первой кампании по массовому тестированию населения и отслеживанию случаев заболеваемости наступил кризис, вызванный острой нехваткой средств индивидуальной защиты (СИЗ), за которым вскоре последовал кризис дефицита больничных коек (особенно в отделениях интенсивной терапии), а затем – катастрофа с аппаратами искусственной вентиляции легких (ИВЛ), которых остро не хватало в больницах США, при отсутствии каких-либо планов по их закупке на федеральном уровне или на уровне штатов [Bytterbier, 2022, p. 196].

Тем не менее 24 февраля 2020 г. президент Трамп заявил, что кризис в связи с распространением COVID-19 в Соединенных Штатах в основном находится под контролем. Буквально на следующий день Нэнси Мессоньер, главный чиновник Центра по контролю и профилактике заболеваний дыхательных путей, выступила с предупреждением к американскому народу, что влияние COVID-19 на повседневную жизнь американцев может стать серьезным. Выступление Нэнси Мессоньер фактически спровоцировало обвал биржевых цен на американском фондовом рынке [Ibid.].

Распространявшиеся демократами инвективы о неадекватности и растерянности администрации Трампа перед лицом коронавирусной пандемии, что, по их мнению, привело к провалу всей политики на рынке труда, на самом деле представляются несостоятельными и безосновательными. Заметим прежде всего, что с правовой точки зрения полномочия президента США в части введения рестрикционных режимов на всей территории страны ограничены не только конституционными рамками, перекладывающими значительную часть ответственности за принятие решений подобной правовой «мощности» на законодательную власть

(Конгресс), но и полномочиями, делегированными на уровень штатов и низовых властей.

Трамп, несомненно, допустил немало ошибок, пытаясь нащупать оптимальную стратегию действий в условиях сложившейся чрезвычайной ситуации, подобной которой страна не переживала, пожалуй, никогда. Знаменитая пандемия «испанки», захлестнувшая мир на излете Первой мировой войны, не может идти ни в какое сравнение по мощности и «скорострельности» глобального удара с пандемией коронавируса – тем более если иметь в виду территорию Соединенных Штатов, которые в тот период были относительно трудно достигаемы для пандемической волны.

Но Трамп уже в конце апреля 2020 г. интуитивно почувствовал, а пугающая статистика последствий предпринятых противоэпидемиологических мер утвердила его в убеждении, что блокировочные меры должны быть гораздо более гибкими, что жесткие локдауны и даже шатдауны, тем более если их действие сохраняется достаточно долго, могут привести к необратимым разрушениям в американской экономике. Факты, фиксирующие тогдашние колебания и интуитивные ощущения президента, равно как и рациональные оценки им текущей ситуации, нашли свое подтверждение в опубликованных в 2022 г. мемуарах близких к нему помощников.

2.3. Влияние шока неопределенности на принятие решений в условиях пандемического кризиса и вызванной им экономической рецессии в США

Практически мгновенно (в считанные дни) пандемия породила в экономике США ситуацию многогранной макроэкономической неопределенности, в основе которой лежала не только непредсказуемость собственно эпидемиологической динамики, но и сопряженные с нею и запущенные ею процессы дестабилизации и разбалансировки рынков.

На протяжении всего 2020-го и значительной части 2021 г. стремительное распространение коронавирусной пандемии подпитывало собой неопределенности разных порядков относительно краткосрочных и среднесрочных перспектив экономического роста США. Неопределенность экономических перспектив, источником которой оказался непредвиденный внеэкономический экстремальный фактор, сохранялась в США (как и в других странах) на

протяжении как минимум полутора лет (с весны 2020 до осени 2021 г.), хотя градус этой неопределенности менялся в зависимости от степени успешности и адекватности усилий, предпринятых правительством США по сдерживанию вспышки пандемии (особенно в начальный период, когда даже сроки запуска массовой вакцинации населения США и достижения коллективного иммунитета к инфекции представлялись неясными), а также от интенсивности и согласованности мер властей по возобновлению экономической активности в том объеме, который обеспечивал бы приемлемую динамику экономического роста.

В числе конкретных факторов, генерировавших беспрецедентный уровень неопределенности в первые месяцы распространения эпидемии, можно выделить в частности:

- высокую контагиозность, скорость распространения и летальность вируса;

- проблемы с массовым тестированием и качеством тестов на антигены и антитела;

- противоречивые оценки способности национальной системы здравоохранения справиться с неожиданно возникшей чрезвычайной ситуацией [см., напр.: COVID-induced economic ..., 2020];

- неопределенность в оценках сроков и технологических возможностей, необходимых для разработки и внедрения безопасных и эффективных вакцин;

- непредсказуемость масштабов потерь для общества и экономики из-за высокой смертности населения и нанесения длительного ущерба здоровью тех, кто пережил инфекцию;

- неясности, связанные с оценками целесообразной продолжительности и эффективности мер социального дистанцирования, локдаунов, иных стратегий смягчения пандемических и экономических шоков для населения и бизнеса;

- непредсказуемость ближайших макроэкономических последствий пандемии в контексте как принятых, так и проектируемых мер экономической политики;

- неопределенность в оценках скорости восстановления экономики после отступления пандемии;

- неопределенность в выборе оптимальной продолжительности «временных» мер фискальной и монетарной политики, направленных на поддержку бизнесов и домохозяйств;

- невозможность спрогнозировать, как долго будут сохраняться вызванные пандемией изменения в структуре потребительских расходов;

– неопределенность в оценках влияния пандемии на выживание бизнесов, на создание новых предприятий, на НИОКР, на инвестиции в человеческий капитал, а также другие факторы, влияющие на производительность в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Одним из характерных примеров того, насколько сложно было предвидеть весной 2020 г. развитие ситуации даже на ближайшие месяцы, могут служить аналитические исследования, подготовленные в тот период.

Авторы одного из таких исследований предложили, например, использовать три индекса для измерения шоков неопределенности, которые, по их мнению, позволяли количественно оценить эффекты роста экономической неопределенности в наиболее острых фазах распространения коронавируса. Включение этих шоков неопределенности в модель, построенную для оценки последствий пандемической катастрофы, позволило авторам спрогнозировать сокращение реального ВВП США в четвертом квартале 2020 г. почти на 11% (в годовом исчислении). При этом порядка 60% прогнозируемого сокращения ВВП, как показали результаты моделирования, напрямую объяснялось неопределенностями, возникшими из-за коронавирусного шока [COVID-induced economic ..., 2020].

В работе [Elgazzar, 2021] рассматривались механизмы принятия решений в условиях неопределенности при наличии взаимоисключающих подходов сторон к поиску результативных решений.

Выбор правильной стратегии принятия решений особенно важен в ситуациях, когда желаемые решения, во-первых, критически значимы, а во-вторых, когда их приходится принимать в условиях высокой неопределенности. При этом принимаемые решения не должны ставить под угрозу устойчивость системы, внутри которой они принимаются. Именно к таким ситуациям можно отнести острый экономический и социальный кризис, порожденный пандемией COVID-19.

Как известно, исследование проблем принятия решений в социальных, экономических и политических системах является одной из основных задач теории игр. Всякая игра состоит из некоторого набора игроков и набора стратегий. Каждый игрок выбирает свою стратегию и получает соответствующее вознаграждение. Решение многих задач в теории игр предполагает поиск смешанных стратегий, т.е. таких комбинаций стратегий поведения игроков (агентов), при которых ни один игрок не может сам по себе мак-

симизировать свою собственную выгоду, отклоняясь от согласованной комбинации.

К одному из классов игр относятся так называемые симметричные игры, в которых участвуют два игрока с двумя разными стратегиями. Дилемма заключенного (prisoner's dilemma) является наиболее известной симметричной игрой с двумя игроками и двумя стратегиями, а методология ее разрешения широко используется на практике, когда требуется найти комплементарные подходы к выходу из неоднозначных ситуаций.

Важным понятием для построения смешанных стратегий в теории игр является равновесие Нэша, которое, если вкратце, означает, что ни один игрок не может получить выигрыш, превышающий некое оптимальное значение (так называемый Парето-оптимум), не уменьшая при этом выигрыша другого игрока. Особенно продуктивными для решения практических задач являются разработки в той части теории игр, которая занимается моделированием дилеммы между индивидуальными и групповыми интересами.

Так, в качестве модели для изучения взаимодействия между фармацевтическими компаниями и их контрагентами в период пандемии в работе [Elgazzar, 2021] была использована бипараметрическая квантовая дилемма заключенного. Принципы описания квантовой дилеммы заключенного заимствованы из квантовой механики. Однако наряду с двумя классическими стратегиями взаимодействия – на основе кооперации (cooperation) и на основе конкуренции (competition) – автором модели предлагается третья, смешанная стратегия принятия решений на основе «кооперенции» (новый термин, «coopetition»), которая представляет собой сочетание сотрудничества и конкуренции. Обеспечение равновесного подхода к кооперации и конкуренции является, по убеждению автора, критически важным для разрешения кризисных проблем в экономике, возникших в связи с пандемией.

Предложенное автором модели толкование смешанной стратегии («кооперенции»), строящейся с использованием метода «квантования» интересов сторон, позволяет находить новые равновесные состояния в системе взаимодействия двух контрагентов. Технология построения стратегии кооперенции может быть приложима к реальным ситуациям и способствовать принятию согласованных компромиссных решений в условиях неопределенности и даже в случаях диаметрально противоположных подходов сторон к способам выхода из сложных ситуаций.

С концептуальных позиций проблема неопределенности в проекции на действия и решения органов власти США в наиболее острый период распространения COVID-19 анализируется в работе нобелевского лауреата по экономике, профессора Дж. Стиглица [Stiglitz, 2020]. Работа эта заслуживает того, чтобы остановиться на ней подробнее, хотя при этом приходится оставить за рамками обзора описание некоторых методологических подходов автора к выбору базовых условий и ограничений используемой им модели, а также приведенные в ней эконометрические построения. Заинтересованный в деталях читатель может обратиться непосредственно к самой работе. В этом, собственно, и состоит задача обзора – представить читателю сколь возможно широкий спектр оценок и мнений в границах очерченной темы.

В основу предложенного Дж. Стиглицем подхода к анализу поведения американской экономики в условиях пандемии и реакции на это поведение законодательных и исполнительных регуляторных инстанций различного уровня положены следующие базовые предпосылки:

1) характеристика COVID-19 как шока изначально неизвестной глубины и продолжительности, затрагивающего одни секторы, отрасли, сферы профессиональной деятельности и технологии в большей степени, чем другие;

2) признание существования известных ограничений на перемещение ресурсов (сырья, материалов, человеческого капитала) между секторами, отраслями и сферами деятельности;

3) чрезвычайно высокий уровень неопределенности в оценках перспектив распространения пандемии, ее негативных экономических последствий, а также необходимых и достаточных способов преодоления этих последствий, особенно в период первой и второй волн пандемии, когда риски, генерируемые пандемией, плохо поддавались просчету стандартными методами.

Приведем некоторые начальные условия (допущения, упрощения, ограничения), заложенные в описываемую Дж. Стиглицем модель:

1) рассматривается двухсекторная экономическая модель, в которой один сектор фактически парализован из-за пандемии, в то время как другого сектора пандемия не только не коснулась, но и способствовала его быстрому росту;

2) предполагается, что заработная плата и цены в каждом секторе фиксированы, а масштабы использования труда соответствуют уровню полной занятости, но не выше (иначе говоря, в крат-

косрочной перспективе рабочая сила не может быть перемещена из одного сектора в другой);

3) норма сбережений фиксирована, т.е. защитная реакция на шок, вызванный пандемией, не предусмотрена.

Постепенно, шаг за шагом, начальные упрощения модели отчасти снимаются или ослабляются [Stiglitz, 2020, p. 5].

Пандемия COVID-19, заметил Дж. Стиглиц, – не только самое сильное потрясение, поразившее мировую экономику со времен Великой депрессии конца 1920-х годов, но и самый сложный по своей структуре и последствиям экономический шок. Его негативные эффекты проявляются как на стороне спроса, так и на стороне предложения [Ibid., p. 30] (*см. об этом ниже*). При этом пандемический шок по-разному влияет на разные отрасли, разные технологии и разные домохозяйства. Он также по-разному влияет на профессиональные возможности, личностные коммуникативные характеристики людей в зависимости от их места в экономической системе и их роли как экономических агентов. Многие проблемы подавления негативных эффектов пандемии, разумеется, могут быть объяснены фактором внезапности экономических кризисов вообще, но в случае с COVID-19 действовали и другие факторы, которые в принципе невозможно было предвидеть еще за месяц-два до того, как пандемия, проявив себя вначале в Китае, захлестнула затем и США, и весь мир [Ibid., p. 2].

Из-за макроэкономических эффектов пандемии, имеющей экзогенную по отношению к экономике природу, т.е. не вписывающейся ни в динамику экономических циклов, ни в те или иные случайные или преднамеренные действия отдельных агентов рынка, предпринимаемые властями меры защиты от ее негативных последствий, по мнению Стиглица, могут лишь усугублять спад: ведь даже те отрасли американской экономики, где распространение COVID-19 практически не оказало прямого влияния на объемы потребления или производства, в критической фазе пандемии (март-апрель 2020 г.) столкнулись с резким сокращением занятости и ростом безработицы. Ситуация осложнялась тем, что в разных отраслях и секторах экономики мультипликаторы, генерируемые принятыми в спешном порядке различными программами финансовой помощи бизнесу и домохозяйствам, действовали по-разному [Ibid., p. 37].

Пандемия изменила привычные подходы к расчету неопределенностей, потому что на памяти человечества не существует эталонного события, подобного кризису начала 2020 г. COVID-19

имеет более глобальный масштаб, более глубокое воздействие, более далеко идущие последствия и более сложный характер, чем любой другой кризис, с которым сталкивались или о котором задумывались те, кому приходится принимать стратегические экономические решения [см.: COVID-19 : confronting ..., 2020].

Здесь необходимо еще раз подчеркнуть уже отмеченные в преамбуле к обзору, но теперь рассматриваемые в несколько ином ракурсе два важных признака острой рецессии, спровоцированной пандемией и обрушившей американскую экономику во втором квартале 2020 г.

Во-первых, в отличие от классических циклических спадов, развивающихся по стандартному сценарию, генезис которых лежит в самой рыночной культуре, в случае с пандемией триггером, запустившим весной 2020 г. механизм дестабилизации привычного режима функционирования экономики США (как, впрочем, и экономик других стран мира), послужили факторы внеэкономической, т.е. экзогенной по отношению к рынку природы. Это придало особую окраску как динамике кризиса (в широком, мультипараметрическом значении этого понятия), так и формам его проявления в виде экономической рецессии.

Во-вторых, сама стремительность атаки пандемии на американское общество, непонимание механизмов ее распространения и неспособность просчитать перспективы ее угасания стали причинами иногда не вполне адекватных, а часто бессистемных и хаотических действий государственных регуляторных институтов, призванных одновременно решать две, в общем-то, противоположные по целям и используемым инструментам задачи: одной рукой сдерживать натиск пандемии, обеспечивая необходимые меры по защите граждан и снижению рисков тяжелых последствий заболевания путем введения карантинных ограничений на контакты и перемещения граждан (локдаунов и шатдаунов), а другой рукой – смягчать негативные последствия названных выше мер для экономики страны в целом и для отдельных агентов рынка, стараясь не допустить критического свертывания ключевых сфер производства товаров и услуг и предпринимая меры по минимизации и скорейшему преодолению провалов на рынках труда (сокращение занятости, рост безработицы), на рынках товаров и услуг (разрывы логистических цепочек поставок и цепочек создания добавленной стоимости), на финансовых рынках (лихорадка на фондовом рынке и резкое падение курсов акций).

Проблема принятия решений, с которой сталкивается регуляторная инстанция высокого уровня во время кризиса, подобного пандемии COVID-19, не является тривиальной. На начальном этапе, когда вспыхивает новое инфекционное заболевание, ближайшим решением часто становится попытка сдержать вспышку путем принятия ранних мер по контролю за дальнейшей передачей инфекции (например, вводя изоляцию лиц с подтвержденными или подозреваемыми случаями заболевания и отслеживая их контакты). Если действия на этом этапе не приводят к желаемым результатам, перед директивными органами встает проблема перехода ко второму этапу принятия решений, предусматривающему необходимый уровень, сроки и продолжительность регуляторного вмешательства, с тем чтобы смягчить негативные эффекты распространения пандемии. Меры, принимаемые на этом этапе, могут предусматривать запреты на массовые собрания, закрытия школ, локдауны и шатдауны, а также более экстремальные требования по ограничению контактов [Rational policymaking ..., 2021, p. 2].

Задача, которую были призваны в максимально сжатые сроки решать регуляторные инстанции США на разных уровнях управления, осложнялась тем, что органы власти на субфедеральном и муниципальном уровнях обладают достаточно высокой степенью автономности в принятии решений, в том числе экономических и финансовых. Таким образом, многие инициативы и предписания, исходившие от федеральных властей в целях противостояния пандемии, имели рекомендательный характер и не всегда были обязательными для штатов. Это привносило дополнительный хаос в реализацию централизованно объявленной политики противодействия пандемии – если учесть к тому же, что перемещения товаров и услуг, труда и капитала между штатами, по сути, никак не ограничивались (см. *подробнее ниже*).

Один из интересных вопросов, лежащих в этой плоскости суждений и оценок, может быть сформулирован следующим образом: в какой мере американское государство как до известной степени внерыночный агент (во всяком случае, более внерыночный, чем, например, государства во Франции или в Италии), при этом как «страж» незыблемости институтов рынка, как инструмент внешнего воздействия, более или менее активно вмешивалось в процесс регулирования американской экономики в периоды обострения приступов пандемии на протяжении 2020–2021 гг. в сравнении, например, с периодом Великой рецессии 2008–2009 гг.? Есть немало признаков, позволяющих сделать вывод о том, что

такое вмешательство во время пандемии было гораздо более значимым, чем в годы Великой рецессии. В соответствующем разделе настоящего обзора читатель обнаружит яркие примеры такого законодательного и регуляторного вмешательства. Здесь достаточно упомянуть о том, какие огромные финансовые вливания были сделаны для поддержки экономики как администрацией Д. Трампа, так и администрацией Дж. Байдена; сколь огромное количество указов, распоряжений, иных распорядительных документов было подготовлено и издано федеральными властями и властями штатов, чтобы сдерживать натиск пандемии и микшировать ее негативные эффекты; какие разнообразные финансовые инструменты были задействованы Федеральной резервной системой США (ФРС), чтобы помочь экономическим агентам выкарабкаться из пандемического спада.

Оценивая меры, предпринимавшиеся на федеральном уровне в ситуации коронавирусного шока, Дж. Стиглиц выходит на проблему целесообразности и эффективности политики, поощряющей так называемое предусмотрительное поведение (*precautionary behavior*) агентов рынка, которое, по его мнению, может способствовать минимизации рисков и потерь, источником которых являются как прямые эффекты пандемии (краткосрочные и долгосрочные угрозы здоровью нации, рост смертности, снижение уровня работоспособности, снижение качества человеческого капитала и пр.), так и чрезмерно жесткие, пусть и временные, ограничительные действия властей, по сути «запирающие» экономику, т.е. приводящие к резкому сокращению занятости, уменьшению доходов бизнеса и домохозяйств и в итоге к падению ВВП [Stiglitz, 2020, p. 6].

Осторожное (предусмотрительное) поведение экономических агентов, по Дж. Стиглицу, в известном смысле противоположно равновесному поведению: именно в той мере, в какой экономические агенты осознают, что им неизвестно будущее, они готовы допустить, что уже действующие планы и контракты, а также планы, которые предстоит выполнять в будущем, и контракты, которые придется заключать в будущем (к примеру, трудовые договоры или договоры аренды), могут быть, соответственно, сорваны или нарушены. Поэтому логика предусмотрительного поведения подсказывает экономическим агентам, что они должны быть в состоянии оперативно реагировать на непредсказуемые обстоятельства, генерируемые экзогенными факторами [Ibid., p. 4].

Значимость этого замечания может быть проиллюстрирована, в частности, данными по США за второй квартал 2020 г., когда

страна испытала первый сильнейший удар пандемии: расходы домохозяйств на личное потребление за этот период сократились на 34,6% по сравнению с предыдущим кварталом, однако при этом их личные располагаемые доходы возросли на 44,9%, что привело к резкому увеличению нормы сбережений, которая составила 25,7% от совокупного объема располагаемых доходов населения во втором квартале 2020 г. Не менее существенными представлялись опасения работников из-за перспективы сокращения рабочих мест и роста безработицы. Хотя, как показало развитие ситуации на американском рынке труда в 2021–2022 гг., эти опасения оказались беспочвенными: проблемы возникли не на стороне предложения, а на стороне спроса, т.е. не с нехваткой достаточного количества вакансий после того, как рецессия стала отступать, а со спадом интереса работников к заполнению этих вакансий, о чем речь пойдет ниже.

К числу непредвиденных эффектов пандемии, вызывавших у агентов рынка небезосновательные опасения, относилась, например, перспектива возрастания рисков введения ограничений на доступ физических и юридических лиц к финансовым ресурсам посредством нормирования размера и условий банковского кредитования.

Действительно, неопределенность в отношении будущего в период пандемии повышает вероятность введения нормирования кредита. Подобного рода риски, не подпадающие под страхование, могут играть важную роль при формировании эффективных мероприятий государства в сфере экономической политики в целях противостояния эффектам пандемии. Перераспределение денежных потоков в пользу тех, кто ограничен в кредитах, может иметь значительный мультипликативный эффект; а вот средства, выделяемые тем, кто предусмотрительно создает страховочные сальдо на случай будущих рисков, могут иметь низкие мультипликаторы (подобно кейнсианской ловушке ликвидности). Так что государственные расходы, даже направляемые в сектора экономики, не затронутые напрямую пандемией, могут содействовать снижению безработицы. При этом, исходя из сказанного выше, есть варианты предоставления денежной помощи, которые способствуют уменьшению потребности в страховочных накоплениях и, соответственно, могут генерировать значительные мультипликативные эффекты.

Стратегии и модели предусмотрительного поведения применительно к ситуациям, чреватые высокими рисками неопределенности, рассматривались некоторыми исследователями в том числе в связи с эпидемическими заболеваниями, изменениями климата и

другими плохо предсказуемыми явлениями экзогенной по отношению к экономике природы (см., напр.: [Shinan-Altman, Levkovich, 2020; The precautionary principle ..., 2017; Rational policymaking ..., 2021]). Поведение агентов рынка с предосторожностью в условиях пандемии не следует паттернам так называемого равновесного поведения, т.е. является антитезой равновесному поведению, которое в стандартных динамических моделях рассматривается как типичное. Дело в том, что стандартные равновесные подходы к выбору стратегии поведения агентов рынка могут не работать в условиях раскручивания спирали пандемии и потому не обеспечивают надлежащую основу для моделирования функционирования экономики по той причине, что лица, принимающие решения, не имеют перед собой достаточно внятно прогнозируемого будущего. Это, в свою очередь, означает, что действующие и вновь заключаемые контракты, как и средне- и долгосрочные планы, могут быть нарушены из-за непредсказуемости поведения контрагентов в условиях непредвиденных обстоятельств форс-мажора [Stiglitz, 2020, p. 4].

Вполне естественно, что экономисты, пытаясь понять механизмы влияния пандемии на базовые макроэкономические индикаторы (экономисты ведь не могут непосредственно «щупать» экономику, они могут только расставить макро- и микроэкономические «датчики» и периодически снимать с них более или менее релевантную информацию) и спрогнозировать ее возможные эффекты хотя бы в пределах среднесрочного горизонта, обратились к имеющемуся в их распоряжении математическому инструментарию, рассчитывая, что конструкты моделирования помогут как-то разобраться с тем, что происходит, и найти подсказки, позволяющие наметить стратегию надлежащих действий.

Несмотря на экстраординарность и атипичность кризисной ситуации, возникшей в экономиках мира в связи со стремительным распространением пандемии [Aaltola, 2022, p. 2], экономисты из разных стран, в том числе из США, вынуждены были прибегнуть к уже известным, стандартным средствам динамического моделирования процессов в сферах макроэкономики и финансов, чтобы более или менее адекватно описать происходящее и предложить возможности для скорейшего преодоления нараставшего как снежный ком кризиса. Это выглядело вполне оправданным, если учесть, что в основе стандартных динамических моделей лежит гипотеза о так называемом межвременном замещении, а COVID-19, что было очевидно уже с самого начала, характеризуется в первую очередь именно межвременными изменениями в

производстве и потреблении. Но, как оказалось, многие макроэкономические эффекты пандемии этим далеко не исчерпываются и потому стандартные равновесные модели, как уже было отмечено выше, работают недостаточно надежно.

Известно, что в стандартных моделях особое внимание уделяется фактору межвременного замещения¹ [Stiglitz, 2020, p. 3], а COVID-19, очевидно, повлечет за собой межвременные изменения в производстве и потреблении. Вместе с тем очевидно, что в ситуации, осложненной эффектами пандемии, дело не ограничивается стандартными межвременными изменениями ресурсной структуры экономики.

Как уже отмечалось, COVID-19 повлиял на некоторые отрасли и технологии в большей степени, чем на другие, что во многом объясняется особенностями организации производственной деятельности в тех или иных отраслях (см. об этом ниже подробный анализ работы М. Корена). Таким образом, пандемию можно рассматривать как своего рода негативный «секторальный импульс» неясной этиологии, неизвестной глубины и не просчитываемой продолжительности. Подобного рода шоки не могут не иметь серьезных макроэкономических последствий. Межотраслевое (межсекторальное) замещение, несомненно, может играть при этом немаловажную роль в определении характера, направлений и масштабов макроэкономических «вмятин» и «ушибов», образующихся от ударов пандемии по «телу» экономики. Поэтому для изучения таких эффектов требуется модель, позволяющая анализировать механизмы замещения как минимум между двумя секторами.

¹ Понятие «межвременного замещения» (intertemporal substitution) обозначает процесс адаптации прогнозируемых объемов роста производства и / или потребления к ожидаемым изменениям нормы отдачи от вложенных ресурсов.

Например, экономика, потребляющая относительно большую часть своего национального дохода, сберегает и инвестирует относительно меньшую его часть, и потому будет иметь более медленный экономический рост и меньший уровень потребления в будущем по сравнению с экономикой, в которой потребляется малая часть национального дохода, а сберегается и инвестируется большая часть. Такое поведение отражает временные предпочтения экономических агентов, отдаваемые ими текущему потреблению перед будущим. Эластичность межвременного замещения зависит от динамики ставки процента и от структуры производственных или потребительских предпочтений экономических агентов в тот или иной период времени.

Межвременное замещение составляет ядро едва ли не всех динамических макроэкономических моделей, описывающих функционирование рынков производства, потребления, финансов и труда.

Межвременное замещение, однако, имеет свои пределы, в том числе по той причине, что оно нередко выступает в качестве альтернативы кросс-продуктовому или кросс-секторальному замещению (либо дополняет их). Так, посетители пунктов общепита, которым из-за пандемии был ограничен доступ в излюбленные ими рестораны, очевидно, с меньшей вероятностью переключат свой неудовлетворенный спрос на приобретение, например, более роскошного автомобиля и с большей вероятностью увеличат потребление ресторанных блюд в период после пандемии (при условии, разумеется, что, по их оценкам, пандемия сойдет на нет в какой-то обозримый период). На практике то кросс-секторальное замещение, которое действительно имело место в периоды наиболее острых фаз пандемии, происходило путем переключения спроса или предложения на более трудо- или времяемкие товары и услуги, т.е., например, на питание дома (с покупкой продуктов в продовольственных магазинах) вместо потребления ресторанной еды. Таким образом, при текущих средневзвешенных размерах заработной платы и ценах спрос на труд, вероятно, уменьшится [Stiglitz, 2020, p. 3].

Сходный аргумент, сводящийся к тому, будто в период пандемии не следует особо беспокоиться о том, в какой мере краткосрочное сокращение доходов повлияет на платежеспособный спрос, поскольку пандемия недолговечна и, следовательно, в долгосрочной перспективе доходы подвергнутся лишь незначительным корректировкам, а благодаря межвременному «сглаживанию» сегодняшний платежеспособный спрос не слишком пострадает (при фиксированных процентных ставках), представляется также неубедительным. Из-за пандемического «налога» на потребление целого ряда товаров и услуг, оказавшихся «жертвами» пандемии, межвременная относительная цена на них резко меняется; в результате их потребление в период пандемии сокращается. Иначе говоря, «пандемический» эффективный спрос будет сокращаться и тем в большей степени, чем больше потребление «затронутых» пандемией товаров и услуг дополняет потребление товаров и услуг, напрямую не затронутых пандемией, так что сокращение потребления первых приведет к снижению спроса на вторые. Корректировки номинальной процентной ставки могут в известной мере компенсировать обозначенные негативные эффекты. Однако манипуляции с процентной ставкой не всегда возможны, особенно если экономика находится в точке нулевого или отрицательного роста [Stiglitz, 2020, p. 5].

Некоторые исследователи, анализирующие поведение американского рынка в условиях пандемии (см., напр.: [Macroeconomic implications ..., 2020]), делают акцент на эффектах, которые генерирует пандемия на стороне спроса. Однако не менее, если не более важным в рамках краткосрочного анализа экономических событий является оценка влияния ограничений на стороне предложения (см. *подробнее ниже*). С учетом этого Дж. Стиглиц в своей работе обращает специальное внимание на проблемы перераспределения ресурсов, перемещения рабочей силы и капитала между секторами и отраслями американской экономики, т.е. между теми рынками и сферами экономической деятельности, которые серьезно «просели» из-за распространения пандемии (например, авиаперевозки, строительство, туризм, гостиничное хозяйство, общественное питание и пр.), и теми, которые благодаря пандемии стремительно пошли «в рост» и спрос на которые увеличился (производство специального медоборудования, масок, тестов и защитного снаряжения; фармацевтика; производство индивидуальных транспортных средств; доставка продуктов и товаров на дом; производство компьютерных игр и разработка нового программного обеспечения для поддержания удаленных коммуникаций и пр.). Именно ограничения со стороны предложения (возможно, даже в большей степени, чем ригидность номинальной заработной платы и цен) играют ключевую роль в торможении адаптации экономики к новой равновесной структуре и достижению полной занятости, поскольку в основе этих ограничений лежит объективно недостаточная мобильность рабочей силы (в профессионально-квалификационном, отраслевом, территориальном разрезе) и объективно недостаточная маневренность капитала.

Перечисленные выше модели поведения экономических агентов, равно как и различные проявления регуляторной активности властных институтов, несут на себе отчетливую печать эффекта неопределенности, который остается важнейшим фактором, обуславливающим особенности и качество реагирования рыночных институтов и органов власти США на атаки коронавируса – поскольку с ситуацией, обозначившейся в начале 2020 г. и стремительно подчинившей себе все сферы хозяйственной и социальной жизни страны, многим поколениям никогда прежде не приходилось сталкиваться. Фактор столь высокой неопределенности уже сам по себе должен предполагать высокий уровень предусмотрительности со стороны агентов рынка и упреждающей реакции вла-

стей в русле стратегии предосторожного поведения [The precautionary principle ..., 2017, p. 4].

Неопределенность, как уже подчеркивалось, существует не только в том, что касается глубины и продолжительности пандемии, но и в том, что ее экономические эффекты представляются непредсказуемыми. Существует также неопределенность в отношении долгосрочных последствий пандемии в части, касающейся изменений в экономическом поведении агентов рынка или используемых ими технологий. Очевидно, что фактор неопределенности сам по себе во многом предопределяет масштабы, структуру и эффективность политических мер, направленных на борьбу с пандемией и ее последствиями. Тем не менее, несмотря на то что ответы на многие вопросы, связанные с пандемией, продолжают оставаться не только неизвестными, но и в принципе не поддающимися решению, могут быть сформулированы некоторые субъективные подходы к оценке вероятностного распределения эффектов, генерируемых пандемией [Stiglitz, 2020, p. 40].

Сдержанная (осторожная) поведенческая стратегия экономических агентов в условиях пандемии может, в частности, способствовать росту спроса не столько на уже произведенные товары и услуги, в т.ч. на инвестиционные товары и услуги, позволяющие увеличить производство завтра, сколько на еще не произведенные активы (например, на финансовые, земельные и иные средства сбережения капитала) [The precautionary principle ..., 2017]. Тут не работает закон Сэя: предложение не создает свой собственный спрос. Для этого существует очевидная причина: инвестиционный товар – это особый вид вложения в отличие от прочих способов сбережений (таких, например, как вложения в земельные активы). И с этой точки зрения все прочие способы сбережений имеют бóльшую опционную стоимость (т.е. стоимость в будущих операциях с такими активами).

Иначе говоря, в условиях пандемической неопределенности никто с уверенностью не может знать, каким в итоге окажется экономическое будущее, а значит, стратегия инвестиционного поведения, основанная на чрезмерной приверженности какой-либо одной конкретной форме инвестиционных активов, может в результате дорого обойтись инвестору. При этом важно иметь в виду, что в условиях критической неопределенности в связи с пандемией чем более осторожной оказывается выбранная стратегия, тем, при прочих равных условиях, выше риски увеличения амплитуды колебаний рынков и их последствий – например тех, что провоци-

руют рост безработицы. Однако подобная реакция рынков резко контрастирует с концепцией межвременного замещения, составляющей фундамент стандартной модели. Так или иначе, результирующей сдержанной стратегии становится стабилизация совокупного спроса (по крайней мере при отсутствии еще не произведенных активов, жесткости заработной платы и цен и в контексте перспективных рынков, удовлетворяющих всем условиям трансверсальности, применяемым в стандартных моделях).

Одной из важных исходных посылок в модели, рассматриваемой Дж. Стиглицем, служит условное допущение, что COVID-19 – это достаточно «протяженный» шок. Строго говоря, как «вроде бы» стало понятно спустя два года после первого шока от пандемии, это шок, по-видимому, средней продолжительности. На самом деле с точки зрения концепции межвременного замещения собственно пандемический шок оказался достаточно краткосрочным, чтобы для экономики не имело смысла нести значительные расходы на перераспределение ресурсов между секторами и отраслями, но в то же время достаточно длительным, чтобы нанести экономике весьма серьезный ущерб в терминах оценки текущей дисконтированной приведенной стоимости (PDV) благосостояния [Stiglitz, 2020, p. 5].

Концепция сдержанного поведения не является какой-то принципиально новой. И до пандемии COVID-19 в научных публикациях, посвященных проблемам защиты населения от эпидемиологических угроз, эта концепция активно разрабатывалась (см., напр.: [The precautionary principle ..., 2017]). Однако Дж. Стиглиц применил ее методологию к построению стратегии реакции регуляторных институтов и агентов рынка в условиях неопределенности, возникших в связи со стремительным распространением COVID-19.

Пандемия COVID-19 «навесила» дополнительные расходы на определенные виды деятельности в производственной сфере, сфере услуг и в сфере потребления, связанные с риском заражения опасным заболеванием, требующим потенциально дорогостоящего лечения. Подобные расходы можно рассматривать как своего рода дополнительный «налог» (называемый диссипативным в стандартных моделях равновесия) на трудоемкие производства и на многие операции в сфере услуг, т.е. на те виды деятельности, где сохраняется высокая доля использования живого труда (роботы, насколько известно, не заражаются COVID-19 – для них предусмотрены иные виды вирусов).

Очевидно, что такой «налог» фактически повлечет за собой снижение уровня благосостояния некоторых категорий занятых, прежде всего из числа низкооплачиваемых работников в сфере производства и работников, занятых на простых операциях в сфере услуг. В результате, если снижение уровня благосостояния таких работников не будет компенсировано государственным вмешательством, восстановление конкурентного равновесия, согласно стандартной модели, приведет к существенному снижению уровня равновесной заработной платы прежде всего работников с низкой квалификацией, а следовательно, и к снижению благосостояния семей с невысокими доходами, в наибольшей степени пострадавших от коронавируса. В итоге, замечает Стиглиц, COVID-19 приведет к повышению уровня неравенства в доходах и в благосостоянии до еще более высокой планки [Stiglitz, 2020].

Пандемия COVID-19 действительно породила гораздо больший шок неопределенности, чем тот, который был связан с глобальной рецессией 2008–2009 гг., и более схожий по величине с масштабами неопределенности во время Великой депрессии 1929–1933 гг. Но в нынешнее время, по мнению представляющих крупные исследовательские центры США (Гарвардский, Стэнфордский, Бостонский университеты, Гуверовский институт) авторов совместной публикации, подготовленной весной 2020 г. [COVID-induced economic ..., 2020], имеются достаточные возможности для отслеживания и изучения динамики роста «пандемической» неопределенности практически в режиме реального времени, используя показатели волатильности фондового рынка, данные СМИ об экономической неопределенности, а также агрегируя результаты опросов респондентов из числа руководителей бизнесов, оценивающих воспринимаемый ими уровень неопределенности с точки зрения их бизнес-перспектив.

Используя показатели фондового рынка для калибровки первого и второго шоков, связанных с распространением COVID-19, и вводя их в расчетную эмпирическую модель, построенную для измерения экономических последствий пандемии, авторы публикации пришли к выводу, что предполагаемое сокращение реального ВВП США во втором квартале 2020 г. составит порядка 9% (в среднегодовом исчислении), а к концу 2020 г. ВВП страны может рухнуть на 11% [COVID-induced economic ..., 2020]. В работе справедливо отмечается, что более половины сокращения ВВП в 2020 г. генерируется неопределенностями, связанными с атаками коронавируса. Вместе с тем авторы признают, что доверительные

интервалы их прогнозов относительно динамики ВВП достаточно широки, и находят основания полагать, что их «иллюстративное упражнение», возможно, недооценивает вероятный негативный эффект пандемии COVID-19 на объем совокупного производства.

На самом деле, как уже известно, масштабы падения ВВП США по итогам 2020 г. (согласно официальным данным) оказались гораздо более скромными, чем рассчитали эксперты. Это заставляет предположить, что фактор неопределенности благодаря своей мощности и высокой пенетрационной способности, по всей видимости, проник даже в конструкцию модели, построенной авторами, и фактически во многом обесценил их прогноз, что еще раз свидетельствует о зыбкости и ненадежности попыток моделирования какого-либо процесса в условиях вторжения в экономику неопределенностей такого уровня, как пандемия COVID-19.

На протяжении всего 2020 г. в американском экспертном обществе дискутировался вопрос, в какой мере администрация Трампа могла бы смягчить столь стремительное падение рынков, если действовала бы иначе и по другому сценарию, чем действовала на самом деле. Этот вопрос, вообще говоря, был скорее риторическим, поскольку достаточно сложно, если не невозможно, смоделировать ситуативные варианты тех или иных действий властей, а также реакции на них национальной экономики вообще и рынка труда в частности. Слишком много здесь действует факторов случайного и разнонаправленного характера, которые не поддаются сколько-нибудь рациональному анализу и прогнозированию.

Беспрецедентная неопределенность, источником которой стало стремительное распространение пандемии, не позволяла найти и предложить однозначный ответ на критически важный вопрос: *как именно следует действовать, чтобы минимизировать риски одновременно и для здоровья населения, и для экономики.* Казалось, обе стратегии поведения в сложившейся ситуации являются проигрышными. По утверждениям авторитетных врачей и вторивших им чиновников от здравоохранения, такие меры, как введение карантина, закрытие предприятий, ограничения на передвижения и собрания и пр., в условиях неопределенности с перспективами начала массовой вакцинации помогут избежать высокой смертности от коронавируса и сохранить здоровье граждан. Но при этом было очевидно, что столь радикальные решения наносят колоссальный ущерб экономике и в конечном счете тем же самым гражданам, многие из которых оставались без работы, без достаточного обеспечения, без возмож-

ности свободного приобретения необходимых товаров и услуг повседневного спроса [Toose, 2021, p. 3].

На момент подготовки настоящего обзора (лето-осень 2022 г.) неопределенность относительно скорости распространения пандемии COVID-19, дальнейших перспектив ее сдерживания и всплеск возможных других опасных пандемических заболеваний по-прежнему сохраняется, несмотря на то что уровень тревожной напряженности в сравнении с весной 2020 г. заметно снизился.

3. «Шок и трепет» : как и почему обрушилась американская экономика во втором квартале 2020 г.

3.1. Первая шоковая пандемическая волна и падение ВВП

Основной удар тяжелой рецессии 2020 г. пришелся в США на второй квартал. Алармистские настроения, порожденные тотальной неопределенностью, устойчиво удерживались на высоком уровне. По медианным прогнозам ФРС, опубликованным 10 июня 2020 г., т.е. в самом начале вялого затухания первой волны пандемии, по итогам 2020 г. ожидалось падение ВВП США на 6,5% (реальный разброс прогнозных оценок варьировал от -10% до $-4,2\%$), что значительно превышало масштабы сокращения ВВП в период Великой рецессии 2009 г. ($-2,5\%$). Пандемия прервала экономический рост, худо-бедно продолжавшийся более 128 месяцев подряд (с июня 2009 г. по февраль 2020 г.), который был самым длительным в истории экономических циклов США, хотя и менее активным, чем в предыдущие циклы [Веселовский, 2021, с. 96; Impact of COVID-19 ..., 2020, p. 1]. Разумеется, рецессию, порожденную пандемией, нельзя вписывать в классическую динамику экономических циклов – у нее совершенно иная природа. И тем не менее рецессия остается рецессией со всеми своими признаками и последствиями вне зависимости от того, является ли она имманентной частью классического цикла или нет.

Данные табл. 1 с очевидностью демонстрируют, что американская экономика пережила сильнейшую рецессию в первом-втором кварталах 2020 г. Правда, рост ВВП в последующие четыре квартала (второе полугодие 2020 г. – первое полугодие 2021 г.) также оказался беспрецедентным, особенно в третьем квартале

2020 г., так что провал первого полугодия 2020 г. был полностью «отыгран» назад.

Таблица 1

**Динамика реального ВВП США в 2019–2022 гг.
(поквартально, на конец квартала, в %)**

Год	2019				2020				2021				2022	
Кв.	I	II	III	IV	I	II	III	IV	I	II	III	IV	I	II
ВВП	2,4	3,2	2,8	1,9	-5,1	-31,2	33,8	4,5	6,3	6,7	2,3	6,9	-1,6	-0,6

Источник: US Real GDP QoQ // YCharts. – 2022. – URL: https://ycharts.com/indicators/us_real_gdp_growth (date of access: 23.09.2022).

Попутно нелишне отметить: из табл. 1 видно также, что два года спустя, в первом-втором кварталах 2022 г., экономика США снова попала в рецессию – так называемую техническую рецессию, поскольку рост реального ВВП, зафиксированный в течение двух кварталов подряд, оказался отрицательным. Понятно, что в этой второй рецессионной волне значительную роль сыграли иные факторы, многие из которых лишь отчасти связаны с пандемическим ударом по экономике весной 2020 г. (например, сохраняющиеся сбои в цепочках поставок и пандемическое «эхо» на рынке труда) или «почти» не связаны с пандемией (например, рост мировых цен на энергоносители и на продовольствие, рост затрат на решение климатических проблем и пр.).

Первые критические по мощности удары по экономике США, нанесенные как собственно пандемией, так и в значительно большей степени мерами противодействия ее распространению, были зафиксированы уже по итогам первого квартала 2020 г. За этот период ВВП страны упал более чем на 5%; стремительно пошли вниз показатели объема производства и занятости на уровне штатов. И это при том, что первые два месяца года (январь и февраль) не предвещали никакого шторма. Экономический обвал случился в марте, и именно мартовские показатели сыграли решающую роль в падении ВВП по итогам первого квартала. На пике шока первой волны предварительными алармистскими оценками динамики ВВП на второй квартал 2020 г. прогнозировалось сокращение ВВП даже на 32,9% [Impact of COVID-19 ..., 2020, p. 1].

Столь беспрецедентный по своему пессимизму, как тогда казалось, прогноз, озвученный Бюро национальной статистики США (US Census Bureau), объяснялся в значительной степени нарастанием неопределенности относительно возможностей подавления угроз,

генерируемых пандемией, а отчасти – прямой экстраполяцией на следующий квартал тревожных трендов, наблюдавшихся в первый весенний месяц 2020 г., что также можно объяснить отсутствием сколько-нибудь взвешенных и адекватных оценок будущего развития событий по причине все той же фундаментальной неопределенности. Продолжительность и интенсивность экономического спада оставались неясными, и не было сколько-нибудь внятного представления о том, будет ли нанесен экономике долгосрочный ущерб и по какому сценарию пойдет восстановление после ослабления мер сдерживания (и пойдет ли). Однако по факту прогноз статистического ведомства США оказался лишь немногим пессимистичнее, чем реальный спад ВВП во втором квартале 2020 г. Критическая разница с реальностью заключалась в том, что беспрецедентный реальный взлет ВВП уже в третьем квартале никто не мог прогнозировать.

Так или иначе, первая шоковая пандемическая волна привела к банкротству многих компаний, сокращению объемов частных инвестиций, снижению уровня интеграции рыночных контрагентов в цепочки создания стоимости, эрозии производственного потенциала и человеческого капитала.

Можно выделить несколько критически значимых факторов, способствовавших стремительному ухудшению экономической и эпидемиологической ситуации в США (как, впрочем, и в других странах) весной 2020 г. и повлекших за собой многомесячные серьезные сбои в функционировании опорных институтов экономической системы страны.

Во-первых, трудно было ожидать, что введение регулятором блокировочных мер, карантинных и локдаунов по всей стране окажет мощное стимулирующее воздействие на экономику в целом, на бизнес и домохозяйства.

Во-вторых, скорость реагирования властей на вызовы, генерируемые пандемией, неизменно оставалась ниже скорости распространения самой пандемии.

В-третьих, характер предпринимаемых мер был в высокой степени хаотичным во многом по той причине, что во властных институтах, принимавших решения, не было единого понимания того, как и когда следует действовать, на каком направлении сосредоточивать главный удар.

В-четвертых, сами масштабы предпринимаемых мер были на первых порах то чрезмерными, то явно недостаточными.

В-пятых, для принятия ответственных экономических решений требуется достаточно надежная, детализированная и хороша

структурированная информация. Между тем оценка экономических эффектов COVID-19 была крайне затруднена из-за чрезвычайной скорости, с которой распространялась пандемия, и из-за непредсказуемости размеров ущерба (по разным измерениям), который она могла нанести стране.

3.2. «Механика» спада : спрос или предложение? (Почему стал «глохнуть» мотор экономики)

С экономической точки зрения шоки, подобные пандемии, в отличие от шоков, генерируемых «стандартными» кризисами из-за перегрева экономики, – это прежде всего шоки на стороне спроса. Однако динамика падения и восстановления американского рынка в 2020 г. развивалась по иному сценарию, чем в периоды традиционных кризисов: «пандемический» спад, очевидно, был вызван сокращением как предложения (производства товаров и услуг), так и спроса (расходов) [U.S. economic ..., 2022, p. 34].

В то же время спад, вызванный COVID-19, обозначал исторически неожиданное, резкое, глубокое, но при этом все же относительно кратковременное свертывание экономической активности и занятости в США. Иначе говоря, экономический коллапс из-за пандемии не слишком затянулся и не привел, судя по всему, к глубинным, системным диспропорциям в функционировании рынков. А ведь именно затяжного спада, чреватого огромными рисками для экономики, и стремилась избежать администрация Трампа прежде всего, хотя при этом порой ставила под удар интересы обеспечения надежной безопасности своих граждан перед лицом коронавирусной угрозы.

Среди аналитиков не сложилось единого мнения по вопросу о том, что считать первичным драйвером столь стремительного падения экономики США (в разной степени и других стран), которое наблюдалось в марте-апреле 2020 г.: сокращение предложения или сокращение спроса [Macroeconomic implications ..., 2020, p. 1, 34].

В одном из исследований, подготовленном учеными Гарвардского университета, для выявления шоков, классификации секторов (отраслей) и определения секторальных потерь от пандемии используется дезагрегированная кейнсианская модель, позволяющая рассматривать негативные экономические эффекты COVID-19 как необычное сочетание шоков спроса и предложения.

Сбои, вызванные самой пандемией или реакцией на нее (ограничительными мерами), распространяются по цепочкам поставок, вызывая сокращения спроса или предложения в различных секторах экономики. В модели, описываемой в работе, отрицательные шоки отраслевого предложения и шоки отраслевой структуры спроса порождают инфляцию выше 7%, которая сдерживается высоким отрицательным шоком совокупного спроса. Одновременно в экономике образуется значительная безработица (выше 6%), которая, однако, сосредоточена преимущественно лишь в определенных отраслях. В такой модели «шокового поражения» экономики нецелесообразное стимулирование совокупного спроса хотя и представляется желательным, но оказывается менее эффективным, чем при типичной рецессии [Вагаев, Farhi, 2020].

Однако очевидно также, что «спусковым механизмом», включившим деструктивные процессы в американской экономике весной 2020 г., стала не столько сама по себе пандемия, не скорость ее распространения и не угрозы жизни и здоровью населения страны, которые она с собой несла (хотя этот фактор в решающей степени предопределил собой все последующие события), сколько скоропалительные, порой хаотичные и не всегда адекватные меры властей по противодействию наступлению COVID-19, предусматривавшие ограничения контактов между людьми путем введения локдаунов и шатдаунов.

Многие исследователи, сосредоточившись главным образом на изучении шоков со стороны предложения и отслеживании поведения производственной функции, пренебрегали анализом влияния на «коронарецессию» шоков со стороны спроса, возникших в условиях ограничений, в особенности из-за предписаний «оставаться дома» (Stay-At-Home, SAH) и падения текущих доходов работников, подвергшихся увольнению в первой, наиболее драматичной фазе пандемии.

На самом деле такой макроэкономический индикатор, как динамика занятости, ее отклик на перебои в производстве в значительной степени зависит от эластичности спроса. Можно предположить, что некоторые сферы деятельности (например, школьное образование или здравоохранение) сталкиваются с неэластичным спросом и потому будут удерживать привычные темпы найма работников, несмотря на связанные с ограничениями значительные перебои в объемах оказываемых ими услуг. Однако бизнесу в сфере услуг R2P, небольшим продуктовым магазинам, ресторанам придется иметь дело с более эластичным спросом и потому реагировать

увольнением значительной части своей рабочей силы на сбой в поставках и рост производственных затрат [Kogen, Peto, 2020, p. 14].

Похоже, оба процесса (падение спроса и сокращение предложения), развивающиеся в тесно сопряженных контурах экономической системы, взаимно «подпитывали» друг друга, порождая эффект резонанса и раскачивая амплитуду колебаний системы, выводя ее из состояния динамического равновесия (как это обычно бывает в острых фазах развертывания рецессий).

3.3. Экономические потери : типология и структура

Вспышка пандемии COVID-19 потрясла экономику Соединенных Штатов, как и ряда других экономик мира, приведя к вынужденной приостановке работы многих важных отраслей американской экономики, особенно в секторе услуг B2P, P2P и даже B2B.

Пандемия обозначила завершение рекордного по продолжительности периода экономической экспансии США, спровоцировала алармистские настроения в американском политикуме и породила глубокую рецессию в американской экономике, последствия которой во многом продолжали сказываться и спустя два года после наката первой волны COVID-19 в марте 2020 г. [Impact of COVID-19 ..., 2020, p. 1].

Можно спорить относительно того, была ли реакция политических и экономических институтов США на пандемию COVID-19 безусловно своевременной (есть разные точки зрения на этот счет), но нельзя отрицать, что она оказалась масштабной и многоплановой, несмотря на жаркие дискуссии, разгоревшиеся по вопросам целесообразности введения тех или иных запретительных карантинных мер.

Потери для экономики, генерируемые пандемией, можно разделить на две условные группы. К первой группе относятся потери, связанные с ростом заболеваемости COVID-19. Ко второй группе – потери, связанные с введением мер блокировки распространения коронавируса. Ключевая проблема избавления от пандемической напасти заключалась, очевидно, в том, чтобы минимизировать совокупные издержки первой и второй группы (первого и второго рода).

Издержки первого рода подразумевают не только резкий рост затрат на профилактику заболеваемости коронавирусом, на оперативную медицинскую помощь заболевшим, на разработку и массовое производство новых медикаментозных препаратов и вак-

цин, на проведение массового тестирования, на разработку и производство дорогостоящего специализированного медицинского оборудования, на развертывание достаточного числа больничных коек, оснащенных необходимыми аппаратами, и пр. К издержкам первого рода следует также отнести другие неизбежные потери, связанные, в частности: с ростом числа летальных исходов от пандемии; с не оказанными в должном объеме медицинскими услугами (из-за перегрузки национальной системы здравоохранения) лицам, страдающим от других острых или хронических заболеваний; со снижением качества рабочей силы в случаях, когда последствия перенесенного заболевания приобретают затяжной характер и приводят к снижению работоспособности; с массовыми потерями многих миллионов человеко-дней из-за того, что десятки миллионов работников не выходили на работу по болезни или по уходу за заболевшими, и пр. Именно в этой части издержек первого рода (в отличие от той, которая касается затрат на переориентацию сферы здравоохранения для борьбы с пандемией) генерируются источники снижения ВВП страны.

Пандемические потери второго рода, которые в наибольшей степени негативно влияют на объемы ВВП страны и региональных ВВП штатов и округов, очевидно, проистекают из введения властями жестких карантинных мер; принудительного закрытия предприятий (чтобы прервать физические контакты между работниками и тем самым погасить инфекционную волну); отмены массовых культурных и спортивных мероприятий, закрытия кинотеатров и других мест досуга; закрытия точек общественного питания; введения ограничений на численность лиц, одновременно находящихся в одном закрытом помещении; ограничения пассажирских перевозок общественным транспортом, временного закрытия детских садов, школ и отмены занятий в университетах; распоряжений САН и пр. Подобные ограничения, как правило, затрагивали бизнесы, занимавшиеся неосновной экономической деятельностью, т.е. не связанной с обеспечением жизненно важных потребностей экономики и населения [Guaitoli, Tochev, 2021, p. 69].

К этой же группе потерь следует отнести потери и убытки, возникающие из-за разрывов логистических цепочек поставок и цепочек создания добавленной стоимости, которые, по сути, являются негативными индуцированными эффектами карантинных мер по закрытию предприятий.

4. Шоковые эффекты пандемии для американской экономики весной 2020 г. : как развивался спад производства и розничных продаж

Экономическая оценка негативных эффектов пандемии должна, как отмечено выше, исходить из того, что потрясения, которые испытал американский рынок, сочетают в себе элементы как шока со стороны предложения, так и шока со стороны спроса (см., напр.: [Brinca, Duarte, Faria e Castro, 2020]). Массовые меры по блокировке физических контактов – локдауны, введение карантинных ограничений САН – привели к уменьшению возможностей бизнеса производить товары и услуги в прежних объемах, а снижение покупательной способности домохозяйств (из-за увольнений работающих членов семьи, закрытия многих точек розничной торговли и растущего страха перед бушующей инфекцией) привело к падению потребительского спроса.

4.1. Введение блокировок в марте-апреле 2020 г. как реализация стратегии предосторожности : негативные эффекты для экономики

Жесткие блокировочные меры, введенные властями, уже в марте 2020 г. породили спад в секторе промышленного производства США на 4,5% в сравнении с предыдущим месяцем (с учетом сезонных колебаний). В апреле 2020 г. производство в промышленных отраслях рухнуло еще на 12,7%. По оценкам Совета управляющих ФРС, пандемический спад промышленного производства в апреле оказался самым крутым месячным падением за 75 лет (с августа 1945 г., когда промышленность потеряла 10,4% своего объема). Понятно, что тогдашний резкий спад объяснялся завершением Второй мировой войны и свертыванием объемов производства вооружений в США, составлявших в годы ведения боевых операций львиную долю всего промышленного производства страны.

Несмотря на шоки, пережитые промышленностью в апреле, после двухмесячного спада объемы промышленного производства в США уже в мае 2020 г. подросли на 1,4%, а в июне – на 5,4%. Экономика начала постепенно оправляться от перенесенного потрясения. При этом объем производства в обрабатывающей промышленности, служащей «становым хребтом» американского промышленного про-

изводства, вырос в мае 2020 г. на 3,8%, поскольку многие предприятия смогли возобновить работу. В июне рост обрабатывающей промышленности составил 7,2%, хотя и оставался на 11,1% ниже допандемического уровня [Impact of COVID-19 ..., 2020, p. 6].

Пандемия привела к радикальным изменениям в структуре потребления американских домохозяйств, ограничив их расходы на покупку многих товаров не самой первой необходимости. Согласно данным Бюро переписи населения США (US Census Bureau), объем розничных продаж (включая продажи в Интернете) упал в марте 2020 г. на 8,2%, а в апреле – еще на рекордные 14,7%. За все время с начала ведения статистического учета объемов продаж в 1992 г. в США не наблюдалось столь драматических месячных спадов потребительского спроса.

В мае 2020 г., однако, розничные продажи вновь резко пошли вверх, увеличившись на беспрецедентные 18,2%, тем самым полностью компенсировав апрельское падение и опровергнув пессимистические прогнозы большинства экспертов. Разумеется, поворот к восстановлению экономической активности был связан с ослаблением жестких ограничений, введенных ранее, в период стремительного и непредсказуемого всплеска первой волны пандемии.

Администрация тогдашнего президента США Д. Трампа с самого начала крайне скептически относилась к предложениям федеральных органов здравоохранения по свертыванию бизнесов и закрытию производств, полагая такие меры избыточными и недостаточно оправданными. В администрации исходили из того, что риски для страны, генерируемые принудительным торможением экономики, превышают риски, связанные с ущербом здоровью и угрозами жизни американцев. Поэтому, когда статистические органы США обнародовали свои данные за март-апрель 2020 г., в администрации сочли, что зафиксированное по итогам этих месяцев падение ВВП страны является категорически неприемлемым.

Свою роль во введении послаблений сыграли и эмпирические доказательства реальной эффективности масочного режима и других щадящих защитных мер, позволявших в период до запуска кампании массовой вакцинации в значительной степени минимизировать риски инфицирования коронавирусом при выполнении работ, требующих непосредственного физического контакта людей.

В результате в мае 2020 г. рост потребительских расходов во многом был связан с возвращением на рабочие места 2,5 млн работников. Существенное значение имели также предпринятые властями

ми меры по увеличению доходов домохозяйств за счет федеральной поддержки в рамках первого пакета помощи (*см. подробнее ниже*).

В июне розничные продажи продолжили рост, увеличившись на 7,5%. Несмотря на быстрое восстановление объема розничных продаж, их уровень в июне все же оказался на 0,6% ниже, чем в феврале (последнем месяце до вспышки пандемии). В дальнейшем вторая мощная волна инфекции COVID-19, накрывшая Америку в начале июля 2020 г., вынудила многие штаты по своей инициативе снова приостановить или даже отменить действие распоряжений о возобновлении работы.

Во время первой-второй волн пандемии в 2020 г. серьезно пострадали бизнесы не только тех отраслей, где негативные эффекты как самой пандемии, так и мер по противодействию ей проявились особенно заметно (преимущественно в сфере услуг). Мощный, хотя и краткосрочный удар был нанесен по всему частному сектору американской экономики. К началу 2020 г. многие предприятия накопили гигантские суммы задолженности перед кредиторами, что критически ослабило их положение в условиях пандемического кризиса и сильно затормозило восстановление рынков в период, когда пандемия, казалось бы, начала постепенно отступать (что, вне всякого сомнения, тормозило процесс оживления экономики в 2020–2021 гг.). В отличие от Великой рецессии 2008–2009 гг., когда обвалы рынков начались с краха транснациональных финансовых корпораций, в условиях пандемии решающим фактором, повысившим степень уязвимости бизнеса перед лицом неожиданных шоков, стал не столько кризисный обвал финансового сектора, сколько чрезмерная закредитованность бизнеса.

Нефинансовые корпорации вступили в пандемический кризис со значительной долговой нагрузкой, занимая не столько для инвестиционных целей, сколько для покупки акций и выплаты дивидендов акционерам компаний.

Опасения в связи с тем, что слишком большой объем корпоративных заимствований может усугубить ситуацию на финансовых рынках и в целом в американской экономике, не были лишены оснований. Чрезмерные объемы заимствований затрудняют восстановление экономики, тем более это становилось тревожным в ситуации, когда доходы корпораций стали падать из-за блокирующих мероприятий властей. Еще одной проблемной зоной, вызывавшей беспокойство, было влияние волатильности фондового рынка на пенсионные фонды и доходы пенсионеров.

Одновременно неопределенность и неоднозначность прогнозов развития пандемии и непредсказуемость силы ее воздействия на частный бизнес порождала в деловой среде ожидания дальнейшего ухудшения экономической ситуации (по меньшей мере, в краткосрочной перспективе), что и послужило триггером роста числа подаваемых заявлений о банкротстве.

К лету 2020 г. ряд крупных американских компаний не только розничной торговли, индустрии досуга, туризма и гостеприимства, но и, например, нефтегазового сектора и других промышленных и добывающих отраслей (в их числе «Hertz», «Whiting Petroleum», «Gold's Gym», «Pier 1», «J. Crew», «JCPenney», «Neiman Marcus» и пр.) уже подали заявления о банкротстве в соответствии с нормами гл. 11 Кодекса США о банкротстве.

Использование норм гл. 11 Кодекса позволяет компаниям, инициирующим процедуру банкротства, вести переговоры с кредиторами об условиях реструктуризации своих долговых обязательств (в отличие от ситуации, когда заявление подается по нормам гл. 7 Кодекса, которые предполагают ликвидацию активов компании-банкрота и ее окончательное закрытие).

Данные Американского института банкротства показывают, что в мае 722 американские компании обратились за защитой от банкротства по гл. 11 Кодекса, что на 48% больше, чем в предыдущем году. Пандемия, отмечалось в тот период, может нанести долгосрочный ущерб экономике, если число банкротств предприятий продолжит расти, а долгосрочные потенциальные темпы роста экономики снизятся. Поэтому директивным органам было рекомендовано сохранять бдительность и принимать оперативные меры для сдерживания и смягчения последствий такого развития событий [Impact of COVID-19 ..., 2020, p. 7].

4.2. Нарушения трансграничных и внутренних торговых потоков

Один из мощнейших ударов по американской экономике в первый «пандемический» год, прошедший под знаком «бета» (потом были варианты коронавируса «дельта», «каппа», «омикрон» и пр.), был нанесен из-за перебоев в торговых потоках и разрушения логистических цепочек поставок из-за рубежа. В силу своего глобального размаха пандемия серьезно затронула множество отраслей экономики по всему миру. Была фактически «поставлена на стоп»

работа целых секторов экономики, участвующих в глобальной торговле, что привело к серьезным перебоям в поставках товаров и торгуемых услуг. Из-за выпадения отдельных звеньев в логистических цепочках образовались разрывы международных цепочек создания добавленной стоимости (МЦСДС), обслуживаемых логистическими цепочками. Это привело к приостановкам производств, участвующих в международных системах разделения труда, и к спадам в выпуске продукции – прежде всего в странах, производства которых являлись конечными звеньями МЦСДС.

Массовые увольнения, падение доходов бизнеса и домохозяйств также значительно сократили объемы мирового производственного и потребительского спроса. Ограничения на передвижение людей и на перемещения товаров, введение мер контроля за соблюдением физического дистанцирования (которое по устоявшейся формуле не вполне корректно именуется «социальным дистанцированием») непосредственно затронули транспорт, путешествия, туризм, гостиничный и ресторанный бизнес, т.е. все крупнейшие отрасли постиндустриальных экономик, напрямую связанные с торговлей услугами. Негативное влияние пандемии на международные торговые потоки еще более усиливалось из-за торговых и таможенных ограничений, наложенных на медицинские и фармацевтические товары, а также отчасти на перемещения некоторых видов продовольственных товаров [Impact of COVID-19 ..., 2020, p. 12].

Таблица 2

Отрасли экономики США, наиболее пострадавшие от «пандемических» сокращений объемов поставок по экспорту и импорту (январь-май 2020 г. в сравнении с аналогичным периодом 2019 г.)

	Отрасли экономики	Млрд долл.	%
Сокращение объема экспорта из США	В ЦЕЛОМ ПО ЭКСПОРТУ, в т.ч.:	-141,5	-13,6
	автомобили, в т.ч. запчасти и двигатели	-22,8	-33,0
	потребительские товары	-19,2	-21,9
	средства производства (станки, оборудование)	-37,0	-15,9
	туристические услуги	-33,3	-41,0
	транспортные услуги	-12,8	-33,0
Сокращение объема импорта в США	В ЦЕЛОМ ПО ИМПОРТУ, в т.ч.:	-173,1	-13,3
	автомобили, в т.ч. запчасти и двигатели	-49,1	-30,9
	бытовая электроника и бытовая техника	-36,3	-13,2
	средства производства (станки, оборудование)	-28,0	-9,8
	туристические услуги	-29,1	-52,3
	транспортные услуги	-15,2	-33,6

Источник: составлено по [Impact of COVID-19 ..., 2020, p. 12].

Таким образом, за первые пять критических «коронавирусных» месяцев 2020 г. экспорт товаров и услуг из США сократился на 141,5 млрд долл., или на 13,6%, по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года, а импорт в США – соответственно на 173,1 млрд долл., или на 13,3%. В результате дефицит торгового баланса США сократился на 32 млрд долл. (12,2%). На самом деле фактически резкий спад экспортно-импортного оборота товаров и услуг пришелся всего на три наиболее тяжелых месяца 2020 г. – март, апрель, май. Важно отметить также, что если падение объемов экспорта и импорта промышленных товаров объясняется в первую очередь нарушениями в цепочках поставок, то сокращение объемов торговли услугами напрямую связано с мерами по сдерживанию распространения COVID-19.

В последние месяцы 2020 г., в 2021 и в 2022 гг. ситуация с объемами экспорта и импорта товаров и услуг постепенно стала выравниваться, хотя объемы поставок по-прежнему не вышли на допандемический уровень.

В апреле 2020 г. в США резко упали также объемы внутренней розничной торговли. Очевидно, что одной из причин такого падения было жесткое предписание гражданам «оставаться дома», исходившее от федерального правительства и Минздрава и транслировавшееся многими штатами и местными органами власти (хотя и не всеми). Одновременно были предприняты другие меры по ограничению физических контактов между гражданами, прежде всего в закрытых помещениях, что также привело к резкому сокращению частоты посещения магазинов и сокращению потребительского спроса. Снижению объемов розничной торговли способствовали и потери в доходах, с которыми столкнулись домохозяйства, особенно в марте-апреле 2020 г.

«Коронавирусное» торможение экономики США началось в середине марта и продолжалось по крайней мере до середины мая, когда некоторые штаты приняли решение постепенно возвращать свою экономику в привычный режим работы. Индекс расходов на личное потребление (Personal Consumption Expenditures, PCE) упал на 6,6% в марте и на 12,6% в апреле 2020 г., а затем вырос в мае и июне соответственно на 8,5 и 5,9% (в среднемесечном исчислении). Даже несмотря на значительное падение во время первой шоковой волны COVID-19, реальный PCE во втором квартале 2020 г. все же оставался выше, чем в любом из квартальных периодов Великой рецессии 2007–2009 гг. Значительная часть снижения совокупного объема PCE была вызвана сокращением расходов на услуги из-за

закрытия предприятий, требований социального дистанцирования и иных мер, принятых для ограничения распространения вируса. Рост РСЕ в третьем квартале 2020 г. был обусловлен преимущественно некоторым восстановлением объема расходов на оплату услуг, хотя расходы на приобретение товаров также внесли свой вклад в этот рост. Начиная с третьего квартала 2020 г. рост РСЕ в США был положительным и в целом устойчивым. При этом одним из наблюдаемых эффектов пандемии COVID-19 стало изменение структуры потребительских расходов, которая заметно сместилась в сторону расходов на оплату товаров за счет некоторого относительного сокращения расходов на услуги. В какой степени эта тенденция может сохраниться в будущем и насколько долго, пока неясно [Introduction to U.S. ..., 2022, p. 1–2].

4.3. Миграционная компонента противоэпидемиологической политики : барьеры для трансграничных перемещений

Стремительное распространение пандемии по всему миру вынудило правительства разных стран принимать срочные меры по ужесточению национальных миграционных режимов и ограничению туристических потоков.

Пытаясь контролировать распространение COVID-19, национальные власти закрывали свои границы для мигрантов и вводили запреты на поездки. В США президент Трамп уже при первых выявленных случаях заражения инфекцией на территории страны распорядился поставить ряд беспрецедентных иммиграционных и пограничных барьеров для желающих прибыть в страну в качестве иммигрантов или туристов.

Меры, принятые в США уже в конце февраля 2020 г., включали ограничения на поездки и, в частности, приостановление въезда в страну в качестве иммигрантов или неиммигрантов иностранных граждан, которые в течение 14 дней до этого физически находились в странах, признанных на тот момент Минздравом США территориями с повышенным уровнем распространения коронавируса. В числе таких стран оказались почти все европейские страны, а также Китай, Бразилия и Иран.

В то же время Соединенные Штаты заключили взаимные соглашения со своими соседями – Канадой и Мексикой – об ограни-

чении трансграничных сухопутных перемещений людей и грузов, если такие перемещения не диктуются острой необходимостью. США также объявили, что иностранные граждане, которые путешествуют через порты въезда или иным образом, не имея при этом разрешения на въезд в страну, будут немедленно депортированы, поскольку учреждения, в которых они обычно содержатся, не могут соблюдать карантинные требования в течение времени, необходимого для оценки потенциальных случаев заражения.

В марте 2020 г. своим исполнительным распоряжением Д. Трамп наделил Таможенную и пограничную службу США (US Customs and Border Protection, CBP) чрезвычайными полномочиями в области общественного здравоохранения, задействовав нормы раздела 42 закона США от 1940 г., чтобы обойти обычные иммиграционные процедуры и незамедлительно выслать из страны нелегальных иммигрантов. В апреле 2020 г. администрация объявила о принятии ряда мер, ужесточающих право на получение грин-карты. В июне Министерство образования США ввело чрезвычайное правило, запрещающее колледжам предоставлять средства на борьбу с коронавирусом иностранным студентам и учащимся без документов, включая даже тех, кто находится под защитой программы «Отложенные действия для детей-иммигрантов» (Deferred Action for Childhood Arrivals, DACA). Одновременно администрация заявила, что готова рассмотреть ограничения на выдачу новых виз H-1B для квалифицированных работников [Impact of COVID-19 ..., 2020, p. 17].

Все эти меры, вне всякого сомнения, далеко не лучшим образом отразились на американской экономике. Резкое уменьшение притока рабочей силы из-за рубежа негативно сказалось на динамике ВВП. Сокращение авиа- и морских перевозок привело к резкому падению доходов транспортных компаний, в том числе грузоперевозчиков. Как и во всех других странах, введивших у себя аналогичные меры, катастрофически упали доходы туроператоров и компаний, занятых в сфере оказания услуг гостеприимства и общественного питания. Это был первый удар, нанесенный по этим отраслям, за которым вскоре последовал второй, ограничивавший режимы работы таких бизнесов в связи с введением мер социального дистанцирования.

Согласно данным, опубликованным федеральными правоохранительными органами, в результате принятых экстраординарных мер число случаев несанкционированного пересечения южной границы США в апреле 2020 г. сократилось почти на 50% по сравнению с мартом того же года. Однако в последующие три месяца (в мае, июне и июле), когда ограничения были несколько ослаблены из-за

общего послабления режима блокировок, число задержанных на границе нелегальных мигрантов снова возросло [Impact of COVID-19 ..., 2020, p. 17].

4.4. Удар по цепочкам поставок и цепочкам создания стоимости

Помимо упомянутых выше отраслей, для которых из-за прерывания цепочек поставок нанесенный ущерб объемам импорта в США оказался наиболее значительным (см. табл. 2), эффекты пандемии COVID-19 болезненно проявились также в других сферах американской экономики, оказавшихся особенно востребованными в неожиданно возникшей острой ситуации. Пандемия, в частности, выявила высокую зависимость Соединенных Штатов от поставок из-за рубежа (преимущественно из Китая) критически важного медицинского оборудования, средств индивидуальной защиты и фармацевтических препаратов, заставив федеральные власти предпринять действия по координации чрезвычайных мер в области здравоохранения с наиболее тесными торговыми партнерами и ближайшими соседями США. Чтобы минимизировать сбои в экономиках, тесно интегрированных с американской, и стабилизировать цепочки поставок, в том числе по линии продуктов питания из сопредельных стран (Канады и Мексики), необходимых для гарантированного обеспечения продовольственной безопасности США, были предприняты специальные меры, предполагающие проведение согласованной промышленной политики в период пандемии и после нее, которая должна включать повышение тарифов и субсидий для переналадки определенных цепочек поставок.

4.4.1. Сбои в цепочках поставок изделий медицинского назначения

Решение проблем поставок из-за рубежа товаров медицинского назначения и фармацевтических препаратов в условиях стремительного распространения пандемии приобрело особую значимость. Как известно, на протяжении многих лет крупным мировым производителем и поставщиком средств индивидуальной защиты, медицинского оборудования, антибиотиков и активных

фармацевтических ингредиентов оставался Китай. Стартовавшая в Китае в начале 2020 г. эпидемия коронавируса, и в особенности радикальные меры, предпринятые китайским правительством по тотальному закрытию территорий, в которых фиксировались даже единичные вспышки заболевания, и производств, находящихся в границах этих территорий, привели к резкому свертыванию китайского экспорта в целом и медицинской продукции в частности, что наряду с множественными негативными последствиями для мировой экономики привело к острому дефициту продукции медицинского назначения в США.

Усугублению нехватки в США защитных и фармацевтических противозидемиологических средств, медтехники, в том числе диагностических устройств, способствовал резкий рост мирового спроса на эти товары, сопровождавшийся введением несколькими странами временных ограничений на экспорт отдельных видов продукции медицинского назначения. С 10 апреля 2020 г. Соединенные Штаты присоединились к ряду других стран, ограничив экспорт медицинских товаров.

Свой вклад в повышение напряженности на американском рынке медицинских препаратов и устройств внесла и проводившаяся при президенте Д. Трампе жесткая тарифная политика США в целом и особенно по линии торговых отношений с Китаем: с сентября 2019 г. в контексте обострения торгового противостояния между США и Китаем тарифы на ввоз медицинских товаров из Китая были повышены.

В ответ на вызовы для американской экономики, связанные с глобальным распространением пандемии COVID-19, США предприняли ряд торговых мер, направленных на снижение зависимости американского рынка медицинских и фармацевтических товаров от иностранных производителей путем диверсификации цепочек поставок и принятия мер по стимулированию внутреннего производства медицинского оборудования и изделий медицинского назначения, в которых ощущалась острая нехватка в связи со стремительным распространением пандемии на территории США [Sutter, Sutherland, Schwarzenberg, 2020, p. 11–14].

4.4.2. Сбои в цепочках поставок продовольствия

Еще одной сферой деятельности, серьезно пострадавшей от негативных эффектов пандемии, в том числе от разрывов в логисти-

ческих цепочках поставок и в цепочках создания добавленной стоимости, стало обеспечение своевременной доставки продуктов питания потребителям. Рестораны, кафе, гостиницы, досуговые и спортивные центры, школы и другие учреждения, в которых расположены пункты общественного питания, закрылись из-за введения локдаунов и шатдаунов, а также из-за предписаний САН, и американским фермерам пришлось столкнуться с большими сложностями в доставке своей продукции на оптовые рынки и конечному потребителю. Но даже в тех случаях, когда им удавалось поставить продовольствие в сети оптовой и розничной торговли, значительная часть поставок не доходила до конечного потребителя из-за логистических затруднений в цепочках «опт – розница – потребитель» [Impact of COVID-19 ..., 2020, p. 16–17].

В середине марта 2020 г. в связи с чрезвычайной ситуацией, вызванной COVID-19, огромная индустрия общественного питания США, на которую приходится значительная доля совокупного объема реализации продовольственных продуктов, была фактически поставлена «на паузу»: в большинстве штатов закрылись все предприятия, кроме самых необходимых. Приостановка работы закусочных, кафе, ресторанов, школьных и университетских столовых и пр. привела к серьезным сбоям в цепочках поставок американской пищевой промышленности и фермерских хозяйств. Известно, что около половины предприятий всей отрасли (среди них такие «киты», как «Sysco Corporation», «U.S. Foods» и др.) продают свою продукцию дистрибьюторам сетей общественного питания, которые, в свою очередь, поставляют ее в рестораны, школы и другие учреждения.

Внезапное сокращение рынка общепита в марте-апреле 2020 г. привело к тому, что производители продуктов питания столкнулись с затовариванием своих складов как сырьем, так и продовольственной продукцией, готовой к реализации в магазины и рестораны, а многим фермерам стало негде продавать свой урожай. Объемы реализации скоропортящейся продукции, не подлежащей длительному хранению (свежие фрукты и овощи, свежее мясо, рыба), резко упали, потому что многие фермеры, которым не удалось быстро переключиться на другие каналы сбыта, стали свертывать производство, чтобы избежать дополнительных расходов на сбор, хранение и упаковку такой продукции [COVID-19 : supply ..., 2020, p. 1–2].

При этом розничная торговля фиксировала резкий всплеск спроса на продовольственные товары, поскольку те, кто раньше

регулярно посещал рестораны и кафе, теперь из-за карантинных мер вынуждены были закупать продукты в расположенных поблизости от дома магазинах (многие супермаркеты тоже были закрыты). В результате скоропортящиеся продукты от фермеров, так или иначе все же доходившие до прилавка, часто не успевали распродаваться. Оказалось, что даже так называемые продовольственные банки (оптовые склады продуктов) и популярные разъездные точки «Еда на колесах» («Meals on Wheels»), столкнувшись с резким ростом спроса, не могли удовлетворить его, поскольку не имели достаточных холодильных мощностей и волонтеров, готовых доставлять продукты на дом.

Более того, многие предприятия пищевой промышленности США, особенно мясоперерабатывающие, были вынуждены временно закрыться после того, как у отдельных работников таких предприятий были зафиксированы случаи заражения COVID-19. В результате предложение продуктов питания, особенно мяса, на внутреннем оптовом и розничном рынке резко сократилось. Это усугубило дисбаланс между спросом и предложением на рынке продовольственных товаров, что немедленно привело к росту цен на многие жизненно важные для потребителей продукты питания.

Пищевая промышленность (не только в США, но и повсеместно в мире) оказалась особенно уязвимой перед вспышками COVID-19 во многом из-за того, что персоналу предприятий этой отрасли нередко приходится работать в тесном физическом контакте. В период первой и отчасти второй волны пандемии ситуация усугублялась нехваткой необходимых средств для тестирования работников на коронавирус, в результате чего потенциально инфицированные работники нередко оставались невыявленными и способствовали распространению болезни.

Некоторым крупнейшим мясоперерабатывающим компаниям США пришлось временно закрывать свои заводы. В числе таких компаний, в частности, JBS USA (североамериканское подразделение JBS S.A., крупнейшего в мире переработчика мяса); «Smithfield Foods», которая перерабатывает около 5% свинины, производимой в США; «Cargill» (предприятие в Пенсильвании, которое производит стейки, говяжий и свиной фарш); «Tyson Foods» (завод по переработке свинины в Айове) и др. [Impact of COVID-19 ..., 2020, p. 16].

До половины предприятий пищевой промышленности зависят от продаж в крупные сетевые розничные магазины (такие, как «Walmart»), или через оптовые сети (например, «Costco Wholesale»),

причем некоторые производители почти всю свою продукцию реализуют частью через сети общественного питания, частью – через крупные сетевые розничные маркеты. Фрукты и овощи также продаются оптовым дистрибьюторам и продуктовым рынкам, которые обслуживают независимые продуктовые магазины и рестораны. Прямые продажи фруктов и овощей потребителям составляют лишь незначительную долю общего объема продаж реализации продуктов питания в США [COVID-19 : supply ..., 2020, p. 3].

4.4.3. Коллапс североамериканской автомобильной индустрии

С начала 1990-х годов, когда вступило в силу Североамериканское соглашение о свободной торговле (North American Free Trade Agreement, NAFTA), участниками которого стали США, Канада и Мексика, производство автомобилей (и некоторых других товаров) в США оказалось тесно зависимым от цепочек поставок, налаженных с двумя соседними странами.

Когда пандемия COVID-19 охватила весь североамериканский континент, меры, предпринятые в разные моменты времени правительствами трех стран (США, Канады, Мексики) для сдерживания распространения коронавируса и защиты здоровья работников, привели к приостановке производств в нескольких важных отраслях, в том числе в автомобилестроении. В результате возникли серьезные прерывания тесно взаимосвязанных логистических цепочек поставок и цепочек создания добавленной стоимости, что поставило правительства стран – участниц NAFTA перед необходимостью координации чрезвычайных мер в сфере здравоохранения и противодействия распространению пандемии [Impact of COVID-19 ..., 2020, p. 15].

Одной из крупнейших по объемам оборота цепочек поставок на глобальном рынке товаров и услуг среди в наибольшей степени пострадавших от пандемии коронавируса отраслей являются поставки автомобилей, запчастей к ним, а также узлов для сборки. Крупным поставщиком деталей для автомобильных заводов по всему миру является Китай: в 2018 г. объем китайского экспорта автомобильных узлов и запчастей к автомобилям составил 34,8 млрд долл. По данным Управления международной торговли США (United States International Trade Association, USITA), в том же году в США было экспортировано оборудования и запчастей китайского производства для автомобилей на сумму около

11,7 млрд долл. При этом значительная часть таких поставок направлялась не в розничные магазины, торгующие запчастями, а на сборочные конвейеры автозаводов, расположенных на территории США, и, следовательно, составляла важнейшее звено в цепочке формирования добавленной стоимости для американской автомобильно-строительной отрасли.

Образовавшиеся из-за коронавируса разрывы в цепочках поставок из Китая на американский рынок узлов и запчастей для автомобилей коснулись значительного числа американских производителей (по оценкам, сбои могли нарушить работу до 45% производственных мощностей в отрасли), негативно отразились на объемах продаж автомобилей на американском рынке, привели к сокращению экспорта автомобилей из США в сопредельные страны.

В первые месяцы глобальной пандемии COVID-19 автомобильная промышленность США начала резко «притормаживать»: к апрелю 2020 г. продажи упали на 47%. Однако, несмотря на то что первые последствия кризиса COVID-19 привели к краткосрочному «откату» отрасли назад, уже с конца 2020 г. продажи и производство автомобилей вновь начали набирать обороты. Всего за полгода, с третьего квартала 2020 г. по первый квартал 2021 г., автопроизводители США демонстрировали высокие (а в некоторых случаях рекордные) темпы восстановления производства [Hensley, Maurer, Padhi, 2021].

Чтобы помочь автомобильной промышленности продержаться в непростой период, группа членов Конгресса, включавшая представителей от обеих партий, выступила с инициативой о предоставлении автомобилестроителям США дополнительного времени на адаптацию отрасли к вступившим в силу с 1 июля 2020 г. новым правилам регулирования цепочек международных поставок в рамках базового трехстороннего соглашения между США, Канадой и Мексикой. В качестве обоснования необходимости такой меры конгрессмены ссылались на адресованное основным компаниям отрасли предписание правительства США о временном приостановлении выпуска автомобилей в связи с чрезвычайными обстоятельствами и переключении части своих производственных мощностей на выпуск медицинского оборудования (*см. об этом выше*).

**Автомобилестроительная отрасль США
в период первой волны пандемии :
временные закрытия заводов (март–май 2020 г.)**

Автомобилестроительные компании, работающие в США	Дата закрытия на карантин	Дата открытия	Открытие для производства мед. изделий	Число уволенных (тыс. человек)	Численность персонала (тыс. человек)
«General Motors»	19 марта	18 мая	Вентиляторы и СИЗ*	50	86,4
«Ford Motor Company»	19 марта	18 мая	Вентиляторы и СИЗ	50	85
«Toyota Motor Corporation»	23 марта	11 мая	–	5	136
«Fiat Chrysler Automobiles»	18 марта	18 мая	Защитные маски	50	77
«Honda Motor Company»	18 марта	11 мая	–	14	27
«Nissan Motor Company»	20 марта	неопред.	–	10	22
«Hyundai Kia Automotive Group»	30 марта	5 мая	–	н/д	31
«Subaru Corporation»	29 марта	18 мая	–	н/д	5,3
«Volkswagen Group»	17 марта	18 мая	–	н/д	8
«Mazda»	24 марта	1 июня	–	н/д	20
«Tesla»	23 марта	18 мая	Защитные маски	н/д	48
«BMW Group»	29 марта	4 мая	–	11	11
«Volvo»	26 марта	11 мая	–	н/д	17

* СИЗ – средства индивидуальной защиты.

** н/д – нет данных.

Источники: [The roadblocks of the COVID-19 ..., 2022, p. 6; Impact of COVID-19 ..., 2020, p. 16].

Автомобильная промышленность США пережила два крупных сбоя, связанных с началом пандемии COVID-19. Первоначальные остановки заводов и прекращение производства в марте и апреле 2020 г. были спровоцированы, по всей вероятности, в основном внешним шоком, который пришлось пережить отрасли из-за «сброса» объема поставок комплектующих по импорту. Непосредственное влияние распоряжений властей о приостановке производства автомобилей было относительно кратковременным, и в мае 2020 г. производство возобновилось. Так что основной причиной, по которой предприятия автомобильной отрасли США были вынуждены закрыться во второй половине марта 2020 г., стало прерывание цепочек поставок по импорту комплектующих из других стран, прежде всего из Юго-Восточной Азии, в связи со стре-

мительными темпами глобального распространения коронавируса. Но, разумеется, свою роль сыграли и жесткие предписания федеральных и местных регуляторов, поторопившихся ввести карантин на предприятиях, не производящих предметы текущего (повседневного) потребления [The roadblocks of the COVID-19 ..., 2022, p. 8–9].

Однако вскоре после возобновления выпуска автомобилей в мае 2020 г. отрасль столкнулась с новыми проблемами в цепочках поставок, связанными с затяжными сбоями в поставке полупроводниковых чипов, что оказало продолжительное негативное воздействие на способность отрасли производить и поставлять автомобили на американский рынок. Нехватка чипов подтолкнула менеджмент автомобильных компаний к поиску различных стратегий смягчения напряженности в поставках, внедрению инновационных управленческих идей и программ реструктуризации бизнесов, с тем чтобы минимизировать негативные воздействия дефицита чипов на наращивание темпов производства. Эти новые идеи и программы предусматривали, в частности, переориентацию приоритетов на производство наиболее успешно продаваемых и наиболее прибыльных моделей, отказ от непрофильных бизнес-проектов, а также налаживание производства, не требующего сборки [Ibid., p. 17].

Шоки предложения, пережитые автомобильной отраслью США из-за введения блокировок и срывов поставок, привели к значительным сбоям в производстве и продажах. Хотя в 2021 г. объемы продаж по сравнению с 2020 г. возросли, они все еще оставались ниже показателей 2019 г. (на 2 млн автомобилей в год). Аналогичная картина наблюдалась в сфере производства и в международной торговле автомобилями. Лишь в 2021 г. импорт в США автомобильных деталей и узлов для сборки вырос по сравнению с 2019 г.

Забегая вперед, заметим, что и в 2022 г. сохранялись перебои в поставках запчастей как последствия нарушений в цепочках, возникших еще в первой фазе пандемии COVID-19. Ситуацию усугубил и начавшийся переход отрасли от производства автомобилей с двигателем внутреннего сгорания к производству электромобилей, который совпал по времени со сбоями в цепочках поставок и нарушил и без того ненадежную логистику внешних и внутренних связей отрасли [Ibid., p. 12].

4.5. Пандемический шок на финансовых рынках

Пандемия COVID-19 больно ударила и по финансовым рынкам. В марте 2020 г. рынки акций в США понесли самые большие потери со времен Великой рецессии 2008–2009 гг. Резко возрос спрос на безрисковые активы (например, на казначейские ценные бумаги США).

Рынки акций в 2020 г. «Бычий» рынок (устойчивый рост стоимости ценных бумаг), сложившийся в США после кризисного 2009 г., когда индекс Standard & Poor's 500 (S&P 500) практически достиг дна, сохранялся на протяжении более 10 лет и оказался самым продолжительным в истории. Однако весной 2020 г. этот казавшийся устойчивым тренд резко оборвался. Цены на акции достигли пика в феврале и обрушились в марте. 31 марта 2020 г. американский фондовый рынок завершил свой наихудший квартал с момента начала Великой рецессии. Рынки США, парализованные коронавирусной инфекцией, понесли ошеломляющие потери. Столь жесткая реакция фондового рынка на пандемию, которая, едва затронув Соединенные Штаты, уже стала источником высокого уровня рыночной волатильности и неопределенности, породила в деловой среде фантомные опасения, связанные с возможными рисками отрыва финансовых рынков от реальной экономики, как это уже не раз бывало в прошлом [Impact of COVID-19 ..., 2020, p. 7].

Вообще говоря, фондовый рынок представляет собой чрезвычайно чувствительную «субстанцию». Достаточно, как известно, одного неосторожного публичного слова какого-либо ответственного лица, наделенного властными полномочиями, приближенного к чиновникам самого высокого ранга или пользующегося доверием эксперта, чтобы спровоцировать ураганное обрушение или, наоборот, неожиданный взлет фондовых индексов. Выше уже упоминалось, как в марте 2020 г. подобное не слишком осторожное высказывание одной из советниц Трампа из «первого эшелона» по поводу перспектив распространения коронавируса в США стало причиной паники на Нью-Йоркской фондовой бирже.

Нельзя, правда, не отметить здесь, что и в 2019-м, и даже в конце 2018-го, когда ни о какой пандемии еще не могло быть и речи, волатильность на фондовом рынке США (как и на мировых финансовых рынках) заметно возросла прежде всего из-за колебаний цен на углеводороды. Однако в отмеченные периоды вероятность падения или взлета нефтегазовых цен в просчитываемой

перспективе была относительно предсказуемой, поскольку ценовые игры участников рынка можно было предвидеть с большей или меньшей степенью надежности. К тому же и колебания фондовых индексов не выходили за границы достаточно предсказуемого коридора.

Ситуация, возникшая в результате шокового удара первой волны пандемии, оказалась намного более драматичной [The unprecedented ..., 2020, p. 33]. По итогам первого квартала 2020 г. индекс S&P 500 обрушился на 20%, что стало самым большим падением с 2008 г., а падение промышленного индекса Dow Jones за тот же квартал составило 23%, что является худшим показателем с 1987 г. Фондовый индекс NASDAQ Composite завершил первый квартал снижением на 14%. «Бык» превратился в «медведя», хотя и ненадолго: вслед за резким падением индексов достаточно быстро последовал их взлет. Курсовая стоимость акций многих компаний восстановилась уже по итогам второго квартала 2020 г.: индексы S&P 500, Dow Jones Industrial Average и NASDAQ подскочили соответственно на 20, 18 и 31%, полностью отыграв мартовское падение [Imbert, Fitzgerald, 2020].

Столь резкая смена вектора динамики фондовых индексов – не такой уж редкий случай, но в обстоятельствах весны 2020 г. объясняется несколькими особенными причинами.

Во-первых, американская экономика, несмотря на сохранявшиеся неопределенности относительно оценок поведения вируса в краткосрочной перспективе и эффективности предпринимавшихся властями действий, начала постепенно адаптироваться к первичным пандемическим шокам.

Во-вторых, проявленная администрацией США демонстративная уверенность в правильности курса на смягчение в мае ранее введенных жестких ограничений (прежде всего шатдаунов и отчасти локдаунов) несколько обнадежила бизнес и фондовый рынок.

В-третьих, меры социальной изоляции и контроль за их исполнением (ношение масок, соблюдение правил дистанцирования, использование медикаментозных средств и других способов защиты от коронавирусной инфекции), как выяснилось, действительно позволяли несколько снизить порог contagiозности.

В-четвертых, появилась реальная и обоснованная надежда, что уже в ближайшие месяцы будут завершены процедуры разработки и тестирования вакцин и массовая вакцинация населения поможет справиться с пандемией.

В-пятых, после публикации в июне 2020 г. данных БТС США (Bureau of Labor Statistics) за май о росте числа рабочих мест, зафиксировавших перелом мартовско-апрельского понижающего тренда и новый рост занятости, многие корпорации, работающие на открытом рынке, в том числе и те, которые ранее запустили процедуру банкротства по нормам гл. 11 Кодекса США о банкротстве, начали быстро восстанавливать прежние рыночные позиции и наращивать продажи, что позитивно отразилось на динамике курсов их акций.

Но самым главным фактором, позволившим в короткие сроки стабилизировать американский фондовый рынок (несмотря на значимость перечисленных выше пяти причин), стали продуманные, четкие, оперативные и синхронизированные действия ФРС (по линии кредитно-финансовой политики) и федерального правительства (по линии налогово-бюджетной политики), о чем подробнее рассказано ниже.

Рынки казначейских облигаций в 2020 г. На фоне роста волатильности и неопределенности финансовых рынков в марте-апреле резко вырос спрос на активы «тихой гавани», в том числе на низкорисковые казначейские облигации США, что привело к резкому падению доходности этого относительно «безопасного» вида ценных бумаг по итогам первого квартала 2020 г. При этом снижение доходности краткосрочных казначейских облигаций было более крутым по динамике, чем снижение доходности облигаций с более длительным сроком погашения. Так, по итогам первого квартала 2020 г. доходность 3-летних, 10-летних и 30-летних казначейских бумаг упала на 82, 64 и 44% соответственно. В результате к концу второго квартала 2020 г. доходность 3-летних, 10-летних и 30-летних казначейских обязательств была соответственно на 87, 59 и 33% ниже, чем до начала пандемии.

Падение доходности госбондов привело к массовому сбросу инвесторами гособлигаций, прежде всего краткосрочных бумаг. За короткий период ФРС скупила огромное число обязательств казначейства, которые на глазах превращались в пустые бумажки. Лихорадка на рынке казначейских обязательств продолжалась несколько месяцев. Падение доходности казначейских облигаций служило явным признаком того, что на фоне экономической неуверенности рынков агрессивное монетарное стимулирование, проводившееся в тот период ФРС и сдерживавшее рост долгосрочных процентных ставок, оставалось мощной силой, позволяя-

шей удерживать рынок от критической разбалансировки [Fleming, Ruela, 2020].

Постпандемическое падение доходности госбондов, вызванное беспрецедентной поддержкой ФРС, имело широкомасштабные последствия, заставив инвесторов пересмотреть роль облигаций как средства хеджирования колебаний акций и спровоцировав гонку за доходностью по всем рынкам.

4.6. Применение моделей «benefit–cost» для оценки сравнительных издержек и выгод блокировочных мер на локальном уровне

В этой части обзора кратко описываются две интересные публикации, в которых предлагаются некоторые подходы к оценке сопоставимости затрат и выгод карантинных ограничительных мер, введшихся в штатах и округах США в наиболее острых фазах пандемии COVID-19 (в 2020–2021 гг.).

В работе Джеймса Доти [Doti, 2021], почетного президента и профессора экономики Школы бизнеса и экономики им. Дж. Аргираса при частном университете им. Ч. Чэпмена (г. Ориндж, Калифорния), с применением классической методологии анализа «издержки–выгоды» (cost-benefit analysis) оценивались плюсы и минусы регуляторных блокировочных действий властей штатов / округов, предпринимавшихся в целях снижения уровня смертности от COVID-19, в том числе затраты на имплементацию таких действий и размеры ущерба, нанесенного местной экономике из-за потерянных рабочих мест и снижения объема реального валового продукта штата (Real Gross State Product, RGSP).

Интенсивность блокировочных действий оценивалась в режиме реального времени по так называемому Оксфордскому трекеру, позволяющему отслеживать реакции властей на угрозы, вызванные коронавирусом (Oxford Coronavirus Government Response Tracker, OxCGRT), который, по сути, представляет собой интегральный «индекс жесткости» (stringency index), применяемый для многомерной оценки степени решительности (но не эффективности!) действий органов государственной власти и государственного управления по противостоянию пандемии [COVID-19 : stringency ..., 2020].

На базе методологии OxCGRТ исследователи буквально в посуточном режиме отслеживали регуляторные действия властей разных штатов (ужесточения и послабления режимов блокировки) и присваивали определенное числовое значение степени интенсивности регуляторного вмешательства властей разных штатов / округов в функционирование экономических агентов на подведомственных им территориях [Doti, 2021].

Для расчета «индекса жесткости» по методике OxCGRТ использовались следующие девять параметров блокировки: закрытие рабочих мест; закрытие школ; отмена публичных мероприятий; ограничения на проведение массовых мероприятий, в т.ч. спортивных и развлекательных; приостановка работы общественного транспорта; требования не выходить из дома (SAH); ограничения на внутренние перемещения; контроль международных поездок; интенсивность публичных информационных кампаний. Интегральный индекс OxCGRТ исчислялся для любого конкретного дня как средний балл из девяти перечисленных выше параметров, каждый из которых пробегал значения от 0 до 100. Более высокий балл обозначал более строгие меры (т.е. 100 баллов – максимально строгие меры). Если политика штатов различалась на муниципальном уровне, выбиралось значение индекса, отражавшее реагирование на пандемию в субрегионе, где предпринимались наиболее жесткие меры [Doti, 2021, p. 7].

Поскольку государственная политика блокировок также была различной в зависимости от масштабов проведенной вакцинации в том или ином штате, индекс жесткости политики сдерживания пандемии рассчитывался дифференцированно для трех категорий (вакцинированные, невакцинированные и на базе средневзвешенного общенационального показателя с учетом доли вакцинированных в масштабе страны).

Важно еще раз подчеркнуть, что «индекс жесткости» лишь фиксирует степень строгости государственной политики блокировок. Он не приспособлен для измерения целесообразности или эффективности противозидемиологических мер регуляторных органов. Поэтому более высокий балл необязательно означает, что меры по блокировке распространения коронавируса, предпринимавшиеся в одном штате, непременно более результативны, чем в другом штате, где «индекс жесткости» оказался ниже.

Исследование Доти предоставляет эмпирические обоснования распространенной среди значительной части экспертов точки зрения, что политические решения на уровне высших органов вла-

сти США и регуляторные меры по блокировке контактов, принятые в соответствии с этими решениями в 2020–2021 гг. на всех этапах системы государственного, муниципального и местного управления, привели к значительному снижению уровня смертности от COVID-19 среди населения страны – в сравнении с тем, какой могла бы оказаться смертность, если такие решения не были бы приняты. Результаты исследования показывают, что уровень смертности от COVID-19 снижается на 2,48 смертей на каждые 100 тыс. населения при увеличении «индекса жесткости» OхCGRT на один пункт.

Эмпирические данные, полученные в результате исследования, показали, что политика блокировки контактов только в 2020 г. позволила снизить смертность в США от COVID-19 на 358 тыс. случаев [Doti, 2021, p. 34]. При этом экономические потери, связанные с введением режимов блокировок на субфедеральном уровне, замер которых проводился в модели при условии сохранения неизменными всех прочих параметров региональной экономики, выразились в совокупном сокращении 7,3 млн рабочих мест по всем 50 штатам и привели к падению суммарного RGSP по всем штатам в размере 410 млрд долл.

В работе [Scherbina, 2021], в отличие от описанной выше модели Дж. Доби, методология классического анализа «издержки–выгоды» была применена именно для оценки, в какой мере политика введения общенациональных ограничительных мер (в том числе на уровне штатов) в наиболее критических с пандемической точки зрения фазах распространения опасной инфекции оказалась экономически целесообразной. Работа была опубликована в начале 2021 г., т.е. как раз тогда, когда в США начала разворачиваться массовая вакцинация, с которой власти страны связывали особые надежды на быстрое преодоление порожденного COVID-19 эпидемиологического кризиса.

Полученные автором результаты моделирования вкратце сводятся к тому, что введение режима изоляции на всей территории США могло бы действительно оказаться оптимальным при условии, если его продолжительность будет ограничена периодом от двух до четырех недель. В этом случае позитивный нетто-эффект для американской экономики мог бы составить до 1,2 трлн долл.

Ситуация в 2021 г. усугублялась тем, что в тот самый момент, когда мир накрыла очередная волна пандемии, спровоцированная новым, более контагиозным вариантом коронавируса, и крупные европейские страны после временных послаблений по-

спешно приняли решение вернуться к политике жестких карантинных мер, в США резко усилилось сопротивление введению более строгих ограничений. Понятно, что население испытывало социальную, морально-психологическую и экономическую усталость от закрытия предприятий, магазинов, ресторанов, поскольку подобные меры сопровождаются сокращением заработной платы, невозможностью приобретения многих привычных товаров и услуг и, самое главное, ощущаются *в реальном текущем времени*, в то время как бенефиты для общества от снижения числа заболеваний и смертей благодаря своевременно принятым карантинным ограничениям приходится *на будущие периоды* и потому нередко воспринимаются как туманные, гипотетические и недооцененные.

Более того, общественная реакция на вирус, поначалу избыточно алармистская, постепенно стала по-своему сглаживаться, адаптируясь к вирусным угрозам и рассматривая риски пандемии как относительно приемлемые. Отчасти это объяснялось тем, что дети в основном оказались мало подвержены инфицированию, а работники передовой линии системы здравоохранения и служб быстрого реагирования получали, как считалось, надежную защиту от вируса, будучи вакцинированными одними из первых. В то же время, анализируя данные по США, Тегэн Бомер и др. [Changing age ..., 2020, p. 1406] пришли к заключению, что рост числа случаев заражения среди молодых людей в июне-августе 2020 г. способствовал передаче вируса более уязвимым возрастным группам населения, прежде всего пожилым. Это произошло несмотря на широкую осведомленность о более высоких рисках заражения, которым подвергается пожилое население.

Еще одним существенным фактором, способствовавшим переоценке (в сторону понижения) опасностей и угроз, проистекающих от пандемии COVID-19, явилось, как уже было отмечено выше, развертывание вакцинации.

К началу 2021 г. разрабатывавшиеся в США вакцины против SARS-CoV-2 (Pfizer и Moderna) стали наконец-то доступными, однако прогнозируемые темпы вакцинации населения страны, по тогдашним оценкам, оставались недостаточными, чтобы решительно переломить ситуацию к лучшему. По самым оптимистичным прогнозам, заявленная цель вакцинации – обеспечить первыми дозами вакцин не менее 70% населения страны – могла быть достигнута лишь к концу мая 2021 г. (на самом деле, как оказалось, даже эти сроки были сорваны). Между тем по некоторым прикидкам, относящимся к тому же периоду (начало 2021 г.), в

случае сохранения в США столь вялых темпов массовой вакцинации и при наметившейся в стране тенденции к смягчению требований применения иных, не медикаментозных мер противодействия коронавирусу, совокупный ущерб от пандемии к концу 2021 г. мог составить 2,4 трлн долл., или 11% ВВП [Scherbina, 2021, p. 78].

Сравнительный анализ затрат и выгод от возможной блокировки был построен на сопоставлении выгод от сокращения прогнозируемого числа случаев инфицирования благодаря жестким мерам блокировки¹ с потерями для экономики, связанными, с одной стороны, с закрытием бизнесов и введением режима SHN, а с другой – с дополнительными бюджетными затратами и налоговыми льготами, составляющими компенсационные пакеты. С целью определения оптимальных временных границ массовых блокировок, чтобы установить черту перелома («отсекания»), перейдя за которую дополнительные затраты начнут превышать дополнительные выгоды, на базе известной эпидемиологической модели SIR, позволяющей дифференцировать все население по трем категориям (подверженные риску заболевания, инфицированные, выздоровевшие), была смоделирована кривая пандемии COVID-19 для Соединенных Штатов. При выборе параметров модели были использованы также заимствованные из литературы по COVID-19 значения базового показателя репродукции вируса R_0^2 , который преобладал при действовавших в США в марте-июне 2020 г. мерах социального дистанцирования, а также рассчитанные оценки значений этого показателя в случае введения в США режима общенациональной изоляции, подобного тому, который вводился в некоторых странах Европы весной 2020 г.

Приведенная (дисконтированная) стоимость COVID-19, т.е. будущий денежный ущерб от пандемии, рассчитывается в модели [Scherbina, 2021, p. 79] с учетом следующих трех компонентов: 1) стоимостной оценки потерь в производительности из-за пропус-

¹ На момент подготовки к публикации материала [Scherbina, 2021] границей временного горизонта блокировочных мероприятий считалось достижение целевого уровня вакцинации, поскольку предполагалось (как выяснилось впоследствии, ошибочно), что достижение уровня так называемого популяционного иммунитета позволит погасить вспышки инфекции и, следовательно, сделает ненужными какие-либо ограничения и блокировки.

² Значения R_0 для США исчислялись как средневзвешенный показатель на базе R_0 по каждому штату; понятно, что в периоды спада пандемии $R_0 < 1$ (в разные периоды ограничений и в разных штатах по-разному), а в периоды подъема пандемии и на ее пике $R_0 > 1$.

ков работы симптоматическими больными; 2) оценки стоимости медицинских услуг, недополученных больными, страдающими другими заболеваниями; 3) оценок стоимости потерь от прогнозируемого числа заболеваний, заканчивающихся смертельным исходом.

Выгода от введения изоляционного режима рассчитывается исходя из дисконтированной оценки стоимости эффекта от снижения количества новых случаев заражения в будущем благодаря введению локдаунов, шатдаунов и предписаний SАН, позволяющих избежать части потерь, перечисленных в п. 1–3 выше.

Очевидно, что чем дольше (в идеале) длилась бы изоляция, тем большего сокращения числа новых случаев заражения удалось бы добиться. Если бы единственной целью политики было снижение заболеваемости, достаточно было продлевать блокировки контактов любыми способами до тех пор, пока уровень заболеваемости не приблизится к нулевой отметке (в результате тотальной вакцинации или, как предполагалось вначале, до достижения так называемого популяционного иммунитета).

Однако на самом деле перед регуляторами стояла гораздо более сложная задача, поскольку политика запретов и блокировок ведет, как известно, к стремительному разрушению экономического пространства – закрытию бизнесов, росту безработицы, разрывам в цепочках создания стоимости и в цепочках поставок и как результат – падению ВВП. С каждой дополнительной неделей изоляции инкрементальное сокращение численности инфицированных уменьшается. Учитывая, что с точки зрения экономики выгоды должны быть сбалансированы с затратами, оптимальным решением было бы найти ту предельную точку, за которой экономический ущерб от введения изоляции начинает превосходить экономические выгоды от нее.

Результаты, полученные в модели [Scherbina, 2021], позволили сделать вывод, что блокировка в виде локдаунов, шатдаунов и введения режима SАН оказывается оптимальной и приносит положительную чистую выгоду, если ее продолжительность составляет в среднем от двух до четырех недель (с учетом особенностей применения разных режимов изоляции в различных обстоятельствах). По оценкам, полученным на базе информации по состоянию на декабрь 2020 г., приведенным в работе, если в США впредь не будут вводиться дополнительные ограничения, то даже при стартовавшей в начале 2021 г. программе массовой вакцинации пандемия обойдется стране в будущем в дополнительные 2,4 трлн долл.,

при условии, что в качестве базы для оценки стоимости жизни применяется статистическая оценка стоимости жизни (методика VSL), и в 619 млрд долл., если стоимость жизнь оценивать исходя из дисконтированных лет дожития с поправкой на убывающее с возрастом качество жизни (методика dQALY – Discounted Quality-adjusted Life Years).

4.7. Микроуровень : некоторые аспекты влияния мер социального дистанцирования на бизнес

Экзогенные риски для бизнеса в наиболее разрушительных фазах пандемии COVID-19 имели, как представляется, тройкую природу.

Во-первых, это риски, генерируемые самой пандемией, т.е. риски заражения значительной части работников опасным вирусом на рабочем месте в результате тесного контакта с уже инфицированными сотрудниками, информация о заражении которых до какого-то времени неизвестна или не подтверждена достоверно. Во-вторых, это потери, связанные с отстранением от работы по причине временной нетрудоспособности заболевших или работников, вынужденных ухаживать за больными родственниками. В-третьих, принудительное, т.е. санкционированное властями, или добровольное, по решению менеджмента компании, полное или частичное закрытие производственной или торговой деятельности компании и отправление на карантин всех или части работников (в первую очередь тех, кому для исполнения профессиональных функций приходится тесно контактировать с другими работниками).

Любой из перечисленных выше вариантов влечет за собой вполне однозначные последствия для бизнеса: сокращение объемов выпускаемой продукции, выполняемых работ или оказываемых услуг, что в итоге негативно отражается не только на результатах работы компаний, но и на всех макроэкономических показателях региона и, в конечном счете, страны.

В США, как и во многих других странах, централизованные решения властей по резкому ограничению контактов между людьми, в том числе в производственной среде (но не только), стали одной из важнейших мер, направленных на сдерживание распространения пандемии в ее наиболее критических начальных фазах. При этом предприятия и учреждения, функционирование которых

требует тесного общения работников лицом к лицу или близкого физического соседства друг с другом при производстве товаров или оказании услуг, оказывались объектами особенно высоких рисков для здоровья людей в условиях распространения заболевания, обладающего высокой контагиозностью.

Введение мер социального дистанцирования (правильнее говорить о мерах *физического* дистанцирования – см. *вводный очерк к обзору*) в той или иной степени затронуло все сектора американской экономики. Если брать в качестве точки отсчета укрупненную (агрегированную) структуру секторов, сфера производства в целом пострадала меньше от введения ограничений (полного или частичного закрытия предприятий и соблюдения предписаний SHN), чем сфера услуг. Однако возникшие из-за карантина сбои на предприятиях производственной и торговой сферы, вызванные прерываниями цепочек создания стоимости и/или логистических цепочек поставок, оказали дополнительное негативное воздействие на объемы производства и реализации в промышленности и сфере услуг (в том числе в торговле).

Обязательное дистанцирование, как показывают некоторые исследования, безусловно, может оказаться эффективным в борьбе с пандемией, но при этом генерирует критически опасные риски для бизнесов и экономики в целом, если продолжительность действия подобных мер превышает определенные пределы, оговоренные эпидемиологами (как правило, несколько недель).

Сама концепция дистанцирования восходит к идее карантина (*quarantine*, от итальянского *quaranta*, означавшего первоначально, еще в XIV в., сорокадневный период полной блокировки контактов зараженного чумой). Нелишне заметить, что в 2021–2022 гг. появилось изрядное число серьезных научных публикаций, в которых ставится под сомнение сама идея введения так называемого социального дистанцирования именно с точки зрения ее невысокой эффективности как инструмента, позволяющего сдерживать распространение коронавируса (см., напр.: [Stieber, Jekielek, 2022]) (не говоря уже о негативных эффектах этой меры для экономики, которые являются предметом рассмотрения в настоящем обзоре).

В ряде американских СМИ все чаще стала проводиться мысль, что введение жестких блокировок бизнеса (локдаунов и шатдаунов) было копированием «дурного» примера Китая (разумеется, в проекции этого примера на особенности политической и экономической культуры Америки). Китай, как известно, при ма-

лейшей угрозе стал вводить массовые карантинные меры в городах с многомиллионным населением, что, по-видимому (если судить по официальной статистике), помогло властям Китая быстро и эффективно предотвратить катастрофические последствия распространения COVID-19 на своей территории. Так или иначе, факт остается фактом: в США, как и во многих других странах, в 2020 г. и отчасти в 2021 г. в периоды наиболее острых вспышек пандемии такая мера, как временное введение локдаунов по всей стране или в пределах отдельных территорий, применялась достаточно широко и привела к критическим экономическим сбоям.

В специальной литературе до недавних пор встречалось мало исследований, посвященных анализу значимости фактора физического взаимодействия при выполнении отдельных видов работ в различных сферах деятельности, в том числе даже в, казалось бы, относительно безопасных с точки зрения угрозы инфицирования работников (например, техобслуживание автоматизированных производств и складов, обслуживание и ремонт аудио- и видеотехники и пр.), не говоря уже об отраслях, условия труда в которых требуют постоянного физического контакта между работниками и которые в наибольшей степени пострадали из-за ограничений, связанных с необходимостью соблюдения физической дистанции.

Правда, в ряде более ранних исследований изучалась эффективность мероприятий социального дистанцирования для снижения скорости распространения эпидемий на примере испанского гриппа 1918–1919 гг. в США и сезонных вирусных инфекций в других странах.

Однако знания специалистов об экономических последствиях введения жестких мер дистанцирования все еще неполны и ограничены. Одной из причин этого является то обстоятельство, что данные прошлых лет могут быть недостаточно релевантными для изучения этого вопроса в сегодняшних условиях, а данные, полученные на материалах изучения сравнительно недавних локальных эпидемий, случившихся уже в XXI в. в некоторых странах Юга, ограничены по охвату именно в силу своей локальности.

Попытка заполнить имеющийся пробел в изучении экономических эффектов социального дистанцирования в условиях распространения COVID-19 была предпринята в любопытной, хотя и небесспорной публикации, подготовленной профессором экономики аккредитованного в США и в Австрии Центрально-Европейского университета в Будапеште Миклошем Кореном (в соавторстве) [Koren, Peto, 2020]. В работе описывается модель,

предлагающая некоторые рациональные теоретические обоснования зависимости отдельных видов бизнеса от физического взаимодействия между работниками.

Модель построена на статистических материалах США и отталкивается от квалификационно-отраслевой структуры американской экономики, включая детализированный анализ по отдельным отраслям и регионам. Статья содержит оценки потенциальных и реальных негативных эффектов ограничений на контакты, действовавших в США в пиковых фазах распространения пандемии, а также соответствующие рекомендации для регуляторных инстанций.

Исходным посылом для авторов публикации послужил тезис, восходящий еще к Адаму Смиту, а в XXI в. разделявшийся известным американским экономистом, лауреатом Нобелевской премии Гэри Беккером, что интенсивное социальное взаимодействие работников способствует повышению производительности труда независимо от того, в рамках какой модели совместно выполняемых производственных или организационных функций оно происходит.

Авторы, в частности, обнаружили, что для почти 49 млн американских работников (что составляет почти треть численности совокупной рабочей силы США) профессиональное исполнение ими своих обязанностей на рабочем месте предполагает обязательное регулярное общение «лицом к лицу» с коллегами или близкое физическое соседство с другими работниками [Koren, Peto, 2020, p. 13].

Соблюдение правил социального (физического) дистанцирования, по оценкам экспертов из органов управления общественным здравоохранением, является достаточно надежным способом, позволяющим наряду с использованием медикаментозных средств сдерживать распространение пандемии. Более того, многие представители медицинского экспертного сообщества в США убеждены, что именно прерывание контактов и введение локдаунов является наиболее эффективной мерой сдерживания скорости распространения пандемии COVID-19. Отдельные аспекты введения таких мер, касающиеся функционирования системы общественного здравоохранения, рассматривались, например, в работе [Wilder-Smith, Freedman, 2020].

Правительства многих стран, в том числе США, в период первой (хотя и не самой мощной, но ударной из-за своей неожиданности) волны пандемии поторопились ввести у себя жесткие чрезвычайные меры (закрытие школ и высших учебных заведений, запреты на проведение спортивных и культурно-массовых меро-

приятий, ограничения численности людей, собирающихся в закрытых помещениях, ограничения в работе магазинов, реализующих товары не первой необходимости, ограничения на пользование некоторыми видами общественного транспорта и пр.).

Однако не только на момент начала массового распространения коронавируса весной 2020 г., но и в последующий период (2021–2022) почти не встречается работ, которые позволяли бы получить обоснованные и взвешенные ответы на такие, например, вопросы: какими могут быть краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные экономические последствия мер принудительного дистанцирования; предприятия каких отраслей и сфер деятельности в итоге больше всего пострадают от вводимых ограничений; как долго может продолжаться карантинный период, чтобы он не привел к коллапсу всей экономической жизни страны; какой ущерб может быть нанесен системе образования и качеству подготовки будущих профессиональных кадров, если учащиеся школ и колледжей, студенты университетов в течение нескольких недель, а порой и месяцев не будут получать систематизированные знания по разным дисциплинам в полном объеме благодаря непосредственному живому контакту в аудитории друг с другом и с преподавателем и пр.

Представленные в работе [Koren, Peto, 2020] результаты моделирования эффектов пандемии в разных сферах деятельности подтверждают эмпирические выводы, основанные на статистической информации, что к сферам деятельности, наиболее пострадавшим как от пандемии, так и от введенных властями мер блокировки контактов, относятся прежде всего розничная торговля, индустрия гостеприимства и общественного питания, культурно-досуговые учреждения и спортивные комплексы, а также учреждения среднего образования (школы, колледжи).

Центральной идеей работы было сформулированное авторами предложение, чтобы государство через механизмы бюджетного субсидирования выплачивало субсидии экономическим агентам, осуществляющим свою деятельность в перечисленных выше сферах деятельности и понесшим вынужденные потери от принудительного сокращения интенсивности контактов между работниками. По оценкам, представленным авторами, размер таких компенсационных субсидий может составлять примерно 12% (точнее, в среднем 12,2%) от фонда заработной платы объекта субсидирования при условии, что организация, претендующая на получении субсидии, сможет обеспечить снижение интенсивности контактов

между своими работниками хотя бы на 50% за счет свертывания объемов операций или реструктуризации бизнеса. Расчеты, выполненные исследователями, по их мнению, могут послужить основанием для определения масштабов финансовой поддержки предприятий и учреждений, в наибольшей степени пострадавших от введения режима социального (физического) дистанцирования [Koren, Peto, 2020].

Полученные авторами исследования результаты согласуются с параллельными исследованиями общих экономических последствий пандемии COVID-19 с использованием данных O*NET¹.

Вместе с тем результаты исследования, проведенного Дж. Дингелем и Б. Нейманом [Dingel, Neiman, 2020], показали, что около 34% видов работ в США могут выполняться из дома без сколько-нибудь заметного ущерба для тех сфер деятельности, где эти работы производятся. Понятно, что некоторые виды работ, требующих обязательного присутствия работника на рабочем месте в производственном помещении, лаборатории или офисе, в большей степени подвержены негативным эффектам социального (физического) дистанцирования, чем другие. Иными словами, ограничения, связанные с дистанцированием, для таких рабочих мест в большей степени негативно сказываются на результативности и производительности труда, чем для других рабочих мест. Доля работников, выполняющих свои производственные функции в непосредственной физической близости от других работников или посторонних лиц, измеренная в работах М. Корена и Р. Пето, Дж. Дингеля и Б. Неймана, совпадает в целом с другими оценками (см., напр.: [Leibovici, Santacreu, Famiglietti, 2020]). Работники этой группы оказываются наиболее уязвимыми от введения противопандемических ограничений по широкому спектру социально-экономических показателей.

Отталкиваясь от того, что предприятия многих отраслей и сфер деятельности в значительной степени зависят от общения работников «лицом к лицу» в процессе производства, в модели, предложенной в работе [Koren, Peto, 2020], акцент сделан на исследовании интенсивности коммуникаций между работниками различных видов и сфер деятельности, с тем чтобы понять, как именно и в какой степени ограничения, вводимые на частоту контактов между работниками «лицом к лицу», увеличивают производ-

¹ База данных, содержащая описание функций для каждого вида профессиональной деятельности (National Center for O*NET Development, 2020).

ственные затраты в зависимости от выполняемого ими функционала. Во многих сферах деятельности постоянные коммуникации работников «лицом к лицу» критически важны для согласования целей и выполнения производственных заданий, для сопряжения трудовых усилий и приобретения умений, навыков и знаний. Это касается не только одних и тех же совместно выполняемых работ: коммуникации, предполагающие разные формы и степени разделения труда между работниками и требующие частых контактов между ними, также жизненно важны для снижения производственных затрат.

Особенно часты физические контакты между работниками на предприятиях с высоким уровнем разделения труда и с высокой плотностью размещения рабочей силы в закрытых помещениях. Именно такие предприятия в наибольшей степени страдали от запретов и ограничений, введшихся в наиболее острых фазах пандемии.

Авторы модели, разработанной специально для улавливания негативных экономических эффектов введшихся властями США ограничений интенсивности производственных контактов между работниками, предложили свою индексную классификацию видов работ. Критериальной базой классификации служат эмпирические представления о степени требуемой коммуникации между работниками, с тем чтобы на этой базе количественно оценить значимость дистанцирования для тех или иных видов деятельности с точки зрения его возможных негативных экономических эффектов.

Для измерения сбоев в работе бизнесов из-за введения правил социального (физического) дистанцирования авторы модели обратились к уже упоминавшейся базе данных O*NET, содержащей описание функционала для каждого вида профессиональной деятельности. Было учтено также территориальное размещение предприятий в США (на базе информации статистического бюро США).

В результате были выделены три группы профессий по так называемому индексу коммуникативности. Например, работникам некоторых профессий требуется личное общение с другими работниками несколько раз в неделю. Примерами таких профессий, требующих коллективной работы, являются виды деятельности, связанные с обслуживанием, персональным уходом и оказанием медицинских услуг. Работникам других профессий (консультантам, соцработникам, продавцам) приходится вступать в частые контакты с клиентами, покупателями. Третья группа работников может нуждаться в непосредственном физическом контакте, даже если представители этой группы при этом не общаются между со-

бой (например, при управлении техническими устройствами или при добыче полезных ископаемых).

В приводимой ниже матрице (табл. 4) авторы суммировали свои выводы по классификации видов профессиональной деятельности с учетом требуемого уровня коммуникативности для каждого вида.

Таблица 4

Трехуровневая классификация, определения и характеристики различных видов работ с точки зрения интенсивности социальной коммуникации, требуемой для их выполнения

Индикаторы уровня коммуникативности*	Виды деятельности (составы работ)	Характер коммуникативности
Работа в коллективе («ГРУППА»**)	Работа в рабочей группе или в команде; консультирование физических лиц; координация работ; инструктирование и мотивирование подчиненных; командообразование	Очные контакты с коллегами несколько раз в неделю или чаще
Работа с клиентом («КЛИЕНТ»**)	Работа с внешними клиентами; выступления перед публикой или непосредственное взаимодействие с ней; оказание помощи и забота о других; оказание консультационных услуг в очной форме; установление и поддержание межличностных отношений	Встречи и обсуждения лицом к лицу несколько раз в неделю
Работа, требующая присутствия на рабочем месте («ПРИСУТСТВИЕ»**)	Погрузочно-разгрузочные работы; управление транспортными средствами, механизированными устройствами или оборудованием; ремонт и обслуживание электронных устройств; ремонт и обслуживание механического оборудования; инспектирование оборудования, конструкций или материалов	Высокая плотность кооперации и взаимодействия при выполнении трудовых операций, тесное размещение рабочих мест в одном помещении и пр.

Примечания и пояснения.

Каждый индикатор уровня коммуникативности (колонка 1) построен путем исчисления среднего арифметического из весовых значений соответствующих составов работ (колонка 2). Чтобы тот или иной вид деятельности был отнесен к соответствующей категории из обозначенных в колонке 1 индикаторов, его среднее весовое значение должно превышать 62,5; при этом численный индекс характера коммуникативности должен превышать соответствующее пороговое значение в колонке 3.

* Индикаторы коммуникативности: индикаторы степени интенсивности социальной коммуникации в процессе трудовой деятельности (по трехуровневой шкале).

** В левой колонке таблицы для удобства оперирования введенными индикаторами в скобках введены односложные метки (мемы), присвоенные каждому индикатору. Эти метки используются в дальнейшем в табл. 5.

Источник: [Koren, Peto, 2020, p. 20].

Представляется, что классификационная конструкция, предложенная авторами и развернутая ими в матрице табл. 4, может служить лишь первым приближением к построению шкалы уровней социальных коммуникаций и физических взаимодействий, необходимых для выполнении тех или иных организационных и производственных функций или видов работ.

В построенной авторами матрице, во-первых, отсутствуют достаточно четкие разграничения понятий для каждой из девяти контентных ячеек; во-вторых, размыты содержательные границы между выбранными индикаторами, особенно между теми, которые обозначены как «работа в коллективе» и «работа с клиентом»; в-третьих, смешаны критерии организационных и операционных работ (например, такие функции, как формирование команды или координация действий подчиненных, не являются, очевидно, какими-то обособленными видами деятельности – эти функции необходимы, в частности, и при проведении погрузочно-разгрузочных работ, и для выполнения многих других производственных операций); в-четвертых, работа, например, по ремонту и обслуживанию электронных или механических устройств часто должна предполагать инструктаж и/или консультирование пользователей, так что не очень понятно, почему такая работа оказалась в пятом содержательном квадранте матрицы, и т.д.

Тем не менее сама идея классификации рабочих мест и видов деятельности по предложенному авторами критерию может иметь хорошие перспективы практического применения.

Эмпирический анализ, выполненный авторами, фокусируется главным образом на исследовании последствий социального дистанцирования для экономических результатов работ, выполняемых в условиях тесного взаимодействия работников (индикаторы с метками «КОМАНДА» и «КЛИЕНТ»). Однако негативные эффекты социального дистанцирования сказываются также на тех видах профессиональной деятельности и в тех отраслях, где работникам приходится находиться в непосредственной физической близости друг от друга, даже если они не общаются между собой.

К числу профессий, требующих физического присутствия, авторы относят, например, водителей и машинистов, особенно в горнодобывающей промышленности и на водном транспорте, где рабочие функции, как правило, выполняются в условиях тесной производственной среды.

Одним из важнейших факторов, влияющих на оценку рабочих мест с точки зрения индекса, измеряющего необходимую тес-

ноту физического и социального контакта при выполнении разного рода работ, является, безусловно, уровень автоматизации производственных процессов на том или ином предприятии. Между тем авторы модели по каким-то соображениям вообще не принимают этот фактор в расчет. Даже те же самые погрузочно-разгрузочные работы, оказавшиеся у авторов в пятом квадранте табл. 4, т.е. в перечне работ, требующих от исполнителей обязательного присутствия на рабочем месте, нередко вполне успешно выполняются в автоматизированном режиме под управлением, наблюдением и контролем одного оператора, осуществляющего свои функции без необходимости вступления в какой-либо прямой контакт с другими работниками.

Пространственное распределение рабочих мест (крупные и средние города, населенные пункты в сельской местности) также имеет значение с точки зрения результативности мер социального дистанцирования, потому что взаимодействие лицом к лицу при выполнении производственных обязанностей гораздо чаще встречается в густонаселенных городах. К тому же производственные предприятия обычно сосредоточены в ограниченных локациях в пределах городской черты. Отсюда следует, что любые меры по принудительному введению социального дистанцирования, принимаемые как на федеральном уровне, так и на уровне административно-территориальных образований (штатов и округов), накладывают непропорциональные по негативному эффекту для бизнесов ограничения на разные сферы занятости и на разные зоны пространственного распределения хозяйственной деятельности в пределах той или иной территории.

В табл. 5 обозначены две группы, в каждой из которых представлены пять отраслей, отобранных в соответствии с североамериканской системой отраслевой классификации (NAICS) и структурированных по процентной доле работников коммуникативно емких профессий (без учета медицинских учреждений). В первую группу попали отрасли с наиболее высокой долей таких работников (свыше 35%). Во второй группе оказались отрасли с наиболее низким индексом коммуникативности. Авторы считают, что столь существенная неоднородность и дифференциация отраслей и сфер деятельности по предложенному ими критерию имеет важное значение для оценки и сопоставления эффектов, генерируемых мерами обеспечения социального (физического) дистанцирования.

Удельные веса (в %) работников отдельных отраслей экономики США, классифицируемые по трем признакам отнесения выполняемых видов работ с точки зрения интенсивности социальной коммуникации : наиболее и наименее коммуникативно емкие отрасли экономики США

Отрасли	«ГРУППА»	«КЛИЕНТ»	«ГРУППА» и «КЛИЕНТ» в совокупности	«ПРИСУТСТВИЕ»
Розничная торговля	13	67	68	5
Гостиничные услуги и общественное питание	8	50	51	1
Культура, развлечения, досуг	12	40	42	2
Прочие услуги (кроме сферы госуправления)	12	38	41	12
Образование	15	35	37	1
Оптовая торговля	8	16	20	12
Транспорт и складирование	8	10	16	32
Обрабатывающая промышленность	7	6	11	10
Строительство	15	5	18	28
Сельское, лесное, рыбное, охотничье хозяйства	4	4	7	23

Примечание. Метки «ГРУППА» и «КЛИЕНТ» показывают долю (в %) работников каждой из выбранных отраслей, занятых в профессиях, которые требуют командной работы или работы с клиентом (соответственно). В четвертой колонке показана совокупная доля работников «коммуникативно емких» профессий, относимых либо к командно-интенсивным, либо к клиентоориентированным. Этот показатель меньше суммы двух предыдущих индексов, поскольку некоторые профессии предполагают оба вида коммуникации. Под меткой «ПРИСУТСТВИЕ» (последняя колонка) показан процент работников, чья работа требует физического присутствия в непосредственной близости от других людей.

Источник: составлено по: [Koren, Peto, 2020, p. 24].

В откалиброванную авторскую модель заложены условные параметры политики социального дистанцирования, устанавливающей лимит взаимодействий на одного работника за счет введения блокировок контактов таким образом, чтобы общее количество прямых физических контактов между работниками по всей стране сократилось вдвое. Авторы считают, что, если принять такой условный сценарий, политика социального дистанцирования, вводимая на федеральном уровне, должна предусматривать компенсации из бюджета потерь, связанных с локдаунами, путем субсидирования фонда заработной платы предприятий в размере в

среднем 12,2%, поскольку распределение компенсирующей субсидии на заработную плату должно быть неравномерным в территориальном и отраслевом разрезе. В Нью-Йорке, где плотность населения примерно в 20 раз превышает среднюю плотность населения в США, потребуется субсидия в размере 13,3% от заработной платы. Напротив, в сельскохозяйственных регионах, на транспорте и в обрабатывающей промышленности компенсирующие субсидии к заработной плате могут составить менее 6% (см. табл. 6).

Таблица 6

Размеры возможных компенсационных субсидий бизнесу за сокращение интенсивности контактов между работниками на 50% (расчеты модели в отраслевом разрезе)

Отрасли и секторы экономики	КСЗ (%)*	Занятость**
Розничная торговля	22,1	15 659
Гостиничные услуги и общественное питание	17,7	14 379
Культура, развлечения, досуг	15,1	2 494
Прочие услуги (кроме сферы госуправления)	14,5	5 939
Образование	13,8	3 838
Оптовая торговля	7,7	5 936
Строительство	6,8	7 646
Транспорт и складирование	5,9	5 523
Обрабатывающая промышленность	4,5	12 861
Сельское, лесное, рыбное, охотничье хозяйства	2,6	55
<i>Среднее значение***</i>	12,2	116 496

Примечания.

В табл. 6 не учитываются учреждения сферы здравоохранения и государственного управления, не представленные в базе данных, формируемой ежегодно на субнациональном уровне и содержащей отраслевую статистику занятости по округам (County Business Patterns, СВР).

**КСЗ – компенсационное субсидирование зарплаты. Показатель «КСЗ» (во второй колонке таблицы) отражает процентное снижение затрат на рабочую силу, при котором следует предусматривать выплаты компенсации предприятиям при условии, что интенсивность контактов между работниками сокращается не менее чем наполовину.*

***Показатель «Занятость» (в третьей колонке таблицы) отражает занятость в соответствующих отраслях и секторах американской экономики в феврале 2020 г., в тыс. человек, по данным БТС США.*

****В последней строке подсчитана рекомендуемая авторами взвешенная по занятости средняя субсидия к заработной плате (в %).*

Источник: [Koren, Peto, 2020, p. 26].

Разумеется, модель, построенная М. Кореном и его коллегой, позволяет варьировать задаваемый процент сокращения интенсивности контактов между работниками, менять составы отраслей (исходя из возможностей бюджета и ориентиров налогово-

бюджетной политики) и, соответственно, получать иные процентные значения компенсационных субсидий для бизнесов.

Авторы публикации формулируют любопытное заключение (подтверждаемое некоторыми эмпирическими наблюдениями), что компании могут менять свое территориальное местоположение (временно или навсегда) в ответ на разного рода экзогенные угрозы и шоки для бизнеса (к числу которых относятся, в частности, шоки, связанные с войной, терроризмом, природными и техногенными катастрофами, введением экономических и политических санкций против той или иной страны – ну и, разумеется, не в последнюю очередь в связи с критической эпидемиологической ситуацией) [Koren, Peto, 2020, p. 28].

Как известно, эпидемии в непропорционально большей степени поражают население городов, особенно крупных, чем население, проживающее в сельской местности. Следовательно, можно предположить, что после пандемии коронавируса (в отличие, например, от теракта) в пространственном равновесном распределении предприятий по регионам США «премия» для бизнеса за высокий уровень агломерации падает, т.е. для компаний, работающих не только на местные рынки, привлекательность городских агломераций снижается. Поэтому лучшей, хотя и тоже недостаточно надежной защитой от эпидемий, несмотря на все эффективные медикаментозные средства и даже на вакцинацию, по-видимому, остается социальное (физическое) дистанцирование. Оптимальная продолжительность дистанцирования должна быть тщательно рассчитана для каждой сферы деятельности совместными усилиями эпидемиологов, вирусологов, инфекционистов и экономистов, чтобы выгоды от введения такой меры в конечном счете превышали генерируемые ею убытки, и с учетом того, что для городов меры физического дистанцирования могут быть более губительными, чем террористические угрозы, поскольку они разрывают саму ткань городской жизни.

По пандемии COVID-19 накоплен пока еще недостаточный массив обработанных данных, чтобы делать сколько-нибудь надежные долгосрочные прогнозы относительно целесообразности продолжительности действия требований социального дистанцирования. Но можно подойти к проблеме с другой стороны: с гораздо большей вероятностью можно утверждать, что на пространственно-территориальное распределение бизнесов все сильнее оказывают влияние возможности использования телекоммуникационных технологий.

Ответ на важный вопрос, возникающий в связи с этим – будет ли доля телекоммуникаций в обслуживании бизнес-процессов существенно возрастать в долгосрочной перспективе, – в решающей степени зависит от того, насколько новые коммуникационные технологии смогут заменить собой взаимодействие работников «лицом к лицу».

В модели, построенной авторами статьи, эти два способа обеспечения кооперирования в процессе производственной деятельности (дистанцирование и телекоммуникации) рассматриваются как абсолютно взаимозаменяемые, с той лишь разницей, что производственная результативность личных контактов повышается с ростом плотности населения, тогда как возможности телекоммуникационных технологий нисколько не зависят от плотности агломерации, которую они покрывают.

Результаты ряда исследований, проводившихся в разных странах в 2000-е годы, показывают, что контакты «лицом к лицу» более эффективны при высокой интенсивности коммуникации. Такие контакты становятся особенно важными в случаях, когда возникают проблемы со стимулированием подчиненных и налаживанием совместной деятельности непосредственно на рабочем месте.

В то же время данные об интернет-потоках свидетельствуют о том, что общение, опосредованное телекоммуникационными технологиями, далеко не всегда может служить адекватной заменой личным контактам. Дальнейшие исследования способов коммуникации позволят, с высокой степенью вероятности, пролить свет на возможности телекоммуникаций выступать в качестве полноценного заменителя личных контактов при осуществлении производственной деятельности – при условии, разумеется, тщательного сопоставления издержек и выгод (прямых и индуцированных) для каждого варианта.

Одним из перспективных направлений дальнейших исследований эффектов пандемии может стать анализ долгосрочной реакции предприятий на угрозы, генерируемые ею, поскольку бизнес всегда ищет способы повысить свою устойчивость ко всякого рода потрясениям, возможным в будущем. До 2020 г., правда, вероятность пандемии такого масштаба, как COVID-19, с такими шоками для населения и экономики практически не рассматривалась всерьез в американском бизнес-сообществе и на высшем политическом уровне управления страной (впрочем, как и в других странах), хотя «сигнальчики» о растущей опасности такого рода были,

и эпидемиологи неоднократно предупреждали о достаточно высоких рисках подобных угроз.

5. Рынок труда США : «пандемическое» измерение

5.1. Коллапс на американском рынке труда в 2020 г.

5.1.1. Динамика занятости и безработицы в 2020 г. : общие контуры

Драматическая весна 2020 г. практически полностью перечеркнула очевидные успехи республиканской администрации по подъему экономики, сокращению безработицы и росту занятости, отмечавшиеся всеми непредвзятыми наблюдателями в 2017–2019 гг. Позитивные тренды, проявившиеся за предыдущие три года, подверглись неожиданному суровому испытанию. Понятно, что катастрофический рост безработицы и падение занятости в США из-за введения ограничений в связи с пандемией объясняются форс-мажорными обстоятельствами экзогенной природы.

Ограничения на ведение бизнеса, введившиеся в США в периоды острых вспышек пандемии COVID-19, особенно в начальной фазе распространения инфекции коронавируса, оказали мощное негативное краткосрочное воздействие на американский рынок труда (помимо долгосрочных воздействий на структуру этого рынка, которые только начали проявляться в 2021–2022 гг. и требуют специальных исследований).

В течение первой шоковой фазы пандемии (март-апрель 2020 г.) в стране было зарегистрировано свыше 31 млн заявок на получение пособий по безработице. В этот период экономика страны, по сути, была свергнута в хаос, на многих рабочих местах трудовая деятельность была временно приостановлена. Официальные цифры указывают, что безработица в апреле 2020 г. взлетела до уровня, беспрецедентного с 1948 г.

В марте-апреле 2020 г. коллапс на американском рынке труда (элементами которого были не только рост безработицы, но и падение занятости из-за свертывания бизнесов, сокращение текущих доходов лиц, работающих по найму) достиг беспрецедентных масштабов и, по оценкам, оказался самым драматичным за последние 150 лет. Наиболее продолжительный за всю историю

США период создания рабочих мест, продолжавшийся 113 месяцев подряд, в начале весны 2020 г. резко оборвался: в марте из-за пандемии было потеряно 870 тыс. рабочих мест, а уже в апреле американская экономика лишилась почти 21 млн рабочих мест, что является самым большим сокращением рынка труда в истории, более чем вдвое превышающим совокупные потери рабочих мест во время Великой рецессии 2008–2009 гг. Официальный уровень безработицы (U3) в апреле подскочил до 14,7% по сравнению с 4,4% в марте и 50-летним минимумом в 3,5%, зарегистрированным в феврале [Guaitoli, Tochev, 2021, p. 50]. По некоторым экспертным оценкам, сделанным с учетом косвенных эффектов, порожденных внезапными увольнениями, реальный уровень безработицы в тот период был еще выше и мог превышать 20%-ную отметку. Так, Дж. Фурман из Института мировой экономики им. Петерсона и У. Пауэлл из Школы им. Кеннеди Гарвардского университета оценили реальный уровень безработицы на пике весенних локдаунов в 20,5%, скорректировав официальные данные не только с учетом тех, кто ошибочно был включен в число занятых, но и с учетом некоторого сокращения численности трудоспособного населения, учитываемого в составе рабочей силы [Furman, Powell III, 2020a].

По официальным данным БТС, уровень безработицы по индексу U6 в апреле 2020 г. достиг 22,4%, если принять во внимание корректировки численности работников, которые были ошибочно отнесены к категории занятых, хотя на самом деле отсутствовали на своих рабочих местах по разным причинам.

О стремительном сжатии рынка труда можно судить и по числу обращений за пособиями по безработице, которое резко возросло в марте-июле. Всего за 18 недель, с 14 марта по 18 июля, за пособиями по безработице обратились 52,7 млн человек, хотя число новых обращений за пособиями начало заметно сокращаться уже в мае. В июне и в первые две недели июля число обращений за пособиями по безработице стабилизировалось во многом по той причине, что после снятия большинством штатов наиболее жестких контрпандемических ограничений и перезапуска экономики начал работать механизм компенсации увольнений за счет найма новых работников и возвращения в компании части работников, отправленных ранее во временные принудительные отпуска. Однако летом 2020 г. безработица по-прежнему оставалась на исторически высоком уровне: так, в конце третьей недели июля чис-

ло еженедельных обращений за пособиями по безработице все еще достигало порядка 1,5 млн.

5.1.2. Удар по занятости и всплеск безработицы в 2020 г. : тренды, динамика, эффекты

Пандемия коронавируса оказала ощутимый, а на первых порах даже катастрофический эффект на уровень безработицы в каждом американском штате, в каждой отрасли. Во всех штатах и в округе Колумбия безработица в апреле оказалась выше, чем на пике Великой рецессии 2008–2009 гг. Правда, уже к январю 2021 г. официальный индекс безработицы U3 упал до 6,7%, но и эта цифра выглядит достаточно высокой по сравнению с показателями динамики безработицы на конец 2019 г., оставаясь почти вдвое выше, чем было зафиксировано в феврале 2020 г. [Unemployment rates ..., 2021b].

Немало компаний разных отраслей пострадало прежде всего из-за разрывов в цепочках поставок и цепочках создания добавленной стоимости в связи с введением пандемических ограничений и закрытием предприятий, в том числе в таких отраслях, как автомобилестроение, производство сельхозпродукции и пищевая промышленность (*подробнее см. выше, п. 4.4.*).

Особенно долго высокая безработица удерживалась среди работников горнодобывающей промышленности: несмотря на общее постепенное угасание рецессии во второй половине 2020 г., еще в ноябре в этой отрасли был зарегистрирован наиболее высокий уровень безработицы (19,2%) в сравнении с другими отраслями.

Свертывание производства означало сокращение предложения, что стало причиной опасных ножниц между предложением и спросом в тех товарных нишах, где спрос не пострадал или почти не пострадал (например, в отношении товаров повседневного потребления).

Но не менее критическим для экономики оказалось и противоположное явление, когда многие бизнесы, «завязанные» на потребительский рынок, особенно работающие в сферах оптовой и розничной торговли, общественного питания, гостиничной и досуговой деятельности, авиа- и железнодорожных перевозок, столкнулись весной 2020 г. с беспрецедентным сокращением спроса на производимые ими товары и услуги. Приведенные цифры лишней

раз подтверждают сформулированный выше тезис, что падение рынков было спровоцировано как на стороне факторов предложения, так и на стороне факторов спроса.

Резкое сокращение потребительских расходов населения США в период массовых весенних локдаунов отчасти объяснялось требованием властей «оставаться дома», хотя авторы некоторых исследований утверждают, что едва ли не основной движущей силой беспрецедентного сокращения масштабов потребительского спроса в тот период были добровольные самоограничения, поскольку жители городов стали воздерживаться от посещения многолюдных мест, в том числе торговых центров и предприятий общественного питания, а бизнес постепенно начал вводить практику удаленной работы там, где это возможно, еще до получения соответствующих предписаний властей. Так, О. Гулсби и Ч. Сиверсон из Школы бизнеса им. Бута Чикагского университета установили, что резкое сокращение потребительского потока весной 2020 г. лишь на 7 п.п. из 60% может быть объяснено введением властями регуляторных ограничений. Остальные 53% такого сокращения объясняются решениями самих потребителей оставаться дома [Goolsbee, Syverson, 2020, p. 1–2].

Представляется, однако, что оценки высокого уровня добровольности решений некоторой части граждан о сокращении числа своих физических контактов и избегании мест, где потенциально существуют повышенные риски заражения, в значительной степени являются мнимыми. На это указывают некоторые исследования, в которых отмечаются два момента.

Во-первых, официальные предупреждения населению о необходимости избегать больших скоплений и ограничивать свои физические контакты с коллегами по работе появились практически сразу же с момента регистрации первых случаев заражения коронавирусом и первых случаев смертей от COVID-19 на территории США, так что всякую «добровольность» в данном случае можно рассматривать как фактически индуцированную предупреждениями властей: люди понимали, что возникла опасность, что эта опасность официально признана властями, и потому избрали для себя тактику осторожного поведения, не дожидаясь введения специальных жестких предписаний.

Во-вторых, эта индуцированная «добровольность», даже если и имела место, была ограничена коротким сроком: уже в марте 2020 г. в США были изданы жесткие предписания о необходимости введения массовых локдаунов, шатдаунов и предписаний

«оставаться дома» (SAH) на всей территории страны, что, по сути, придавало всякой добровольности обязательный характер. Другое дело, что после смягчения (уже начиная с мая 2020 г.) обязательных жестких карантинных режимов, введенных решениями федеральных властей, в ряде штатов и округов значительное число лиц, а также предприятий малого и среднего бизнеса продолжали по своей инициативе придерживаться некоторых ограничений, поскольку на местах эпидемиологическая ситуация была разной.

Таким образом, именно жесткие карантинные меры, введенные в США в марте 2020 г., практически незамедлительно привели к невиданному всплеску безработицы и падению уровня занятости. При этом процессы свертывания рабочих мест и роста безработицы, наблюдавшиеся в первые месяцы пандемии, не были похожи на типичную рецессию (см.: [Unemployment rates ..., 2021a]).

В прошлом механизм развертывания циклической рецессии обычно отличался относительной постепенностью: после первого мощного удара рыночной стихии экономический спад углублялся по нарастающей достаточно плавно. Однако рецессия, вызванная коронавирусной пандемией, в отличие от стандартных сценариев циклических спадов, оказалась не только экзогенным, но и неожиданно сильным шоком для экономики.

Пандемия, как известно, привела к резкому ограничению коммуникаций между индивидуумами и к многочисленным закрытиям производств, функционирование которых предполагает прямые физические контакты между работниками. Поэтому тренды в динамике и уровнях безработицы в ходе «коронавирусной рецессии» отличаются от трендов, характерных для предыдущих рецессий [Веселовский, 2021, р. 98].

В периоды прошлых циклических рецессий безработица росла относительно плавно в течение экономического спада, пока не достигала своего пика. Рецессия же 2020 г. проявлялась сначала в беспрецедентно резком приросте безработицы (10,3 п.п. за период с февраля по апрель), хотя уже с конца апреля безработица стала быстро снижаться (на 8 п.п. с апреля по ноябрь) по мере того, как отправленные во временные отпуска работники начали возвращаться на свои рабочие места. Несмотря, однако, на достаточно быстрый «отскок» назад, безработица в ноябре и декабре 2020 г. по-прежнему оставалась на достаточно высоком уровне (6,7%). При этом доля рабочих, оказавшихся на карантине, снизилась с пикового значения в апреле, в то время как число постоянно уво-

ленных устойчиво возросло и к ноябрю 2020 г. впервые с марта превысило число отправленных в отпуска.

При обычном циклическом спаде предпринимателям требуется некоторое время, чтобы почувствовать, что спрос на их товары или услуги падает или что их бизнес-модель оказалась недостаточно устойчивой в условиях слабеющей экономики. Только когда предприниматель осознает это, он начинает увольнять работников. При рецессии классического типа по всей экономике процессы закрытия предприятий и избавления бизнесов от избыточной рабочей силы идут параллельно; при этом все меньше открывается новых бизнесов и, соответственно, все меньше появляется новых вакансий. Эти процессы могут тянуться несколько лет, и число сокращенных рабочих мест все время растет. В результате происходит накопление долгосрочной безработицы, а уровень участия трудоспособного населения в составе рабочей силы постепенно снижается по мере того как лица, лишившиеся работы, не находят для себя новых возможностей трудоустройства и выпадают из состава рабочей силы, а те, которые намеревались вернуться на рынок труда, не могут найти работу, потому что не видят никаких перспектив [Stevenson, 2020, p. 2].

Так, во время предыдущей рецессии рост числа рабочих мест сначала замедлился в 2007 г. и лишь с февраля 2008 г. начались масштабные сокращения. На протяжении года темпы свертывания рабочих мест с каждым месяцем только нарастали, достигнув пика в марте 2009 г., когда экономика потеряла около 800 тыс. рабочих мест, и лишь потом стали несколько замедляться, так что сокращение занятости продолжалось вплоть до середины 2010 г. В итоге экономика США потеряла тогда порядка 8 млн рабочих мест. И даже после того, как рост числа рабочих мест начал постепенно восстанавливаться, индекс, фиксирующий долгосрочную безработицу, и коэффициент, отражающий уровень участия в рабочей силе (Labor Force Participation Rate, LFPR), годами продолжали сохраняться на достаточно высоких уровнях. Лишь с конца 2015 г. коэффициент LFPR начал устойчиво расти [Breitwieser, Nunn, Shambaugh, 2018].

Считается, что коэффициенты, замеряющие уровень экономической активности через показатель LFPR, позволяют оценивать масштабы недоиспользования трудовых ресурсов в экономике страны более корректно, чем официальные показатели уровня безработицы. Так вот, оказалось, что, в отличие от сценария «классической» рецессии 2008–2009 гг., за первые два критических пандемических месяца 2020 г. (март и апрель) коэффициенты LFPR

упали намного ниже самого низкого уровня в предыдущую рецессию, для достижения которого понадобилось целых пять лет [Stevenson, 2020, p. 2–3].

Таким образом, события на американском рынке труда во время «пандемической» рецессии 2020 г. развивались совсем иначе, чем во время Великой рецессии. Весеннее снижение показателя LFPR оказалось лишь кратковременным эпизодом. Забегая вперед, отметим здесь, что LFPR даже к 2022 г. не вернулся к допандемическому уровню, о чем речь пойдет ниже. Сопоставление динамики показателей, замеряемых в течение 2020 г., с традиционными «метками» не позволило уловить ни сколько-нибудь серьезного падения американского рынка труда по итогам года, ни появления устойчивых трендов в изменении отношения работников к своему участию в составе рабочей силы страны (хотя более заметными стали некоторые этнические, расовые, гендерные, возрастные вариации этих показателей) [Unemployment rates ..., 2021a, p. 15–18].

Как индексы безработицы, так и показатели LFPR вполне очевидно отражали лишь временные сокращения персонала, поскольку рынок труда подавал ясные сигналы, что многие работники, распушенные по домам, через некоторое время (как только экономика вновь начнет оживать) смогут вернуться на свои рабочие места. Но даже после того, как миллионы работников вновь начали возвращаться на свои рабочие места, каждый предприниматель, независимо от того, прибежал ли он в своей компании к временным сокращениям персонала или нет, вынужден был искать способы выживания бизнеса в сложившейся новой экономической ситуации. Поэтому процессы сокращения рабочих мест и оттока работников в конце 2020 г., хотя и развивались довольно медленно, но отражали уже не временные приостановки работы, а все чаще решения собственников о реорганизации, реструктуризации или даже закрытии бизнесов [Stevenson, 2020, p. 3].

Понятно, что в разгар пандемии многие аналитики испытывали тревожные опасения из-за непредсказуемого накопления признаков углубляющегося кризиса на рынке труда. Так, в одной из публикаций, увидевшей свет летом 2020 г., Дэвид Отор и Элизабет Рейнольдс из Массачусетского технологического института (МТИ) признали, что с тревогой наблюдают за ситуацией в американской экономике, хотя еще недавно, вплоть до начала пандемического кризиса, с уверенностью и воодушевлением ожидали сохранения устойчивой позитивной динамики экономического роста, несмотря на обоснованные опасения по поводу негативных распределительных последствий

внедрения передовых технологий и даже на фоне вялого темпа прироста зарплат. При этом осенью 2019 г. Отор и Рейнольдс в своем прогнозе для развитых промышленных стран отмечали, что в ближайшие два десятилетия рост числа рабочих мест будет превышать рост числа работников, которые могли бы их заполнить, и что внедрение роботизации и автоматизации будет играть все возрастающую ключевую роль в преодолении этого разрыва.

Как оказалось, осенний (2019) «допандемический» прогноз Отора и Рейнольдс, по крайней мере в его первой части, касающейся появления тренда к превышению спроса на труд над предложением труда, начал сбываться уже во втором полугодии 2021 г., хотя неожиданно разразившаяся пандемическая рецессия поначалу подорвала уверенность в надежности этого прогноза – не только потому, что рецессия за короткое время породила массовую безработицу невиданных масштабов, но также потому, что перспективы возвращения американской экономики в устойчивый режим функционирования породили тогда у многих экспертов серьезную озабоченность из-за фундаментальной неопределенности всей экономической ситуации, сложившейся на тот период в Америке [Autor, Reynolds, 2020, p. 2]. Как оказалось, у пандемии был заготовлен гораздо более продолжительный план действий, чем предполагалось вначале: она никуда не собиралась уходить, и в последующие годы (2021–2022) лишь варьировала тактику, время от времени сменяя устаревший штамп на более свежий.

Несмотря на пессимистические прогнозы ранней фазы пандемии, поведение рынка труда, начиная уже со второго квартала 2020 г., внушало осторожную надежду, что рецессия не окажется затяжной. По данным, приводимым в табл. 7, можно проследить траектории изменения некоторых основных показателей рынка труда США в допандемический период и в период пандемической рецессии 2020 г.

С одной стороны, цифры табл. 7 свидетельствуют о том, что очевидные успехи в снижении уровня безработицы в сфере промышленного производства, достигнутые к 2019 г., фактически были «съедены» негативными эффектами коронавируса. Однако, с другой стороны, как видим, уже в мае 2020 г. «пандемическая» безработица (U_3) начала постепенно идти на убыль, снизившись до 13,3% по мере того, как штаты и местные органы власти смягчали ограничения и запускали процесс частичного восстановления экономической активности, замороженной в марте. По данным

БТС, уже в мае 2020 г. в экономике США появилось 2,5 млн дополнительных рабочих мест [COVID-19 : US ..., 2020].

Таблица 7

**Динамика ключевых макроэкономических показателей
рынка труда США в 2019–2020 гг. :
влияние фактора коронавирусной пандемии**

		U3	U6	UL	LFPR	EL
2019 г.	Январь	4,0	8,8	7140	63,1	155,0
	Февраль	3,8	7,7	6625	63,1	156,2
	Март	3,8	7,5	6382	63,1	156,4
	Апрель	3,7	6,9	5387	62,9	156,7
	Май	3,7	6,7	5503	62,9	157,1
	Июнь	3,6	7,5	6292	62,9	157,8
	Июль	3,6	7,3	6556	63,1	158,4
	Август	3,7	7,3	6203	63,2	157,8
	Сентябрь	3,5	6,5	5465	63,1	158,5
	Октябрь	3,6	6,5	5510	63,2	159,1
	Ноябрь	3,6	6,5	5441	63,2	158,9
	Декабрь	3,6	6,7	5503	63,3	158,5
2020 г.	Январь	3,5	7,7	6504	63,4	157,0
	Февраль	3,5	7,4	6218	63,4	158,0
	Март	4,4	8,9	7370	62,7	155,2
	Апрель	14,7	22,4	22504	60,2	133,3
	Май	13,3	20,7	20514	60,8	137,5
	Июнь	11,1	18,3	18072	61,5	142,8
	Июль	10,2	16,8	16882	61,4	144,5
	Август	8,4	14,3	13742	61,7	147,2
	Сентябрь	7,8	12,4	12277	61,4	147,8
	Октябрь	6,9	11,6	10620	61,6	150,4
	Ноябрь	6,7	11,6	10264	61,5	150,2
	Декабрь	6,7	11,6	10404	61,5	149,6

Примечания.

U3 - официальный уровень безработицы, % (см. подробнее во врезке ниже).

U6 - уровень безработицы с учетом отчаявшихся найти работу и вынужденных работать неполное рабочее время (см. подробнее во врезке ниже).

UL (Unemployment Level) – численность безработных, тыс. человек

LFPR (Labor Force Participation Rate) – коэффициент участия в рабочей силе (фактически доля общего числа занятых и безработных в численности населения страны), на конец соответствующего месяца, в %.

EL (Employment Level) – численность занятых, тыс. человек.

Составлено по: Databases, Tables & Calculators by Subject // US Bureau of Labor Statistics. – 2022. – URL: <https://data.bls.gov/pdq/> (date of access: 27.09.2022); US Unemployment Rate // YCHARTS. – 2022. – URL: https://ycharts.com/indicators/us_unemployment_rate (date of access: 27.09.2022); US Labor Force Participation Rate // YCHARTS. – 2022. – URL: https://ycharts.com/indicators/labor_force_participation_rate; US U-6 Unemployment Rate // YCHARTS. – 2022. – URL: https://ycharts.com/indicators/us_u_6_unemployment_rate_unadjusted, а также [Employment situation ..., 2021a; Monthly number ..., 2021; Monthly unemployment ..., 2021].

При этом показатель LFPR на протяжении всего 2020 г. снижался незначительно, а к декабрю превысил апрельский уровень. Казалось, рынок труда в целом оказался достаточно устойчивым перед коронавирусным «ураганом» и быстро начал отыгрывать утраченные в марте-апреле позиции не в последнюю очередь благодаря решениям о смягчении карантинного режима. Соотношение показателя LFPR с динамикой числа лиц, потерявших работу из-за пандемии, демонстрировало достаточную гибкость и динамичность американского рынка труда: на смену покинувшему состав рабочей силы приходили новые работники, а закрытые рабочие места частично восстановились, а частично были заменены новыми рабочими местами, требующими иных квалификаций.

Как измеряется уровень безработицы в США (краткая техническая справка)

Уровень безработицы – один из самых чутких и наиболее часто используемых индикаторов состояния экономики в целом наряду с показателями экономического роста, динамики занятости и изменения уровня инфляции.

В США разработана многоуровневая система шкал и несколько методик для выявления безработицы. Обычно считают, что уровень безработицы замеряется напрямую путем подсчета лиц, оставшихся без работы в том или ином периоде, но на самом деле все обстоит не совсем так. Бюро трудовой статистики США (БТС, US Bureau of Labor Statistics, BLS) официально рассчитывает шесть показателей – от U1 до U6, из которых два (U3 и U6) используются наиболее часто.

Показатель U3 – самый распространенный в США индекс безработицы. Именно на него, как правило, ссылаются официальные заявления администрации, именно его приводят в своих материалах СМИ и многие эксперты, изучающие американский рынок труда. U3 учитывает количество тех безработных, которые находятся в постоянном активном поиске новой работы. Уровень безработицы U3 рассчитывается БТС по специальной методике, в основе которой лежит ежемесячный прямой опрос 60 тыс. домохозяйств по всей стране методом случайной выборки и фиксирования статуса занятости / незанятости каждого опрошенного лица в возрасте от 16 лет. Информация собирается не только путем прямых опросов, но и на основе данных страховой статистики, которая отражает число людей, получающих пособия по безработице, и публикуется ежемесячно.

Показатель U3 часто критикуют за то, что он не позволяет получить достаточно полную картину ситуации на рынке труда. Это связано с тем, что при исчислении U3 учитываются только те, кто находится в активном поиске работы, но не учитываются те, которые вынужденно работают на условиях неполной занятости, хотя хотели бы работать полное рабочее время. Этот показатель также не принимает во внимание тех, кто отчаялся найти работу и оставил ее поиски после нескольких месяцев (конкретно, после 27 месяцев) безуспешных попыток трудоустройства.

Данные о масштабах безработицы, улавливаемой показателем U3, публикуются БТС ежемесячно, но многие специалисты предпочитают использовать в аналитических целях показатель U6 как более адекватный, поскольку он охватывает больший процент вынужденно безработных. В отличие от U3, показателем

У6 учитываются, помимо безработных, также отчаявшиеся найти работу и те, кто по экономическим причинам вынужден работать неполное рабочее время. Таким образом, в отличие от U3, показателем U6 улавливается вся масса лиц, лишенных работы, в том числе те, кто не учитывается показателем U3. Это означает, что U6 позволяет гораздо полнее отразить естественное, не чисто техническое представление о масштабах реальной безработицы в стране.

Индикатор U6 учитывает каждого, кто занимался поиском работы по меньшей мере 12 месяцев, но так и не смог трудоустроиться. Он также охватывает лиц, оставивших трудовую деятельность для продолжения образования, утративших трудоспособность, а также работников, занятых на условиях неполной или временной занятости. Фиксируя всех, кто оказался в маргинальных зонах рынка труда, U6 позволяет получить более широкое и объемное представление о масштабах недоиспользования трудовых ресурсов в американской экономике.

Некоторые параметры изменений, спровоцированных пандемией, обрушивших занятость и вызвавших резкий взлет безработицы, но все же оставивших властям и бизнесу пространство для маневра, приведены в табл. 8, где крупными мазками представлены ландшафты рынка труда США: один – до пандемии, другой – в разгар «битвы» с нею (понятно, что в декабре 2020 г. борьба с пандемическим спадом в экономике была еще далека от завершения). Для статистического удобства взят годичный (точнее, 13-месячный) интервал (с декабря 2019 по декабрь 2020 г.).

Таблица 8

**Метаморфозы рынка труда США
в период коронавирусной пандемии:
динамический портрет занятости и безработицы
в декабре 2020 г. в сравнении с декабрем 2019 г.
(официальные данные БТС США
по результатам опросов домохозяйств)**

Характеристики рынка труда США	Дек. 2019 г.	Дек. 2020 г.	Изменение за 13 мес.*
1	2	3	4
1. Общие объемы и индексы занятости и безработицы			
Гражданское неинституциональное население (ГНН)**, тыс. человек	260 181	261 230	+1049
Численность гражданской рабочей силы, тыс. человек	164 579	160 567	-4012
Доля гражданской рабочей силы в составе ГНН, %	63,3	61,5	-1,8
Численность занятых (гражданская рабочая сила), тыс. человек	158 735	149 830	-8905
Доля занятых в составе ГНН, %	61,0	57,4	-2,6
Численность безработных, тыс. человек	5844	10736	+4892
Уровень безработицы, %	3,6	6,7	+3,1
Численность лиц в составе ГНН, не входящих в состав гражданской рабочей силы, тыс. человек	95 602	100 663	+5061

Продолжение таблицы 8

1	2	3	4
2. Безработица среди возрастных и расово-этнических групп в составе работоспособного населения (%)			
Всего, от 16 лет и старше	3,6	6,7	+3,1
Взрослые мужчины (20 лет и старше)	3,1	6,4	+3,3
Взрослые женщины (20 лет и старше)	3,3	6,3	+3,0
Подростки (от 16 до 19 лет)	13,0	16,0	+3,0
Белые	3,1	6,0	+2,9
Черные (афроамериканцы)	6,2	9,9	+3,6
Азиаты	2,6	5,9	+3,3
Испаноязычные (латиноамериканцы)***	4,3	9,3	+5,0
3. Безработица среди категорий рабочей силы с разными уровнями образования (%)			
Всего, в возрасте 25 лет и старше	2,9	5,8	+2,9
Без диплома об окончании старшей школы	5,3	9,8	+4,5
Выпускники старшей школы (не колледжа)	3,7	7,8	+4,1
Выпускники колледжей или обладатели ассоциированной степени****	2,8	6,3	+3,5
Обладатели степени бакалавра и выше	1,9	3,8	+1,9
4. Динамика движения рабочей силы (тыс. человек)			
Лица, лишившиеся работы, и лица, у которых закончился срок временной работы	2703	7210	+4507
Лица, уволившиеся с работы	814	743	-71
Лица, вернувшиеся на рынок труда	1734	2250	+516
Лица, впервые пополнившие ряды рабочей силы	574	509	-65
5. Продолжительность безработицы (тыс. человек)			
Менее 5 недель	2098	2904	+806
От 5 до 14 недель	1682	2222	+540
От 15 до 26 недель	821	1572	+751
27 недель и более	1177	3956	+2779
6. Лица, занятые неполный рабочий день (тыс. человек)			
Работающие неполный рабочий день по экономическим причинам	4172	6170	+1998
Лица, работающие с перерывами (особенности бизнеса)	2634	4891	+2257
Лица, которым удалось найти работу только на неполный рабочий день	1259	1045	-214
Работающие неполный рабочий день по неэкономическим причинам	21 649	18 237	-3412
7. Лица трудоспособного возраста вне состава рабочей силы (тыс. человек)			
Лица, искавшие работу в течение последних 12 месяцев, но прекратившие поиск в последние 4 недели	1233	2186	+953
Лица, отчаявшиеся искать работу	279	663	+384

*Период с декабря 2019 по декабрь 2020 г. включительно.

**Гражданское неинституциональное население включает экономически активное и экономически пассивное трудоспособное население.

***Лица, этническая принадлежность которых идентифицируется как «испаноязычные» или «латиноамериканцы», могут относиться к любой расе.

****Ассоциированная степень: степень так называемого ассоциата; присваивается после двух лет обучения в колледже.

Составлено и рассчитано по: [Employment situation ..., 2021b].

Спрос в экономике США, и спрос на труд в том числе, сокращался в 2020 г. под действием как прямых, так и косвенных эффектов от пандемии. К прямым эффектам можно отнести запреты – люди оставались дома и вынужденно сокращали свои потребительские расходы, чтобы снизить риски заражения вирусом в публичных местах (либо из-за того, что власти штатов и городов вводили принудительные регуляторные ограничения и штрафы за их нарушения) [Stevenson, 2020, p. 5–6]. Решающим фактором сокращения спроса на труд стали локдауны и шатдауны, повсеместно введенные на всей территории США за исключением некоторых «бунтующих» штатов и округов, где местные власти всячески сопротивлялись навязываемой федеральными властями политике запретов и либо вообще не «запирали» местную экономику, либо вводили точечные локдауны и на короткое время. Но объем спроса на труд пострадал также из-за сохраняющейся неопределенности, всеобщей обеспокоенности относительно текущих и будущих доходов и экономических перспектив, просматриваемых на средне- и краткосрочном горизонте.

В опубликованных в конце 2020 г. оценках Бюджетного управления Конгресса США и Управления федерального резерва предполагалось, что повышенный уровень безработицы (более 6%) будет удерживаться в течение ближайших трех лет и то при условии, что влияние фактора пандемии существенно ослабнет [Weinstock, 2020]. Однако, как показало дальнейшее развитие событий, эти прогнозы двух уважаемых ведомств оказались ошибочными: уже к весне 2022 г. основной индикатор безработицы (U-3) упал ниже 4%, т.е. практически к допандемическому уровню января-февраля 2020 г.

5.2. «Пандемическая» безработица среди различных категорий и групп трудоспособного населения США

Критическая динамика роста безработицы, снижения уровня занятости из-за локдаунов и полного свертывания бизнесов наблюдалась едва ли не среди всех категорий трудоспособного населения. На пике первой волны пандемии (в апреле 2020 г.) резкий взлет безработицы был зафиксирован, в частности, среди молодежи трудоспособного возраста, женщин, работников с невысоким уровнем образования, среди работающих на условиях неполной

занятости, а также среди расовых и этнических меньшинств [Веселовский, 2021]. Для многих, хотя и не для всех представителей этих категорий работоспособного населения, высокий уровень безработицы продолжал сохраняться и в конце 2020 г.

Практически по всем расово-этническим и возрастным группам существенного разброса в показателях прироста безработицы за охватываемый интервал не наблюдается. Исключение составляли афроамериканцы и особенно – латиноамериканцы, где доля безработных выросла соответственно на 3,6 и 5,0 п.п. Однако если посмотреть на относительный рост, то сразу бросается в глаза, что среди взрослых мужчин и женщин доля безработных выросла примерно вдвое и более чем вдвое – среди латиноамериканцев и выходцев из Юго-Восточной Азии.

Уровень образования также влияет на структуру «пандемической» безработицы. Относительно больше потерявших работу в острый период коронакризиса 2020 г. оказалось среди лиц с наименее высоким уровнем образования. Однако по всем образовательным группам доля безработных выросла примерно вдвое и даже чуть больше [Веселовский, 2021, с. 203].

Так, среди работающих на условиях неполной занятости уровень безработицы в апреле был почти вдвое выше, чем среди тех, кто работает полное рабочее время (24,5 против 12,9%), однако к концу 2020 г. этот разрыв был практически преодолен [Unemployment rates ..., 2021a, p. 7]. Среди относительно менее образованных работников (без диплома об окончании колледжа) в апреле 2020 г. безработица была в разы более высокой, чем среди работников со степенью бакалавра и выше (21,2 против 8,4%). Разрыв между более и менее образованными работниками сохранился и в конце 2020 г.

Уровень безработицы среди молодых женщин трудоспособного возраста взлетел до 36,6% в апреле, а среди молодых мужчин до 28,6%, притом что для женщин и мужчин в возрасте от 25 до 54 лет (возрастного «ядра» рабочей силы, так называемых прайм-эйджеров) прирост безработицы был существенно ниже (13,7 среди женщин и 12,1% среди мужчин). Однако к концу 2020 г. столь значительный разрыв в показателях доли безработных среди мужчин и женщин в обеих возрастных группах сократился, хотя уровень безработицы среди молодежи (как мужчин, так и женщин) по-прежнему оставался относительно более высоким. Эти данные подтверждались также результатами независимых опросов (см., напр.: [Auginbaugh, Rothstein, 2022]).

Среди расовых и этнических меньшинств разрыв в уровнях безработицы в апреле и в ноябре 2020 г., несмотря на общую понижательную динамику безработицы, сохранялся. Доля безработных среди афроамериканцев в апреле составляла 16,7% в сравнении с 14,2% среди белых; аналогичные показатели для испаноязычных работников в сравнении с неиспаноязычными составляли, соответственно, 18,9 и 13,6%. Как видим, разрыв в уровне безработицы между черными и белыми существенно меньше, чем разрыв в уровне безработицы между испаноязычными и неиспаноязычными. Причиной этого является массовый приток в США в последние годы (особенно при президенте Обаме) прежде всего выходцев из Латинской Америки, фактически обозначивших собой новую волну иммиграции, которую составили преимущественно низкоквалифицированные работники. Нет данных, однако, улавливает ли статистика в числе испаноязычных и неиспаноязычных также тех выходцев из стран Латинской Америки, которые одновременно принадлежат к черной расе, хотя, как известно, среди черных и цветных иммигрантов из Латинской Америки испаноговорящие составляют большинство [Веселовский, 2021, с. 104].

Как и при любом экономическом спаде, от возрастного и образовательного статуса работника также зависело, окажется ли он в числе первых кандидатов на увольнение. Более молодые, «синие воротнички», лица без высшего образования оказались менее востребованными и в разгар первой волны пандемии. Уровень безработицы среди лиц старше 25 лет, не закончивших среднюю школу, вырос до 21,2% в апреле и до 16,6% в июне, а среди обладателей диплома бакалавра или выше – лишь до 8,4 и до 6,9% соответственно. Особенно сильным оказался удар, пришедшийся по молодежи: так, среди лиц в возрасте от 16 до 19 лет уровень безработицы в апреле 2020 г. достиг 31,9%, а в июне, хотя и несколько снизился на фоне постепенного общего подъема экономики, но все же удерживался у отметки 23,2% (в сравнении с 13,1 и 9,7% соответственно среди работников старше 25 лет) [Unemployment rates ..., 2021b].

На пике первой волны пандемии больше всего от безработицы пострадали латиноамериканцы и афроамериканцы, а в отраслевом и квалификационном разрезе – низкооплачиваемые работники ресторанного бизнеса и розничной торговли. В апреле 2020 г. уровень безработицы среди выходцев из Латинской Америки подскочил до рекордных 18,9%; среди афроамериканцев безработица взлетела до 16,7%, среди выходцев из Азии и белых американцев –

соответственно до 14,5 и до 14,2%. Рост безработицы среди женщин оказался выше, чем среди мужчин, во всех этносоциальных и профессионально-квалификационных группах [Unemployment rates ..., 2021b].

Среди расовых и этнических категорий рабочей силы заметное снижение уровня безработицы было отмечено в июне среди латиноамериканцев (до 16,1%), афроамериканцев (14,5%), выходцев из Азии (до 13,8%), а также среди белых (до 10,1%). В основном уровень безработицы оставался выше среди женщин, чем среди мужчин [Ibid., 2021b].

5.3. «Пандемическая» безработица по штатам в 2020 г.

Ни один из штатов не смог устоять перед экономическими потрясениями и избежать ущерба от пандемии. С момента начала пандемической рецессии масштабы безработицы во всех без исключения штатах превысили масштабы, наблюдавшиеся во время Великой рецессии. Однако, как и следовало ожидать, в разных штатах негативные эффекты от пандемии проявлялись по-разному. Разброс показателей ущерба, нанесенного скачком безработицы экономикам отдельных штатов, зависел от множества факторов, в том числе от доли рабочих мест в тех секторах экономики, которые предоставляют не самые необходимые услуги населению; от уровня опасений, связанных с сокращением объемов личного потребления из-за пандемии; от того, насколько население штата следовало рекомендациям местных властей оставаться дома и насколько бизнес соблюдал предписания о приостановке работы тех или иных предприятий [Dey, Loewenstein, 2020; Goolsbee, Syverson, 2020, p. 1].

Ниже в табл. 9 приведены показатели безработицы (U3) по отдельным штатам США в конце 2020 г.

Наиболее высокий уровень безработицы, спровоцированной локдаунами в период коронавирусной пандемии, к концу 2020 г. продолжал сохраняться в штатах, экономика которых в относительно большей степени ориентирована на предоставление услуг частным лицам и бизнесу, нежели на производство промышленной и сельскохозяйственной продукции. Гавайи, например, живут в основном за счет доходов от туристических и рекреационных услуг. То же в значительной мере касается таких штатов, как, например, Невада, бюджет которой в основном пополняется за счет

доходов от индустрии развлечений, а также Калифорнии, Нью-Йорка и пр. В некоторых штатах американского Юга, где значительную долю трудоспособного населения составляют осевшие в них иммигранты из Центральной и Южной Америки, занятые на рабочих местах, не требующих высокой квалификации, безработица тоже продолжала удерживаться на высоком уровне в конце 2020 г. Разумеется, одним из решающих факторов, повлиявших на динамику «коронавирусной» безработицы в отдельных штатах, стали решения местных властей по введению запретов на функционирование предприятий местной промышленности и сферы услуг [Веселовский, 2021, с. 106–107].

Таблица 9

**Уровень безработицы* по штатам США
(декабрь 2020 г., в %) ****

Штат	%	Штат	%	Штат	%
Гавайи	9,3	Пенсильвания	6,7	Мэн	4,9
Невада	9,2	Теннесси	6,4	Вайоминг	4,8
Калифорния	9,0	Орегон	6,4	Южная Каролина	4,6
Колорадо	8,4	Западная Виргиния	6,3	Монтана	4,4
Нью-Йорк	8,2	Мэриленд	6,3	Миннесота	4,4
Нью-Мексико	8,2	Северная Каролина	6,2	Айдахо	4,4
Род-Айленд	8,1	Миссисипи	6,2	Индиана	4,3
Коннектикут	8,0	Флорида	6,1	Арканзас	4,2
Округ Колумбия	7,9	Кентукки	6,0	Северная Дакота	4,1
Нью-Джерси	7,6	Миссури	5,8	Нью-Гемпшир	4,0
Иллинойс	7,6	Аляска	5,8	Алабама	3,9
Мичиган	7,5	Джорджия	5,6	Канзас	3,8
Аризона	7,5	Висконсин	5,5	Юта	3,6
Массачусетс	7,4	Огайо	5,5	Айова	3,1
Техас	7,2	Оклахома	5,3	Вермонт	3,1
Луизиана	7,2	Делавэр	5,3	Южная Дакота	3,0
Вашингтон	7,1	Виргиния	4,9	Небраска	3,0

* Коэффициент U3, с сезонными корректировками.

** Штаты перечислены в порядке убывания уровня безработицы, в колонках по вертикали.

Источник: [Unemployment rates ..., 2021b].

Заметим также, что еще в октябре 2020 г. в некоторых штатах (Гавайи, Невада) показатели безработицы представляли собой двузначные цифры. Всего за два последних месяца 2020 г. почти в половине штатов безработица упала до вполне статистически приемлемого уровня, да и тренды в целом выглядели достаточно обнадеживающими, что свидетельствовало о первых признаках вы-

хода американской экономики из форс-мажорной депрессии, хотя в отдельных штатах ситуация с безработицей и занятостью в конце 2020 г. оставалась неблагоприятной. В некоторых (Джорджии, Вашингтоне, крупных штатах северо-востока) безработица в декабре 2020 г. даже несколько выросла по сравнению с октябрём того же года. Однако эти флуктуации не отменяют общего тренда. Любопытно, кстати, что в большинстве штатов, где в конце 2020 г. безработица удерживалась на высоком уровне, население традиционно поддерживало демократов либо не имело отчетливо выраженных электоральных предпочтений [Веселовский, 2021, с. 107].

5.4. «Пандемическая» безработица по отраслям в 2020 г.

Анализ негативных эффектов пандемии в отраслевом разрезе показал, что в США, как и в других странах с развитой экономикой постиндустриального типа, наиболее сильно пострадал сектор услуг. В апреле 2020 г. на сферу досуга и гостиничного бизнеса пришлось около 37,3% потерь рабочих мест. Заметное снижение занятости наблюдалось также в сферах образования и здравоохранения (12,4%), профессиональных и деловых услуг (10,4%), розничной торговли (10,3%). Согласно данным Бюро трудовой статистики США [Current employment ..., 2022], до начала пандемии на долю этих секторов приходилось более 31% добавленной стоимости, производимой в экономике.

Названные отрасли пострадали непосредственно от вводимых правительствами многих штатов жестких регуляторных мер по сдерживанию распространения пандемии путем прерывания физических контактов между людьми. В период до начала массовой вакцинации населения эти меры предусматривали закрытие школ и университетов; введение ограничений на поездки общественным транспортом и на любые перемещения за пределы территории постоянного проживания; запреты на обслуживание в ресторанах, закрытие баров, кинотеатров и других развлекательных заведений.

Сокращение рабочих мест было отмечено также в промышленном секторе американской экономики (6,5%) и в строительной отрасли (4,8%), поскольку меры противодействия пандемии и ограничения в цепочке поставок привели к снижению объемов производства.

Однако уже в мае и июне 2020 г., по мере постепенной отмены карантинных и снятия локдаунов, именно в секторе услуг, особенно в индустрии досуга, туризма и развлечений, в сферах общественного питания и гостеприимства, а также в розничной торговле товарами не первой необходимости, понесших наибольшие потери в марте и апреле, началось особенно быстрое приращение числа рабочих мест.

Численность госслужащих в федеральных и местных органах власти сократилась в апреле 2020 г. на 980 тыс. человек и еще на 585 тыс. в мае. Всего за период с февраля по май 2020 г. в системе органов федерального, штатного и местного управления США было сокращено свыше 1,5 млн рабочих мест, что лишь немногим уступает числу рабочих мест, сокращенных в секторе государственного управления в период Великой рецессии 2008–2009 гг. Масштабные сокращения служащих на всех этапах управленческого аппарата США (федеральном, штатном, местном) отразились на качестве и скорости принятия законодательных и регуляторных решений, нарушили ритмичность и согласованность работы всех ветвей органов власти.

Особенно серьезные проблемы возникли в управленческих структурах штатов и муниципалитетов. Восстановление управленческих вертикалей и горизонталей на уровне штатов и округов, порушенных в период отступления пандемии и преодоления ее последствий, оказалось сопряжено со значительными трудностями и потребовало дополнительных бюджетных ассигнований.

Влияние пандемии на экономику штатов и местных органов власти, а также на наполняемость и расходные возможности муниципальных бюджетов вызывало особую озабоченность федеральных властей. Помимо того, существовал значительный риск достаточно длительного разрыва трудовых отношений между работодателями и работниками в результате сокращения рабочих мест в частном секторе, что требовало принятия соответствующих мер и дополнительной федеральной поддержки для решения бюджетных проблем штатов и местных органов власти, а также для оказания прямой финансовой помощи предприятиям в целях сохранения как можно большей части фонда заработной платы [Impact of COVID-19 ..., 2020].

5.5. Особенности безработицы в сфере услуг по итогам 2020 г.

Наиболее высокого уровня безработица, спровоцированная пандемией, как уже отмечалось, достигла в сфере досуговых и гостиничных услуг (в апреле 2020 г. – 39,3%), что было вполне предсказуемо на фоне жестких ограничений, касавшихся перемещений людей. В этих же отраслях сохранялся один из наиболее высоких уровней безработицы и в ноябре 2020 г. (15,0%). Хотя уже в июне 2020 г. динамика найма рабочей силы в целом в несельскохозяйственном секторе резко ускорилась и превысила 4 млн человек.

Наиболее низкой в ноябре 2020 г. безработица была среди служащих государственных учреждений (3,4%) и в сфере финансовых услуг (3,5%). В обеих этих сферах деятельности безработица удерживалась на протяжении всего периода с января по ноябрь 2020 г. ниже уровня 15% и постепенно сокращалась. Еще одной отраслью, в которой к ноябрю 2020 г. безработица вернулась к низкому уровню (3,7%), были услуги в сфере здравоохранения и образования.

В секторе услуг американской экономики непосредственно занято более 20% населения страны; это означает, что свыше 32 млн человек так или иначе пострадали от массовых закрытий и увольнений в период первой фазы пандемии COVID-19. Последствия увольнений, свертывания бизнесов, перевода персонала на неполный режим работы, отправления работников в принудительные отпуска без сохранения содержания и прочие вынужденные решения подобного рода затронули как домохозяйства, так и бюджеты штатов и муниципалитетов (не только из-за недополученных налогов и иных отчислений, но и из-за резкого сжатия потребительского спроса, непогашения арендных платежей и пр.), породив острые проблемы для местной экономики.

В первые месяцы рецессии безработица концентрировалась преимущественно в отраслях, которые оказывают услуги физическим лицам. Так, взлет безработицы в сфере досуговой и гостиничной деятельности до 39,3% в апреле 2020 г. к декабрю того же года упал до 16,7%. Тем не менее безработица в сфере услуг, несмотря на заметное снижение по сравнению с начальным периодом пандемии, оставалась достаточно высокой и в конце 2020 г.

При этом любопытно, что в других отраслях, где производственный процесс почти не связан с необходимостью физического кон-

такта между работниками, уровень безработицы также долго удерживался на высоком уровне. Например, в горнодобывающей промышленности США в декабре 2020 г. безработица сохранялась у отметки 13,1%, т.е. на уровне одного из самых высоких значений для этого месяца в сравнении со всеми прочими отраслями [Unemployment rates ..., 2021a, p. ii]. Иными словами, хотя в сфере услуг форматов P2P и B2P уровень безработицы в конце 2020 г. в целом оставался достаточно высоким, в некоторых других отраслях экономики, практически не связанных с оказанием услуг физическим лицам, к концу 2020 г. уровень безработицы также вырос.

Объяснения таким сходным и на первый взгляд странным трендам в «поведении» безработицы в отраслях, специфика труда в которых столь различна, следует, очевидно, искать в различиях факторов, послуживших основаниями для этих трендов. Если в сфере услуг, особенно B2P, главным фактором свертывания бизнесов и сокращения занятости была необходимость минимизации непосредственных физических контактов между людьми, то в таких отраслях, как горнодобывающая промышленность, частичное или полное закрытие предприятий объяснялось в первую очередь спровоцированными пандемией сбоями в цепочках поставок оборудования и реализации сырья, притом что именно в таких отраслях возобновление производственной деятельности после ее приостановки требует весьма длительного времени.

Вместе с тем внутри каждой отрасли характер распределения безработицы был также неоднородным: например, в сфере услуг в целом, в том числе в сфере оказания досуговых и гостиничных услуг, низкооплачиваемые работники составляют, как правило, непропорциональное большинство [Mishel, Shierholz, 2017]. И именно эти работники оказались первыми среди тех, кто лишился рабочих мест в период пандемии.

В целом траектория поведения американской экономики в 2020 г. напоминала знак радикала (резкое падение, за которым следовал достаточно быстрый «отскок», но до более низкого уровня, чем накануне падения, и затем переход в довольно длительный период «плато» с последующим плавным повышательным трендом). Подобный сценарий был, в ряду прочих, описан еще в мартовском (2020) бриф-релизе «McKinsey & Co.» [COVID-19 : briefing ..., 2020, p. 45] и полностью подтвердился данными о траектории восстановления американской экономики в период коронавирусных локдаунов 2020 г.

5.6. Занятость в экономике США в 2020 г. : влияние пандемии на изменения в отраслевой и профессионально-квалификационной структуре

Еще на начальном этапе пандемического коллапса, опираясь на данные марта-апреля 2020 г., Гвидо Кортес из Йоркского университета в Калифорнии и Элиза Форсайт из Университета штата Иллинойс в исследовании, специально посвященном оценке дифференцированного эффекта пандемии на занятость работников разных профессионально-квалификационных групп и с разными уровнями доходов, пришли к выводу, что регистрируемое статистическими датчиками (БТС, US Census Bureau) сокращение занятости и коррелирующий с этим показателем рост числа увольнений в непропорционально большей степени затронул работников низкооплачиваемых профессий и отраслей, где высока доля неквалифицированного труда. Если среди наиболее высокооплачиваемых специалистов (к примеру, в таких сферах деятельности, как разработка архитектурных проектов, сложная инженерия, разработка программного обеспечения и пр.) в первые месяцы пандемии наблюдалось относительно незначительное снижение занятости, то среди представителей профессий, оказавшихся в нижнем квартиле на шкале распределения заработной платы, уровень занятости снижался гораздо заметнее. Подобные диспропорции были отмечены по всем отраслям американской экономики. Пандемия, заключают Кортес и Форсайт, способствует углублению неравенства в доходах постольку, поскольку ее экономические последствия в гораздо большей степени сказываются на тех, кто занят на низкооплачиваемых работах [Cortes, Forsythe, 2020, p. 16].

По мере того как американский рынок труда с лета 2020 г. стал постепенно приходить в себя и многие бизнесы, наиболее пострадавшие при первой атаке пандемии, начали возвращаться к нормальной деятельности в тех штатах, где это было возможно, диспропорции в масштабах сокращения занятости среди различных профессионально-квалификационных и отраслевых групп, среди высокооплачиваемых и низкооплачиваемых работников стали постепенно сглаживаться, хотя и не в полной мере. Хорошо известно, однако, что такие диспропорции сохраняются всегда и при любых, даже незначительных колебаниях деловой активности: ведь низкооплачиваемые работники – это, как правило, работники с невысокой квалификацией, от которых, если с бизнесом возни-

кают проблемы, работодатели готовы избавиться в первую очередь [Веселовский, 2021]. Приводимая ниже таблица позволяет получить наглядное представление о влиянии пандемического шока на размеры занятости в различных отраслях американской экономики по итогам всего 2020 г.

Таблица 10

Динамика занятости (прирост, сокращение) в отдельных отраслях экономики США в период с февраля 2020 г. по январь 2021 г. включительно, выборочные месяцы*

Изменения численности занятых в некоторых отраслях и подотраслях (выборочно по месяцам, в отношении к предыдущему месяцу, в тыс. чел.)	Февр. 2020 г.	Дек. 2020 г.	Янв. 2021 г.
Всего, несельскохозяйственные отрасли	289	-306	166
Всего, частный сектор	243	-274	90
Производство товаров	41	82	-13
Добыча ископаемых и лесозаготовки	1	0	0
Строительство	33	47	1
Обработывающая промышленность	7	35	-14
Производство товаров длительного пользования	5	18	-15
Производство автомобилей и запчастей к ним	10,3	3,9	-5,7
Товары текущего потребления	2	17	1
Услуги частных компаний	202	-356	103
Оптовая торговля	-5,9	14,8	13,9
Розничная торговля	4,6	30,1	46,3
Перевозка и складирование грузов	25,0	-43,2	-14,1
Коммунальные услуги	-0,2	-1,0	0,7
Информационные услуги	4	9	10
Финансовая деятельность	26	18	1
Профессиональные и бизнес-услуги	32	159	85
Услуги временной помощи	-4,9	62,1	96,4
Услуги в сфере образования и здравоохранения	52	-29	-26
Здравоохранение и социальная помощь	59,6	38,9	-96,2
Услуги в сфере организации досуга и гостеприимства	57	-498	-25
Прочие услуги	7	-16	12
Госсектор	46	-32	76

*По данным учреждений и предприятий (*establishment data*).

Источник: [The employment ..., 2021].

Интересно также сопоставить изменения в динамике и структуре занятости по некоторым секторам и сферам деятельности американской экономики, сравнив статистику за IV квартал 2019 г., когда о пандемии еще не было слышно, и за IV квартал 2020 г., когда пандемия продолжала бушевать в США. Данные табл. 11 позволяют составить представление о профессионально-

отраслевой структуре занятости с дифференциацией по основному (бинарному) гендерному признаку [Веселовский, 2021, с. 111].

Таблица 11

**Средняя численность занятых в некоторых видах
и сферах деятельности экономики США
в IV кв. 2019 г. и в IV кв. 2020 г.
(тыс. человек, полная занятость)**

Виды и сферы деятельности*	Мужчины		Женщины	
	IV кв. 2019 г.	IV кв. 2020 г.	IV кв. 2019 г.	IV кв. 2020 г.
Работники управленческого звена и специалисты	24,418	23,607	26,253	25,913
Менеджмент, бизнес, финансовые операции	11,271	11,005	9,709	9,580
Специалисты высшего звена и аналогичные профессии	13,147	12,603	16,544	16,333
Услуги	7,814	6,804	8,412	7,199
Продажи и администрирование	9,915	9,029	14,665	12,892
Продажи и сопутствующие виды занятости	5,637	5,307	4,605	4,101
Канторские и административные профессии	4,277	3,722	10,060	8,792
Природные ресурсы, строительство, техобслуживание	11,178	10,567	618	565
Сельское хозяйство, рыбное и лесное хозяйства	668	578	210	172
Строительство и добыча полезных ископаемых	6,320	6,057	250	226
Монтаж, ремонт и эксплуатация оборудования	4,190	3,932	158	167
Производство, транспортировка	11,617	11,388	3,397	3,514
Производство	5,327	5,115	1,954	1,808
Транспорт и перемещение грузов	6,289	6,274	1,443	1,706

*Виды и сферы деятельности по группам занятых в соответствии с SOC (Стандартная система профессиональной квалификации занятий США).

Составлено на базе: [Usual weekly ..., 2021].

Цифры табл. 11 показывают, что во всех сферах деятельности за проблемный год произошло некоторое, но в целом не критическое, сокращение занятости как среди мужчин, так и среди женщин. Сокращение числа занятых происходило за рассматриваемый период достаточно равномерно по всем группам и категориям работников, с небольшими флуктуациями в пределах 10%, а во многих случаях и меньшими.

При оценках краткосрочных эффектов пандемии следует исходить из того, что показатели межсекторальной, межотраслевой, а также профессиональной мобильности рабочей силы (освоение работником новой или смежной профессии) остаются на низких уровнях – просто потому, что реальные затраты по перемещению рабочей силы неоправданно высоки в сравнении с теми позитивными эффектами, которые могут быть получены в результате таких перемещений. Помимо этого, из-за множественных несовершенств

рынка капитала и связанных с ними ограничений в движении (перемещении) инвестиций между секторами и отраслями экономики, работники, занятые в пострадавших от коронавируса секторах и отраслях, не могут рассчитывать на дополнительные ресурсы, достаточные для их переквалификации и обеспечения производительного труда в тех новых для них секторах экономики и в тех сферах профессиональной деятельности, которых пандемия затронула в меньшей степени или которые начали, наоборот, особенно быстро развиваться благодаря пандемии.

Что касается среднесрочных эффектов от пандемии, следует, по-видимому, ожидать ощутимых сдвигов в отраслевой и профессиональной структуре американской рабочей силы благодаря перетоку труда и капитала из отраслей, особенно заметно пострадавших от пандемии и предполагающих непосредственный живой контакт (гостиничный и ресторанный бизнес, пассажирские перевозки железнодорожным и авиатранспортом и пр.), в те сферы деятельности, где имеется возможность работать в удаленном режиме, где развита автоматизация производственных процессов и пр.

5.7. Заработная плата в США в 2019–2020 гг. : сопоставления, тренды, динамика

В допандемический период 2020 г. (январь-февраль) практически по всем категориям занятых наблюдался некоторый рост медианной заработной платы (в среднем примерно на 0,6%). Как ни покажется странным, но даже в первые четыре месяца стремительного распространения коронавирусной пандемии (март-июнь) зарплаты в США продолжали расти. Некоторые эксперты, впрочем, фиксировали на начальном этапе пандемии (весной 2020 г.) снижение недельной заработной платы по всем категориям занятых в среднем примерно на 1,4%. А в период с середины марта по середину апреля 2020 г., по утверждениям тех же экспертов, темпы падения зарплат резко ускорились: недельная заработная плата снизилась в среднем на 14–20% [Дробот, 2020, с. 582].

Но официальная американская статистика (БТС) свидетельствует об ином: и в эти первые «пандемические» месяцы, как и в самом начале года, медианная заработная плата в американской экономике продолжала расти, причем во всех возрас-

тных, расово-этнических и гендерных группах (см. табл. 12 и 13). И даже в третьем-четвертом кварталах 2020 г. зарплата хотя и снижалась в большинстве групп, но незначительно и не во всех группах.

Следует, однако, иметь в виду, что в ходе массовых локдаунов в первые месяцы распространения пандемии наиболее подверженными увольнениям оказались низкооплачиваемые работники, что, естественно, не могло не отразиться на повышении медианной недельной заработной платы в 2020 г. в сравнении с 2019 г. как в целом по стране, так и по отдельным категориям занятых. В наибольшей степени заработная плата сократилась в 2020 г. у низкооплачиваемых работников, занятых в тех сферах деятельности, которые особенно сильно пострадали в период раскручивания пандемии (розничная торговля, общественное питание, гостиничные и досуговые услуги), а также у занятых неполное рабочее время во всех секторах экономики, исключая сельское хозяйство [Веселовский, 2021, с. 112].

Тем не менее низкооплачиваемые работники практически не потеряли в доходах, хотя у женщин, чернокожих, молодежи, а также у выходцев из стран Латинской Америки недельная зарплата все же сократилась в 2020 г. в среднем на 3 п.п. При этом недельная заработная плата молодых работников (16–24 года) и испаноязычных американцев сократилась в третьем-четвертом кварталах 2020 г. более заметно, чем у других категорий занятых [Дробот, 2020, с. 582].

Начиная с середины лета 2020 г. в динамике медианной недельной заработной платы обозначился заметный тренд к снижению. Тем не менее в целом по итогам 2020 г. отмечен рост зарплат практически во всех секторах американской экономики. Это свидетельствует не столько о том, что американский рынок труда в целом начал адаптироваться к новым условиям, сколько о том, что к концу года забрезжили наконец перспективы выхода из пандемического режима для бизнеса.

Приводимые табл. 12 и 13 позволяют получить наглядное представление о динамике зарплат американских работников на протяжении всего «пандемического» года.

Таблица 12

**Медианный недельный заработок в 2019–2020 гг. лиц,
работавших на условиях полной занятости
(средние значения по кварталам,
с учетом сезонных корректировок)**

Кварталы	Медианный заработок, в текущих долларах		
	всего	мужчины	женщины
2019 г.			
I квартал	898	995	802
II квартал	914	1005	818
III квартал	922	1009	824
IV квартал	934	1019	844
2020 г.			
I квартал	949	1057	853
II квартал	1009	1092	918
III квартал	996	1110	900
IV квартал	983	1069	896

Составлено на базе: [Usual weekly ..., 2021].

Таблица 13

**Медианный недельный заработок (долл.)* лиц, работающих
на условиях полной занятости, по некоторым видам и сферам
деятельности, в IV кв. 2019 г. и в IV кв. 2020 г. :
сравнительные сопоставления**

Виды и сферы деятельности по группам занятых**	Долл. в неделю	
	IV кв. 2019 г.	IV кв. 2020 г.
Работники управленческого звена и специалисты	1329	1353
Менеджмент, бизнес и финансовые операции	1434	1460
Специалисты высшего звена и аналогичные профессии	1246	1269
Услуги	601	626
Продажи и администрирование	755	799
Продажи и сопутствующие виды занятости	827	860
Конторские и административные профессии	727	778
Природные ресурсы, строительство, техобслуживание	895	930
Сельское хозяйство, рыбное и лесное хозяйства	582	590
Строительство и добыча полезных ископаемых	890	927
Монтаж, ремонт и эксплуатация оборудования	975	996
Производство, транспортировка	737	739
Производство	762	777
Транспорт и перемещение грузов	716	707

* Без сезонных корректировок, до уплаты налогов и внесения иных платежей.

**Виды и сферы деятельности по группам занятых в соответствии с SOC (Стандартная система профессиональной квалификации занятий США).

Составлено на базе: [Usual weekly ..., 2021].

Как видно из табл. 13, практически по каждому виду занятий и в каждой сфере деятельности медианный недельный заработок работников в пандемический кризисный год вырос на несколько процентов (в среднем примерно на 3–5%). В известной степени такое повышение объясняется, как уже было отмечено выше, тем естественным обстоятельством, что асимметричные увольнения (преимущественно низкооплачиваемых работников) приводят к тому, что медианная зарплата сохранивших за собой рабочие места неизбежно становится более высокой [Веселовский, 2021, с. 114].

5.8. Рост масштабов удаленной занятости в пандемический период и распространение иных форм адаптации американского рынка труда к новым реалиям

Одним из наиболее востребованных в 2020 г. механизмов приспособления американского рынка труда к «пандемической» экономической реальности стал повсеместный, чтобы не сказать массовый, перевод работников в режим удаленного труда (Work-From-Home, WFH), разумеется, в тех отраслях и сферах деятельности, где это оказалось технически и организационно возможным и даже в ряде случаев эффективным решением по перестройке производственных процессов и организации выполнения трудовых функций.

Удаленная работа, в том числе работа в дистанционном режиме, объемы которой в последние десятилетия и сами по себе постепенно увеличивались благодаря внедрению сетевых электронных технологий в производственные процессы и распространению новых гибких форм занятости, характерных для гиг-экономики, приобрела в США в разгар пандемии особую популярность (впрочем, как и во многих других странах).

Из-за вынужденного внезапного введения весной 2020 г. противоэпидемиологических мер и закрытия на карантин многих предприятий и офисов миллионам американцев пришлось переходить на работу вне офиса. По сути, это знаменовало собой начало масштабного сдвига в характере трудовой деятельности и в организации производственных процессов на значительном сегменте американского рынка труда.

Масштабы перевода компаниями работников в режим WFH варьировали в течение 2020–2022 гг. в зависимости от темпов рас-

пространения пандемии, усиления или ослабления противоэпидемиологических ограничений, вводимых федеральными властями и властями штатов, и других факторов. Следует отметить, что понятия «работа из дома», «работа в дистанционном режиме», «дистанционная работа», «телеворкинг» часто используются как синонимы понятия «удаленная работа», однако, строго говоря, полными синонимами не являются: удаленная работа необязательно может выполняться из дома, работа из дома необязательно должна подразумевать использование современных электронных средств коммуникаций и т.п. В дальнейшем под удаленной работой здесь будет подразумеваться выполнение работником своих производственных обязанностей вне производственного помещения, где предусмотрены специально оборудованные рабочие места.

По данным БТС США, если в мае 2020 г. хотя бы некоторое время в течение последних четырех недель в удаленном режиме работали 35,4% от общего числа занятых, то в июне эта доля снизилась до 31,3%, в июле – до 26,4, в августе – до 24,3% [One-quarter ..., 2020].

Очевидно, что причиной постепенного снижения в течение лета 2020 г. доли лиц, работающих из дома, явилось ослабление карантинных мер в связи с уменьшением скорости распространения первой волны пандемии и снижением индекса contagiозности COVID-19 в связи с появлением нового штамма коронавируса. При этом масштабы применения удаленной работы применительно к различным демографическим и расово-этническим категориям работников практически не изменялись на протяжении нескольких месяцев. Так, в августе 2020 г. в режиме телеворкинга работали 27% женщин и 22% мужчин от числа занятых соответственно из той и другой гендерной группы. В целом режим удаленной работы был более распространен среди лиц азиатского происхождения (43%), чем среди белых (23%), черных (21%) и латиноамериканцев (23%) [One-quarter ..., 2020].

Такое распределение, по всей вероятности, может объясняться тем, что у имеющих американское гражданство выходцев из стран Юго-Восточной Азии, проживающих в США, в среднем более высокий уровень образования, они часто работают в сфере высоких технологий и ИТ-индустрии, где сам характер деятельности открывает широкие возможности для продуктивной удаленной работы. Этот вывод подтверждается и наличием устойчивой положительной корреляции между уровнем образования работника и характером его труда, который допускает необязательность его присутствия на рабочем месте в течение всего рабочего дня.

С сентября 2020 г. в связи с новой пандемической волной, захлестнувшей Соединенные Штаты, доля людей, работающих удаленно, снова начала расти. По результатам репрезентативного опроса, проведенного учеными Исследовательского центра Пью (Pew Research Center, PRC), если до вспышки коронавирусной пандемии в США из дома работали примерно 20% персонала организаций и учреждений, то «на гребне» новой осенней волны (октябрь 2020 г.) доля работающих в удаленном режиме взлетела до 71%. При этом 54% участвовавших в панельном исследовании PRC выразили желание продолжить работать в дистантном формате и после завершения пандемии [Parker, Horowitz, Minkin, 2020].

Многие из респондентов, заявивших, что они вполне справляются с исполнением своих трудовых обязанностей, работая из дома, признали, что до наступления пандемии им редко или вообще никогда не приходилось работать в дистанционном режиме. Лишь каждый пятый из опрошенных заявил, что и раньше, время от времени или постоянно, ему доводилось работать из дома. Более половины респондентов признали, что, если бы у них был выбор, они предпочли бы работать из дома и после окончания пандемии [Parker, Horowitz, Minkin, 2020].

С учетом наблюдаемых сегодня трендов очевидно, что в посткоронавирусной перспективе более свободные формы организации трудовой деятельности и рабочего времени, которые принято рассматривать как признаки так называемой гиг-экономики (удаленная работа, неполная занятость, временная работа, гибкий режим труда, работа на условиях подряда, расширение использования труда лиц с ограниченными возможностями и пр.), могут радикально изменить весь ландшафт рынка труда (не только в США, но и в других странах) и потребовать фундаментальных корректировок как методологии учета трудовых усилий работников, так и правового регулирования трудовых отношений.

В работе, выполненной группой исследователей из Института им. Беккера-Фридмана в Чикаго [Barrero, Bloom, Davis, 2021, p. 1] и основанной на анализе материалов опросов, проводившихся в США в 2020, отчасти в 2021 г. на протяжении нескольких сменявшихся друг друга волн пандемии, исследуются разные экономические аспекты феномена «работы из дома».

Авторы публикации предлагают рассматривать пандемию COVID-19 как незапланированный массовый социальный эксперимент по тестированию эффективности и результативности WFH. В процессе сбора информации было опрошено более 30 тыс. аме-

риканцев. В числе главных целей исследования наряду с оценкой сравнительной результативности и экономической эффективности работ, выполняемых из дома, в сопоставлении с работами, выполняемыми непосредственно на рабочих местах, была поставлена задача выяснить, получит ли практика удаленной работы развитие в США и после пандемии, и если да, то какие факторы на это могут повлиять.

Данные, полученные авторами, показывают, что если до пандемии выполнение работы из дома составляло всего порядка 5% совокупного фонда рабочего времени страны, то после пандемии этот показатель с высокой вероятностью будет сохраняться на уровне примерно 20%. Условно говоря, если совокупный годовой фонд рабочего времени страны составляет x часов, то из них $0,2x$ часов придется на работу, выполняемую из дома. Можно сказать и так: даже после того, как схлынут волны пандемии, каждый пятый работник, занятый на условиях полной занятости, будет по-прежнему выполнять свои профессиональные функции в удаленном режиме [Barrero, Bloom, Davis, 2021, p. 1].

В работе рассматриваются несколько возможных обоснований столь значительного сдвига в формах организации рабочего времени: заметно более позитивная, чем первоначально ожидалось, общая оценка опыта работы из дома как работодателями, так и работниками; рост инвестиций в основной и человеческий капитал, создающий материальную основу для более широкого распространения практики WFH в тех отраслях и сферах деятельности, где это возможно и оправдано; существенное снижение в обществе уровня так называемой социальной стигматизации в отношении тех, кто перешел на удаленную работу; сохраняющиеся опасения в связи с риском заражения при выполнении трудовых обязанностей в плотной коммуникативной среде; всплеск технологических инноваций, обеспечивающих эффективное использование удаленного участия в производственных процессах.

Данные, полученные в ходе опросов, позволяют, по мнению исследователей, прогнозировать несколько вероятных позитивных эффектов распространения труда в удаленном режиме [Barrero, Bloom, Davis, 2021, p. 1, 30].

Во-первых, многие работники, особенно те, функционал которых требует достаточно высокой квалификации и потому хорошо оплачивается, смогут приобрести значительные выгоды от перехода на удаленную работу, получив возможность выполнять

свои функции в более комфортной для себя среде и приобретая больше свободы в распределении времени труда и отдыха.

Во-вторых, расширение практики применения WFH приведет к прямому сокращению расходов как бизнеса, так и административных структур в крупных городских агломерациях как минимум на 5–10% по сравнению с ситуацией до пандемии.

В-третьих, как показали опросы, прогнозируемые работодателями оценки относительной продуктивности WFH предполагают близкий к 5%-ному рост производительности в постпандемический период за счет новых подходов к оптимизации схем организации рабочих процессов.

В-четвертых, как выяснилось по результатам опросов, многие работники выражают готовность согласиться на значительное сокращение своей заработной платы в обмен на возможность работать из дома два или три дня в неделю [Barrero, Bloom, Davis, 2021, p. 1, 30].

Добавим к этому, что многие работодатели связывают с расширением масштабов удаленной работы свои ожидания в части новых возможностей оптимизации использования производственных площадей, а также сокращения арендных платежей и затрат на оборудование рабочих мест, что позволяет существенно «подрезать» издержки.

При этом лишь пятая часть (по оценкам экспертов) ожидаемого на микро- и макроуровне экономического эффекта от перевода части работников в режим WFH улавливается стандартными «датчиками». Такие позитивные эффекты удаленной занятости, как, например, экономия времени работников за счет сокращения числа их поездок на работу и с работы, диссипация толпы в общественном транспорте в часы «пик» (что способствует снижению рисков распространения инфекций), возможность работающих удаленно принимать более деятельное участие в воспитании и образовании своих детей и пр. с трудом поддаются количественной оценке.

В целом авторы приходят к заключению, что значительная часть спровоцированных COVID-19 сдвигов в сторону WFH после окончательного выхода страны из пандемии сохранится надолго, если не навсегда. Желание работать из дома часть недели широко распространено среди категорий занятых, идентифицируемых по возрасту, образованию, полу, доходам и семейным обстоятельствам [Barrero, Bloom, Davis, 2021, p. 30].

Можно предположить, что в «постпандемической» экономике США масштабы распространения модели WFH, в особенности для работников с высоким уровнем образования и дохода, будут расширяться. Такой прогноз подкрепляется как интересами работодателей, так и желаниями работников (прежде всего из верхних децилей шкалы распределения доходов). Для большинства остальных работников возможности выполнять некоторые свои трудовые обязанности из дома также расширятся, но в значительно меньшей степени, чем им хотелось бы. Другими словами, приходят к выводу авторы публикации, преимущества распространения режима WFH будут ощущаться повсеместно, но воспользоваться ими смогут в основном более образованные и высокооплачиваемые категории работников [Barrero, Bloom, Davis, 2021, p. 30].

Вместе с тем расширение практики перевода части работников на режим WFH, возможно, будет генерировать и некоторые потери для местной экономики. Резонно предположить, что достаточно высокий процент тех, кто будет значительное время работать из дома, может стать источником определенных проблем для городских районов, особенно в городах с традиционно высокой интенсивностью суточной межрайонной маятниковой миграции.

Например, сотрудники компаний, регулярно работающие из дома, не только экономят свое время за счет ограничения числа поездок и меньше расходуют денег на транспорт; они будут реже посещать в часы ланча или после работы закусочные, кафе и рестораны, расположенные в тех районах, в которых сосредоточены офисы учреждений или производственные объекты компаний, где находятся их рабочие места; будут меньше по сравнению с недавним прошлым тратить денег на покупку продуктов питания, на личные услуги и на развлечения вблизи рабочих мест, сгруппированных в центрах городов или в зонах, где размещаются производственные предприятия и бизнес-объекты. Так, переход многих высокооплачиваемых работников на режим WFH, по предварительным расчетам, приводимым в работе [Barrero, Bloom, Davis, 2021], приведет к сокращению на 5–10% и более (по сравнению с ситуацией до пандемии) совокупного объема потребительских расходов, например, в центре Сан-Франциско, на Манхэттене или на Уолл-стрит в Нью-Йорке. Магазинам, торговым центрам, точкам общественного питания и предприятиям сферы услуг, делающим свой бизнес в центральных деловых кварталах городов, придется столкнуться со значительным сокращением выручки и доходов в сравнении с их допандемическим уровнем [Barrero, Bloom, Davis, 2021, p. 31].

Как бы то ни было, в итоге вынужденное, по сути, экспериментирование с удаленной работой позволило получить важную информацию, которая помогла в новом свете увидеть перспективы переключения некоторых организационных и производственных функций в режим WFH и оценить позитивные экономические эффекты такого переключения для отдельных бизнес-процессов и для экономики в целом. Это позволило исследователям прийти к выводу, что запущенный пандемией механизм сдвига режимов организации труда и рабочего времени в сторону WFH в значительной степени сохранится и в будущем.

5.9. Эффективность противоэпидемиологических мер на локальном уровне : влияние на местные рынки труда

Как уже отмечалось, единой жесткой политики введения локдаунов и шатдаунов на федеральном уровне в США не проводилось: выбор той или иной стратегии и тактики в отношении закрытия предприятий был оставлен на усмотрение органов власти штатов и округов, которые при принятии решения исходили из собственных оценок уровней рисков, связанных с пандемией, состояния системы общественного здравоохранения в пределах подведомственной им территории и из местных институциональных порядков, что в итоге привело к значительным различиям в масштабах вводимых ограничений как во времени, так и в пространстве. Самые первые предписания о приостановке работы компаний были изданы в ряде штатов 15 марта 2020 г., хотя уже 25 февраля Сан-Франциско стал первым городом в США, решившим объявить чрезвычайное положение в связи со вспышкой пандемии [Allam, 2020, p. 25]. Последним в ряду штатов, где предписание о введении карантина появилось почти три недели спустя, оказался штат Южная Каролина.

Интересное исследование негативных эффектов для местных рынков труда, порожденных карантинной политикой органов власти штатов и округов, было предложено в работе [Guaitoli, Tochev, 2021]. Количественная оценка даже краткосрочных потерь, связанных с карантинными мерами, является достаточно непростой задачей, поскольку регуляторные инструменты на местном уровне (т.е. на уровне штатов и округов) косвенно затрагивали также

смежные территории, генерируя в них индуцированные (наведенные) негативные эффекты для местной экономики.

Взаимосвязанность географически распределенных населенных пунктов является одной из определяющих черт современной экономики, особенно в пределах национальной территории. И уж тем более невозможно было добиться жестких ограничений на перемещения людей и грузов в границах такой страны, как США, где штаты (собственно, мини-государства) обладают высокой степенью правовой и регуляторной самостоятельности и независимости от федеральной власти. Поэтому разброс в выборе и масштабах ограничительных и запретительных мер, введшихся на местах для противодействия пандемии, резко снижал эффективность этих мер.

Авторы модели, представленной в [Guaitoli, Tochev, 2021], предприняли попытку оценить масштабы прямых и косвенных эффектов «дискретных» закрытий рабочих мест во время пандемии с учетом местных различий в наборе регуляторных ограничений, касавшихся как установления максимальной численности людей, которым было разрешено одновременно находиться в замкнутых локациях, так и их перемещений между разными штатами и округами. Выяснилось, что одни только косвенные эффекты (не говоря уже о прямых) от закрытия бизнесов в одном штате (округе) могут генерировать порядка 10–15% потерь для местной экономики в смежных штатах или округах.

В качестве статистической базы для построения модели были использованы материалы, полученные в ходе полевых исследований территориального распределения потребительского спроса. Например, магазины, расположенные в округе, где местные власти не вводили жестких ограничений, регулярно посещаемые покупателями из соседних округов, в которых, напротив, действовали жесткие ограничения, как оказалось, тоже несли ощутимые убытки, минимизация которых достигалась ценой увольнения части персонала. Корректный учет индуцированных эффектов позволил зафиксировать рост суммарных негативных эффектов блокировки для местных бизнесов, несмотря даже на снижение прямых негативных эффектов для той или иной административно ограниченной локации.

При построении своей модели авторы исходили прежде всего из того, что для объективной оценки локальных эффектов влияния политики введения локдаунов на ситуацию с занятостью и безработицей необходимо непременно учитывать пространственное измерение экономической активности, т.е. различия в системах мер

противостояния пандемии как минимум на уровне штатов, определяющих масштабы сокращения занятости и роста безработицы в каждом штате [Guaitoli, Tochev, 2021, p. 47].

Одним из новых полезных инструментов, подключенных авторами исследования к отслеживанию пространственных и объемных изменений покупательского интереса в местных локациях, было использование данных о поисковой активности покупателей, фиксируемых системами локальной электронной связи. Иными словами, исследователи на уровне так называемых точек интереса (Points-of-Interest, POI) получили доступ к фиксируемым сетевыми поисковыми системами базам данных о потребительских запросах местных покупателей, поступавших с локальных компьютеров и смартфонов [Ibid., p. 57–58].

Эффективность противоэпидемиологических мер, принимавшихся на уровне штатов и округов, с самого начала представлялась достаточно сомнительной. Как показало дальнейшее развитие событий, эти опасения оказались небеспочвенными. Дело в том, что коронавирус, как известно, не различает административных границ между округами и штатами (как, впрочем, и территориальных географических границ между странами: в глобальной экономике невозможно одновременно полностью остановить перемещения товаров и людей через национальные границы; к тому же в условиях, когда в каждой стране вводились режимы ограничения на контакты различной степени жесткости и продолжительности и с учетом того, что сменявшие друг друга штаммы коронавируса в начальных фазах распространения короновируса обладали все более высокой контагиозностью, полностью исключить перемещение вируса между странами и континентами не представлялось возможным).

По статистике, в США примерно для четверти работников путь к месту работы связан с необходимостью пересекать границы округа, штата, а нередко даже страны (многие американские граждане, проживающие на приграничных территориях и являющиеся налоговыми резидентами США, работают в Канаде или в Мексике – как, впрочем, и наоборот). Нередко потребители из одного округа или штата по разным причинам приобретают товары и услуги в соседних округах или штатах (где, например, цены могут оказаться ниже и потому совершать покупки выгоднее даже с учетом дополнительных расходов на бензин) [How segregated ..., 2019, p. 1735].

Получается, что политика, ограничивающая экономическую активность в пределах конкретного штата или округа, зачастую

оказывалась малоэффективной и даже бессмысленной из-за того, что в соседних штатах могли действовать разные наборы карантинных правил, к тому же вводившихся в разное время, притом что границы между штатами являются формальными и потому абсолютно проницаемыми для коронавируса [Guaitoli, Tochev, 2021, p. 55].

Авторы проследили экзогенные вариации степени подверженности локальных территорий политике, проводимой на смежных территориях, что позволило им смоделировать причинно-следственные контуры эффекта блокировки для каждого штата. Улавливая различные аспекты побочных эффектов ограничительных противоэпидемиологических мер, удалось замерить эффекты для локальных рынков труда, возникающие в результате «маятниковой» покупательской миграции между штатами / округами, и оценить, в какой степени и как именно эта миграция влияет на динамику уровня безработицы по месту проживания и на динамику занятости по месту работы «маятниковых» покупателей [Ibid., p. 48].

Кроме того, модель помогла обнаружить новые робастные доказательства того, как функционирует механизм, обеспечивающий так называемый переток занятости из того или иного округа или штата в смежный округ или штат: выяснилось, что противопандемические меры, ограничивающие мобильность покупателей в одном округе / штате, могут влиять на численность работников, занятых в розничной торговой сети смежного округа / штата. Например, если выручка магазинов округа, власти которого ввели достаточно щадящий режим блокировок или не ввели его вовсе, существенно зависит от объемов покупок, совершаемых жителями соседних округов, где введены более жесткие ограничения, такие магазины сталкиваются со снижением продаж и вынуждены существенно сокращать численность своего персонала. Получается, что уровень занятости в штате или округе, где ограничения не вводились, также падает из-за наведенных (косвенных) эффектов локдауна и шатдауна, объявленных в соседнем штате / округе.

Результаты моделирования позволили сделать вывод, что влияние наведенных (побочных) эффектов оказалось значительным и в период с февраля по апрель 2020 г. составляло порядка 15–20% от общего изменения масштабов безработицы на локальном уровне, или примерно треть от предполагаемого общего негативного эффекта блокировки. Более того, именно улавливание индуцированных эффектов позволяет объяснить 10–15% падения занятости на уровне отдельных географических локаций (показа-

тель «establishment-based employment» – уровень агрегирования статистических данных о занятости), показывая, что распоряжения о блокировке затронули рабочие места не только в тех округах, где такие блокировки вводились, но и в соседних округах, где уровень охвата локальной экономики ограничениями, вводимыми местной властью, был значительно ниже, а сами ограничения – существенно мягче [Guaitoli, Tochev, 2021, p. 46].

При суммировании прямых и побочных эффектов выяснилось, что их совокупное воздействие как минимум количественно равно значениям предыдущих оценок, полученных без учета внешних эффектов (если не превышает их). В связи с этим авторы встроили в модель оценки различного пространственного распределения воздействия блокировок. С одной стороны, в пригородных и приграничных районах штатов, которые придерживались разной политики блокировки, наблюдался рост безработицы из-за ограничений, вводимых соседними штатами. С другой стороны, именно города и пригородные «торговые» районы больше всего пострадали от ограничений, влияющих на поведение потребителей.

Разработчикам политики противоэпидемиологических ограничений, вводимых на местном уровне, следует в будущем принимать в расчет результаты, представленные в работе [Guaitoli, Tochev, 2021], поскольку блокировки вызывают значительные негативные экономические последствия, выходящие за пределы юрисдикций, в которых такие блокировки были введены. Сказанное не ставит под сомнение оптимальность локальных локдаунов и шатдаунов; однако исследование эмпирически демонстрирует, что побочные (наведенные) эффекты являются достаточно ощутимыми и потому должны учитываться при разработке мер противодействия распространению коронавируса или любой другой инфекции. Это, в свою очередь, означает, например, что механизмы выделения помощи бизнесам, пострадавшим от принудительного шатдауна, должны обязательно разрабатываться с учетом фактора пространственных внешних эффектов, влияющих на соседние регионы, и не ограничиваться лишь границами территории, на которую распространяется юрисдикция того или иного местного органа власти. Очевидно, что это вопрос более высокого уровня принятия административных решений и реализации регуляторных воздействий на «зараженную» коронавирусом экономику (т.е. вопрос о согласовании политики противопандемических ограничений в округах в пределах одного штата должен решаться на уровне

органов управления этого штата, а с федерального уровня должны спускаться соответствующие рекомендации штатам).

Таким образом, во многом из-за высокой степени взаимозависимости между штатами и округами, характерной для американского внутриэкономического пространства, массовые закрытия предприятий в отдельных штатах и округах в период первой волны пандемии привели не только к прямым негативным эффектам в самих этих штатах и округах, но также индуцировали косвенные негативные эффекты в других районах, прежде всего географически близких. Эти побочные эффекты оказали понижающее воздействие как на масштабы занятости, так и на объемы потребления и на субфедеральном уровне, и в итоге в масштабе страны.

По оценкам авторов исследования, побочные эффекты от закрытия предприятий в период «большой коронавирусной паники» (т.е. с февраля по апрель 2020 г.) привели к сокращению занятости в среднем на 1,5–3 п.п. (из общего падения занятости на 14 п.п.) и к росту доли безработных среди населения трудоспособного возраста на 1–1,5 п.п. (из общего увеличения этой доли на 6,5 п.п. за тот же период). При этом в штатах и округах, где маятниковая трудовая миграция населения особенно высока, негативные индуцированные эффекты политики введения локдаунов и шатдаунов вдвое превысили приведенные выше значения.

Анализ, представленный в работе [Gwaitoli, Tochev, 2021], помогает уловить не только агрегированный негативный эффект, генерируемый локальными локдаунами и шатдаунами, но и проследить пространственное распределение влияния пандемии на американский рынок труда. Используя данные на уровне ROI, авторы обнаружили один из скрытых механизмов, благодаря которому происходит фиксируемый статистикой рост агрегированного негативного эффекта от пандемии для динамики занятости и безработицы: в тех округах, где меры сдерживания пандемии путем закрытия бизнесов были относительно менее жесткими или вообще не вводились, предприятия розничной торговли, в значительной степени зависящие от покупателей из соседних округов, потеряли больше рабочих мест, чем можно было ожидать, поскольку число покупателей из соседних округов, где ограничительные меры были более жесткими, резко сократилось.

Выводы, полученные по результатам исследования, имеют очевидный политический акцент. Во-первых, наличие индуцированных эффектов создает проблему для национального планирования: местным чиновникам, имеющим право налагать ограниче-

ния на экономическую деятельность, как правило, нет никакого дела до того, каким образом введение жесткого локдауна в пределах подведомственной им административной территории может генерировать наведенные негативные эффекты для уровня деловой активности и рынка труда на соседних территориях. Неясно, чье благосостояние будет максимизировано при такой институциональной структуре. Во-вторых, разработчикам политики блокировок на субфедеральном уровне следует учитывать побочные эффекты, поскольку они имеют измеримое количественное значение. Программы сохранения рабочих мест, кредиты или гранты, ориентированные только на предприятия в закрытых на карантин локациях (или даже только на непосредственно затронутые пандемией предприятия), вряд ли смогут охватить всех экономических субъектов, пострадавших от наведенных (косвенных) эффектов такой блокировки [Guaitoli, Tochev, 2021, p. 84].

Подытоживая, можно сформулировать главный вывод: от региональных запретительных мер мало толку, если сохраняется миграционная диффузия между штатами и округами, в каждом из которых действуют свои правила блокировочного режима либо нет никаких правил вовсе.

5.10. Американский рынок труда на фоне поздних фаз пандемии (2021–2022): краткий очерк

Несмотря на то что уже к концу 2020 г. рынок труда США демонстрировал неплохие и в целом устойчивые темпы восстановления после «пандемического угара» (не в последнюю очередь благодаря решительным и своевременным мерам поддержки экономики, инициированным республиканской администрацией, о чем будет сказано ниже), немалое число экспертов, исповедующих леволиберальные идеи, продолжали сгущать краски, пытались обвинить Трампа в том, что это именно он своей непродуманной и безответственной политикой ввергнул экономику страны в невиданный доселе коллапс и тем самым оставил новому президенту Дж. Байдену тяжелое наследство. Так, в известном своей пролиберальной ориентацией издании «Politico» настойчиво муссировался тезис, что президент Байден унаследовал «один из самых слабых рынков труда за всю американскую историю», с рекордно высокой безра-

ботицей, углубляющимся неравенством и ухудшающимися экономическими условиями [Rainey, 2020].

В самом начале 2021 г. американский рынок труда действительно по-прежнему пребывал в состоянии «тревожного ожидания», без сколько-нибудь заметных изменений в динамике безработицы в сравнении с последними месяцами 2020 г. И хотя в январе 2021 г. в стране прибавилось 49 тыс. новых рабочих мест, в целом их число все еще оставалось на 11,6 млн меньше, чем было непосредственно перед пандемией. И это весомая печальная цифра.

Как видно из реальных цифр, отражающих динамику индекса U3 (см. таблицы выше), на самом деле американский рынок труда продемонстрировал в 2020 г. удивительную живучесть, особенно в сравнении, например, с развитыми европейскими экономиками. Если бы не эффекты от «пандемического шока», в котором, по справедливости, крайне трудно было бы обвинять Трампа и его администрацию (хотя и такие обвинения звучали тогда из непримиримого лагеря и продолжали звучать даже в 2022 г.), тренды в динамике занятости и безработицы в 2020 г. были бы совершенно иными. Это трудно оспорить, тем более что в конце 2019 г., т.е. буквально в канун пандемии, никому из экспертов в голову не пришло бы прогнозировать на предстоящий год сколько-нибудь серьезное проседание американского рынка труда (если не говорить о некоторых не слишком опасных рисках, связанных с его перегревом, с чем тоже не все аналитики были согласны).

Процесс сокращения «пандемической» безработицы, взявший лихой старт в середине 2020 г., продолжил демонстрировать устойчивую, хотя и объяснимо менее яркую динамику на протяжении 2021–2022 гг. В приводимой табл. 14 отражены некоторые принципиальные макроэкономические показатели, демонстрирующие динамику изменений (или отсутствия таковых) на американском рынке труда в 2021–2022 гг.

Еще в 2020 г. эксперты из «The Economist» строили свой среднесрочный прогноз относительно будущего американской экономики в целом и в особенности в ситуации на рынке труда, исходя лишь из перспективы постепенного отката пандемии. При этом другие факторы, в частности позитивные эффекты активной монетаристской и фискальной политики, направленной на быстрое восстановление экономики, разумеется, также учитывались, но, как оказалось, были недооценены. Эксперты из «The Economist» предположили тогда, что если всё будет развиваться по ожидаемому ими сценарию и механизм работает без существенных

сбоев, к концу 2021 г. безработица в США может упасть до уровня ниже 5%.

Таблица 14

Некоторые макроэкономические показатели американского рынка труда в период адаптации экономики США к пандемическим угрозам (2021–2022)

		U3	U6	UL	LFPR	EL
2021 г.	Январь	6,8	12,0	10851	61,4	148,4
	Февраль	6,6	11,6	10486	61,5	149,5
	Март	6,2	10,9	9905	61,5	150,5
	Апрель	5,7	9,9	9220	61,7	151,2
	Май	5,5	9,7	8829	61,6	151,8
	Июнь	6,1	10,7	9883	61,6	152,3
	Июль	5,7	9,6	9221	61,7	153,6
	Август	5,3	8,9	8556	61,7	153,2
	Сентябрь	4,6	8,1	7366	61,7	154,0
	Октябрь	4,3	7,7	6896	61,7	155,0
	Ноябрь	3,9	7,4	6302	61,9	155,8
	Декабрь	3,7	7,2	5964	61,9	155,7
2022 г.	Январь	4,4	7,9	7207	62,2	155,6
	Февраль	4,1	7,6	6782	62,3	156,9
	Март	3,8	7,1	6168	62,4	158,1
	Апрель	3,3	6,6	5458	62,2	158,0
	Май	3,4	6,7	5548	62,3	158,6
	Июнь	3,8	7,0	6334	62,2	158,7

Примечания.

U3 – официальный уровень безработицы, % (см. подробнее во врезке в п. 5.1.2.).

U6 – уровень безработицы с учетом отчаявшихся найти работу и вынужденных работать неполное рабочее время, % (см. подробнее во врезке в п. 5.1.2.).

UL (Unemployment Level) – численность безработных, тыс. человек.

LFPR (Labor Force Participation Rate) – коэффициент участия в рабочей силе (фактически доля общего числа занятых и безработных в численности населения страны) на конец соответствующего месяца, %.

EL (Employment Level) – численность занятых, тыс. человек.

Составлено по: Databases, Tables & Calculators by Subject // US Bureau of Labor Statistics. – 2022. – URL: <https://data.bls.gov/pdq/> (date of access: 28.09.2022); US Unemployment Rate // YCHARTS. – 2022. – URL: https://ycharts.com/indicators/us_unemployment_rate (date of access: 28.09.2022); US Labor Force Participation Rate // YCHARTS. – 2022. – URL: https://ycharts.com/indicators/labor_force_participation_rate (date of access: 28.09.2022); US U-6 Unemployment Rate // YCHARTS. – 2022. – URL: https://ycharts.com/indicators/us_u_6_unemployment_rate_unadjusted (date of access: 28.09.2022).

Так оно и случилось. Вообще говоря, не надо было быть оракулом, чтобы, заведомо оговорив необходимые и достаточные ограничительные условия, сделать такой прогноз, какой сделали эксперты из «The Economist». В начале 2021 г. безработица уже

составляла 6,7–6,8% в среднем по стране, при этом в значительном числе штатов была на уровне 3–4%, еще в некоторых – от 4,5 до 5,5% (см. выше). На протяжении 2021 г. и в первом полугодии 2022 г. основной показатель безработицы (U3) постоянно снижался и в итоге к началу 2022 г. оказался практически на том же уровне, что в январе 2020 г. (см. табл. 14). Коэффициент участия в рабочей силе (LFPR), который достиг нового минимума в 60,2% во время блокировки в апреле 2020 г., с середины 2020 г. «качался» в узком диапазоне от 61,6 до 62,4%, притом что перед пандемией он достигал отметки в 63,4%.

В начале 2021 г. демократам и республиканцам в Конгрессе удалось прийти к принципиальной договоренности о необходимости дальнейшего финансирования мероприятий по таким важным направлениям, как противодействие распространению пандемии путем финансирования из федерального бюджета разработки, тестирования и производства вакцин и других лекарственных препаратов, поддержка школ и дошкольных учреждений, а также выделение дополнительных средств на помощь безработным. Все эти меры были нацелены на то, чтобы способствовать формированию условий для возвращения трудоспособного населения на рабочие места [Plunkett, 2020]. Однако в реальности обеспечить восстановление сбалансированности американского рынка труда оказалось гораздо сложнее, чем провозгласить эту цель.

Хотя в 2021 г. рынок труда в основном восстановился, среднесрочные и долгосрочные последствия экономических и социальных потрясений, вызванных пандемией, оставались неясными [Bracarense, 2022, p. 110]. Притом обнаружилась новая тенденция в сфере занятости, которую стали называть «Великой отставкой» (The Great Resignation): например, лишь за второе полугодие 2021 г. в США по собственной инициативе уволились с работы более 4 млн человек, что стало рекордной цифрой за всю историю страны. По мнению некоторых исследователей (см., напр.: [Solidarity and fairness ..., 2021]), это может свидетельствовать о некоем фундаментальном ценностном сдвиге, спровоцированном пандемией, одной из форм проявления которого становится тренд к изменению предпочтений работников (преимущественно из числа представителей среднего класса), готовых меньше работать и, соответственно, иметь меньший доход ради увеличения ресурса своего свободного времени.

Однако если принять в расчет устойчивый рост числа вакансий по мере восстановления американской экономики и относи-

тельно невысокую численность уволенных по собственному желанию в 2020 г., обозначенный тренд, по мнению экспертов лондонского еженедельника «The Economist», нельзя пока признать надежно документированным [Evidence for ..., 2021].

На протяжении 2021–2022 гг. состояние американского рынка труда продолжало зависеть от комплекса факторов: траектории поведения коронавируса; реакции федеральных и субфедеральных властей на вызовы, порождаемые пандемией; скорости восстановления спроса на рабочую силу (открытия вакансий); готовности людей, оказавшихся без работы, вообще вернуться в состав рабочей силы; готовности оставшихся без работы вернуться на свои прежние рабочие места вместо того, чтобы тратить время на поиски другой работы или приспосабливаться к новой для себя сфере деятельности.

Несмотря на высокий уровень неопределенности в разгар первой критической волны пандемии, оптимисты, как оказалось, не без оснований рассчитывали, что, когда удастся взять вирус под контроль, американская экономика сможет достаточно быстро сгенерировать совокупный спрос, необходимый для восстановления высоких темпов роста (разумеется, при условии проведения властью адекватной экономической политики). Возросший спрос будет удовлетворен благодаря возвращению миллионов работников на свои прежние рабочие места и привлечению дополнительных миллионов работников в состав рабочей силы. Однако чем дольше будет сохраняться неприемлемый для нормального развития экономики уровень безработицы, тем сложнее будет продвигаться процесс восстановления американского рынка труда в постковидный период [Furman, Powell III ..., 2021]. Как оказалось, рынок труда в целом восстановился достаточно быстро, хотя и с некоторыми дефектами, которых не удалось устранить и в 2022 г.

Многие исследователи обращают внимание на достаточно необычное явление в поведении американского рынка труда в 2021–2022 гг.: несмотря на неуклонное снижение официального уровня безработицы (U3) (с 11,1% в июне 2020 г. до 6,3% в январе 2021 г. и даже до 3,8% в июне 2022 г.), это снижение не сопровождалось сопоставимым по масштабам массовым возвращением работников в состав рабочей силы.

Хотя приблизительно 60% рабочих мест, сокращенных во время первых шоковых ударов пандемии, к 2021 г. были восстановлены, индикатор уровня занятости при этом, как видно из табл. 14 и рис. 1, все это время по-прежнему оставался ниже, чем до пандемии, и остается ниже в 2022 г. [Auginbaugh, Rothstein, 2022].

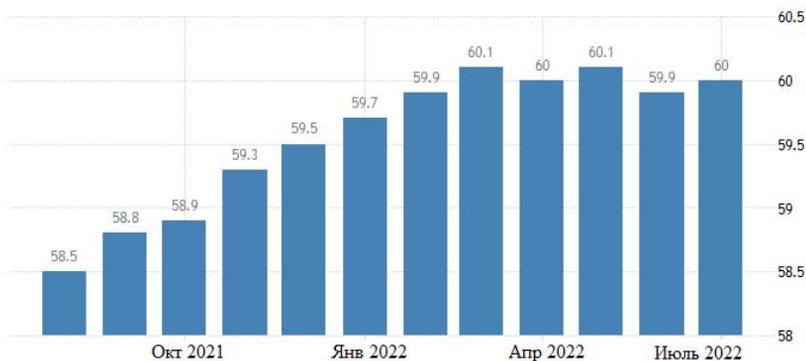

Рис. 1.
Динамика индикатора уровня занятости в США
(август 2021 – июль 2022, в %)

Примечание. В США индикатор (коэффициент) занятости показывает отношение числа лиц, имеющих работу, к совокупной численности населения трудоспособного возраста.

Источники: U.S. Bureau of Labor Statistics. – URL: <https://www.bls.gov/>; United States // Trading Economics. – URL: <https://tradingeconomics.com/united-states/>

В 2021 г. по сравнению с 2020 г. по мере восстановления экономики после пандемической рецессии уровень занятости начал несколько расти, прежде всего среди американцев – «прайм-эйджеров» (prime-agers), т.е. среди лиц в возрасте 25–54 лет, составляющих наиболее трудоспособное возрастное «ядро» рабочей силы; однако по-прежнему индекс занятости для этой возрастной группы почти во всех штатах отставал от допандемического уровня [Charman, Maciag, Namman, 2022]. В наихудшем отношении по этому показателю оказался штат Невада, где расположены привлекавшие огромное число туристов знаменитые центры игорного бизнеса (Лас-Вегас, Рино, Тахо и др.). После пандемического провала туристическая отрасль в штате Невада даже к 2022 г. так пока и не восстановилась до уровня 2019 г.

Причина в том, что, как уже было отмечено, в 2021 г. американский рынок труда стал чрезмерно напряженным («жестким»): образовались «ножницы» между ростом числа новых вакансий и снижением предложения рабочей силы. Многие американцы продолжали добровольно увольняться с работы (см. рис. 2), а значительная часть тех, что были уволены в разгар пандемии, особенно из числа представителей старших возрастных групп, решили не возвращаться на работу.

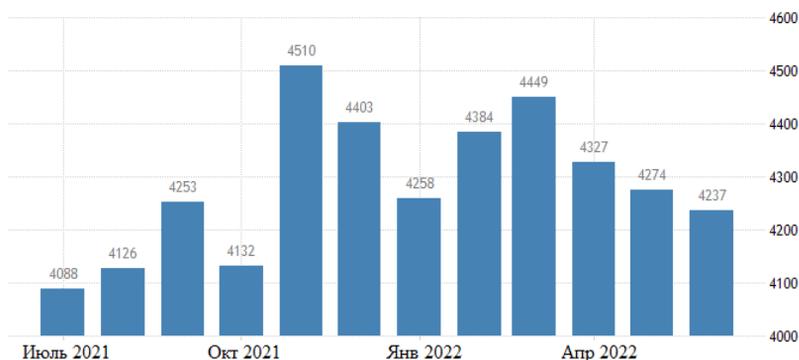

Рис. 2.

Численность оставивших работу по собственному желанию (июль 2021 – июнь 2022, ежемесячно, в тыс. человек)

Источники: U.S. Bureau of Labor Statistics. – URL: <https://www.bls.gov/>; United States // Trading Economics. – URL: <https://tradingeconomics.com/united-states/>

Как видно из рис. 2, число уволившихся с работы в США в июне 2022 г. мало изменилось по сравнению с месяцем ранее и составило 4,2 млн человек. Число уволившихся сократилось в строительстве (–51 тыс. человек), но увеличилось, например, в учреждениях общественного образования на уровне штатов и местных органов власти (+14 тыс. человек). Так называемый коэффициент увольнений, измеряющий долю добровольных уходов с работы в общей численности занятых, лишь немногим вырос за несколько месяцев и в июне 2022 г. составил 2,8%.

В 2021 г. занятость среди прайм-эйджеров (лиц в возрасте 25–54 года) составляла в среднем 77,6%, что ниже, чем до пандемии, когда этот показатель достигал 80%. По сути, в 2021 г. в США из каждых 100 человек наиболее трудоспособной возрастной когорты было занято на два человека меньше, чем в 2019 г. И хотя 2021 г. был ознаменован продолжением восстановления рынка труда после исторических потрясений 2020 г., правила игры стали устанавливаться предложением труда, а не спросом на него. Картинка словно перевернулась с ног на голову: теперь уже компании стали конкурировать между собой за наем работников, а не наоборот, как было десятилетиями до этого. Для правительств штатов недобор компаниями рабочей силы потенциально может привести к снижению налоговых поступлений в местные бюджеты и к росту спроса на социальные услуги.

Коэффициент LFPR также на протяжении многих месяцев оставался практически неизменным. В результате реальная безработица (U6), рассчитываемая БТС США, значения которой более удобно сопоставлять с историческими рядами индексов безработицы, удерживалась в январе 2021 г. на достаточно высоком уровне (8,3%) [Furman, Powell III, 2021].

Значения показателя LFPR продолжали оставаться сравнительно невысокими на протяжении всего 2021 г. и по крайней мере в первой половине 2022 г., что стало отражением невиданного ранее по мощности и продолжительности «перегрева» рынка труда: число открытых вакансий уже с лета 2020 г. стало расти, а число желающих заполнить эти вакансии по-прежнему оставалось на несопоставимо низком уровне. По мнению некоторых специалистов, в таком поведении рынка труда явственно слышится «эхо» пандемии. Правда, в середине 2022 г., похоже, число ежемесячно открывавшихся вакансий несколько сократилось, но это можно объяснить действием сезонного фактора.

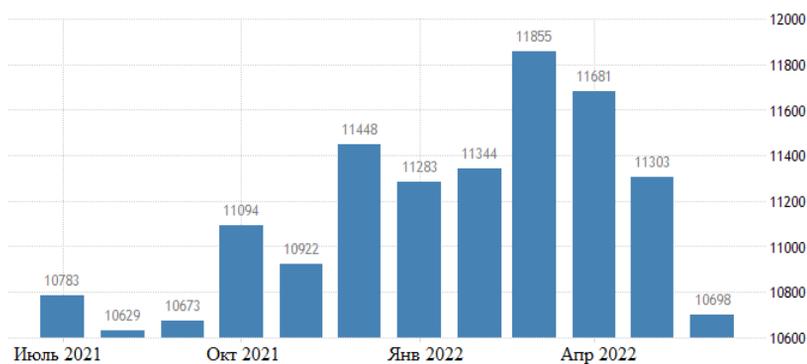

Рис. 3.

Количество открывавшихся вакансий на американском рынке труда (помесячные данные, июль 2021 – июнь 2022, в тыс. рабочих мест)

Примечание. Бросающиеся в глаза резкие перепады в высоте «столбиков» объясняются достаточно мелким «шагом» (200 тыс. рабочих мест) на вертикальной шкале диаграммы.

Источники: U.S. Bureau of Labor Statistics. – URL: <https://www.bls.gov/>; United States // Trading Economics. – URL: <https://tradingeconomics.com/united-states/>

Число вакансий в США снизилось в июне 2022 г. на 605 тыс. по сравнению с маем того же года и составило 10,7 млн, что является самым низким показателем за период с октября 2021 г. и ниже ожиданий рынка (11 млн). Это было третье последовательное снижение числа вакансий после рекордного уровня в марте 2022 г. Наибольшее сокращение вакансий произошло в розничной торговле (-343 тыс.), оптовой торговле (-82 тыс.) и в сфере общественного государственного и местного образования (-62 тыс.). Между тем в мае 2022 г. около 4,2 млн американцев уволились с работы (примерно столько же, что и месяцем ранее); коэффициент увольнений не изменился и составил 2,8%.

Экономический рост во второй половине 2021 г. замедлился, а в первом квартале 2022 г. даже демонстрировал отрицательные темпы. Хотя динамика спроса, похоже, в основном вернулась к тренду, существовавшему до пандемии, потенциальный объем предложения оставался недостаточным из-за сохранявшихся сбоев в цепочках поставок и вялой динамики возвращения работников в состав рабочей силы. Коэффициент LFPR снизился с 63,4% накануне пандемии до 62,2% в июне 2022 г., а нелишне отметить, что этот индекс отличается высокой чувствительностью и его снижение пусть даже на 1,2 п. п. свидетельствует о сохраняющемся достаточно серьезном «нездоровье» рынка труда и экономики в целом.

Расхождение между уровнем безработицы и соотношением занятости и численности населения отражает снижение уровня участия в рабочей силе. Пандемия вызвала необычно большое снижение коэффициента LFPR. В феврале 2020 г., до начала пандемии, LFPR составлял 63,4%, а в апреле 2020 г. упал до 60,2%. С тех пор он восстанавливался медленнее, чем уровень безработицы, и лишь частично, как отмечено выше, восстановился до 62,2% по состоянию на июнь 2022 г., что все еще ниже, чем в любой момент за последние полвека (с 1970-х годов) вплоть до начала пандемии. Это говорит о том, что если бы работников можно было вернуть в состав рабочей силы, то, по-видимому, имелись бы значительные возможности для роста занятости (о чем свидетельствуют статистические данные об открытии рабочих мест, рассмотренные в следующем разделе). Однако вероятность этого крайне неопределенна.

Примечательно, что снижение коэффициента LFPR и вялое возвращение в состав рабочей силы в наибольшей мере отмечалось среди работников старшего возраста, в то время как LFPR работников трудоспособного возрастного «ядра», т.е. прайм-

эйджеров (25–54 года), восстановился почти в полной мере. Показатель LFPR для лиц в возрасте 55–64 года полностью вернулся к уровню, существовавшему до пандемии, лишь к февралю 2022 г.; однако для работников в возрасте 65–74 года он все еще оставался почти на 2 п.п. ниже допандемического показателя [Fry, 2021].

ФРС оценила сравнительную значимость различных факторов, способствовавших снижению LFPR за период с начала пандемии до декабря 2021 г. По мнению экспертов ФРС, примерно три четверти наблюдавшегося снижения коэффициента LFPR может объясняться более ранним выходом на пенсию лиц пожилого возраста, перешагнувших некий критический для себя возрастной рубеж. Известно, что во время пандемии доля пожилых американцев, принявших решение выйти на пенсию, заметно увеличилась по сравнению с допандемическим периодом. Примерно 50% из числа так называемых новых пенсионеров, по оценкам ФРС, и так вышли бы на пенсию в 2020–2021 гг. безо всякой пандемии – из-за старения поколения «бэби-бумеров» (коэффициент LFPR не рассчитывается с учетом верхнего возрастного предела). Но вот все остальные «новые пенсионеры», с высокой вероятностью, приняли для себя решение прекратить свою трудовую деятельность раньше времени именно из-за пандемии: многие работники пожилого возраста вышли на пенсию неожиданно, в ответ на увольнения и нехватку рабочих мест в начале пандемии, а также из-за опасений по поводу своего здоровья в течение всей пандемии – и уже не вернулись в состав рабочей силы, когда ситуация в экономике стала улучшаться. По оценкам ФРС, большинство таких «непредсказуемых» и непрогнозируемых статистикой выходов на пенсию приходится на работников в возрасте примерно 70 лет [U.S. economic ..., 2022, p. 11].

Есть, однако, основания полагать, что еще одним существенным фактором, сыгравшим значимую роль в появлении новых тенденций на американском рынке труда в период его постшокового восстановления и постепенной адаптации к пандемическим рискам (отток рабочей силы, вялый прирост занятости, высокий уровень увольнений без последующих попыток трудоустройства и пр.), может оказаться углубление диспропорций между профессионально-квалификационной структурой новых или восстановленных рабочих мест и профессионально-квалификационным потенциалом рабочей силы. Сомнительно, конечно, чтобы такое несовпадение могло образоваться за столь короткий срок, как один-два года. Но нельзя исключать и того, что диспропорции ла-

тентно и инкрементально нарастали на американском рынке труда в течение последнего десятилетия, а то и дольше, а пандемия лишь послужила своеобразным катализатором, резко ускорившим процесс нарастания этих диспропорций, и обнажила их в явном виде. Так или иначе, но эта тема требует специального тщательного изучения.

Таким образом, уровень экономической неопределенности, который в ситуации с пандемией тесно взаимосвязан с мощным экзогенным фактором – уровнем эпидемиологической неопределенности – и в 2022 г. продолжал сохраняться достаточно высоким, хотя и не столь высоким, как в самой первой фазе пандемии. Неизвестно, например, сколько работников, вышедших из состава рабочей силы во время пандемии по тем или иным причинам, захотят снова вернуться на свои рабочие места, если сохранится «мерцающая» угроза новых всплесков заболеваемости (либо в связи с иными обстоятельствами). По данным на середину 2022 г., статистика соотношения динамики роста открытых вакансий и динамики роста занятости на американском рынке труда оставалась явно неутешительной.

6. Поддержка экономики в условиях пандемии 2020–2021 гг. : решения политических властей и национальных регуляторов

Масштабы и оперативность реализации фискальных (налогово-бюджетных) мер, предпринятых исполнительной и законодательной властью США с целью погашения негативных эффектов пандемии для экономики, оказались беспрецедентными за всю американскую историю. В период Великой рецессии 2008–2009 гг., измотавшей страну, потребовалось более 500 дней, чтобы полностью включились все фискальные механизмы блокирования экономического спада. Тем не менее эхо «горячей фазы» Великой рецессии продолжало отдаваться в американской экономике еще много лет после ее завершения, вплоть до победы Д. Трампа на выборах 2016 г.

В отличие от неповоротливой фискальной и монетарной политики 2008–2009 гг., в 2020 г., когда пандемическая рецессия едва только замаячила впереди, уже в марте, за один месяц, Конгресс США оперативно принял сразу три основополагающих закона, направленных на поддержку бизнесов и помощь домохозяйствам. Чтобы ослабить негативные эффекты пандемии для бизнеса и до-

мохозяйств, уже в марте 2020 г. были утверждены три первых пакета мер по стимулированию экономики. В апреле и июне были введены в действие дополнительные и корректирующие законодательные нормы, направленные на повышение эффективности программ, включенных в принятые ранее три бюджетных пакета. Одновременно ФРС США снизила процентные ставки до нулевой отметки, предложила беспрецедентное неограниченное количественное смягчение (quantitative easing) и включила как хорошо освоенные ранее, так и новые механизмы кредитно-финансовой политики с целью поддержания функционирования финансовых рынков.

С ослаблением карантинных мер в нескольких штатах в мае 2020 г. и возобновлением работы предприятий сотни тысяч работников вернулись на свои рабочие места, прежде всего в отраслях здравоохранения и строительства, а также в сфере общественного питания. В результате в мае было создано около 2,5 млн рабочих мест, в июне – уже 4,8 млн, а уровень безработицы снизился до 13,3% в мае и до 11,1% в июне. Быстрому восстановлению полной или частичной занятости помимо смягчения или даже отмены локдаунов способствовали также целевые оперативные меры налогово-бюджетной и монетарной политики, предусматривавшие поддержку не только малого и среднего бизнеса, но и домохозяйств.

Скорость, с которой власти Соединенных Штатов предприняли решительные экономические меры для смягчения экономического воздействия пандемии на домохозяйства и бизнес, а также масштаб этих мер, по мнению многих экспертов, следует признать беспрецедентными.

6.1. Основные законодательные решения по поддержке бизнеса и домохозяйств в рамках налогово-бюджетной политики, принятые в каденцию Д. Трампа

С самого начала стремительного распространения пандемии COVID-19 в США наряду с комплексом обязательных в такой ситуации мер по таргетированной поддержке бизнеса (прежде всего малого и среднего) на федеральном уровне в оперативном порядке было предпринято несколько срочных мер базовой поддержки лиц, оставшихся без работы в результате пандемии [President Donald ..., 2020].

1. Выплаты федеральных компенсаций в связи с пандемической безработицей (Federal Pandemic Unemployment Compensation, FPUC): дополнительные выплаты вплоть до 31 июля 2020 г. в размере 600 долл. в неделю всем потерявшим работу в результате локдауна, сверх выплат по программе регулярного страхования по безработице (Unemployment Insurance, UI).

2. Содействие преодолению пандемической безработицы (Pandemic Unemployment Assistance, PUA): распространение действия программы UI на всех потерявших работу, в том числе на частично занятых, самозанятых, фрилансеров, а также на работающих по особым видам договоров; иными словами, в соответствии с новыми чрезвычайными мерами правительства, введенными в связи с кризисом на рынке труда, право на получение выплат по безработице стало распространяться в том числе на тех, кто ранее не имел возможности рассчитывать на такую поддержку, в том числе на самозанятых и на работников так называемой гиг-экономики. По данным Министерства труда США, уже в конце мая 2020 г. пособия получали около 10 млн работников, которые прежде не были охвачены программой страхования по безработице.

3. Выплаты чрезвычайных компенсаций по безработице в связи с пандемией (Pandemic Emergency Unemployment Compensation, PEUC): страховые выплаты по безработице, предусмотренные программой UI, дополнительно продлевались на 13 недель сверх установленной продолжительности выплат по этой программе. Программа PEUC была продлена с октября 2020 г. еще на 12 недель, и выплаты по ней составляли по 1000 долл. в неделю каждому безработному, включая самозанятых и лиц без определенных занятий.

Всего весной 2020 г. в русле налогово-бюджетной политики Конгресс США принял пять законодательных актов по оживлению и поддержке экономики в ответ на COVID-19: три пакета масштабных фискальных инициатив и два дополнительных законодательных акта. Совокупный стоимостной объем мер экономической поддержки, предусмотренных этими решениями законодателя, «потянул» на 13% ВВП.

Законодательные пакетные инициативы, во многом исходившие от администрации президента и поддержанные Конгрессом, можно разделить на три фазы, каждая из которых предусматривала конкретный набор мер определенного целевого назначения.

Первая фаза: Закон от 6 марта 2020 г. «О дополнительных ассигнованиях на обеспечение готовности к коронавирусу и реа-

гирование на него» (Coronavirus Preparedness and Response Supplemental Appropriations Act). Объем финансирования в рамках этого закона предусматривал выделение 8,3 млрд долл. на покрытие чрезвычайных расходов федеральных агентств, борющихся с распространением заболевания, в том числе: 3,4 млрд долл. на исследования и разработки новых вакцин, терапевтических и диагностических средств, финансируемые из средств Чрезвычайного фонда Министерства общественного здравоохранения и социальных служб; 1,9 млрд долл. для Центров по контролю и профилактике заболеваний (Centers for Disease Control and Prevention, CDC), призванных поддерживать усилия штатов и местных органов власти по противодействию распространению пандемии; 1,6 млрд долл. на международную помощь [Impact of COVID-19 ..., 2020, p. 25].

Вторая фаза: Закон от 18 марта 2020 г. «О противодействии коронавирусу (в первую очередь – семьи)» (Families First Coronavirus Response Act). Закон обязал работодателей, в том числе владельцев предприятий малого бизнеса, предоставлять пострадавшим от пандемии оплачиваемые отпуска по болезни сроком не менее двух недель.

В числе других установленных законом нововведений: оказание дополнительной продовольственной помощи наиболее уязвимым слоям населения; обеспечение финансовой поддержки всех категорий граждан для покрытия их расходов, связанных с тестированием на коронавирус; дополнительное финансирование по программе Medicaid; распространение страховых пособий по безработице на те контингенты рабочей силы, которые прежде не имели права на получение пособия; выделение дополнительных средств по программе продовольственных талонов. По сути, нормы нового закона позволяли развернуть по всей территории США всеохватную систему обеспечения экономической безопасности, поскольку массовые увольнения в связи с COVID-19 и лавинообразное нарастание случаев заболевания начали затрагивать все штаты.

Совокупный объем финансовых усилий, мобилизованных в рамках первой и второй законодательных фаз, составил 0,5% ВВП [Impact of COVID-19 ..., 2020, p. 25].

Третья фаза: Закон от 27 марта 2020 г. «О поддержке, помощи и экономической безопасности в условиях коронавируса» (Coronavirus Aid, Relief, and Economic Security Act, CARES), направленный на компенсацию ущерба, нанесенного пандемией.

Закон CARES оказался наиболее значимым за всю историю США как по масштабности предусмотренного им финансирования программ поддержки агентов рынка, пострадавших от пандемии (около 2,2 трлн долл., или 11% ВВП страны), так и по объему пакета мер, составляющих эти программы.

Он вобрал в себя в том числе некоторые законодательные решения, принятые немногим ранее. Законом предусматривались широкие программы финансовой и налоговой поддержки граждан и бизнеса в рамках мер по спасению ввергнутой в пандемический шок американской экономики. Из означенной гигантской суммы в 2,2 трлн долл. порядка 1,5 трлн долл. составляли бюджетные ассигнования и налоговые льготы и еще примерно 500 млрд долл. – займы, 454 млрд. долл. из которых были размещены в ФРС в качестве базиса для дополнительных заимствований [Enda, Gale, Haldeman, 2020].

По Закону CARES каждый работающий американец, суммарный годовой доход которого не превышал 75 тыс. долл., имел право претендовать на стимулирующие выплаты в размере 1200 долл. Семейная пара получила право на получение таких выплат при условии, что ее совокупный годовой доход не превышает 150 тыс. долл. На каждого ребенка в семье выплачивалось 500 долл.

Закон CARES оказался знаковым во многих отношениях. Он действительно был всеобъемлющим, привязанным к конкретным срокам и рассчитанным на оказание прямой помощи гражданам, бизнесу, штатам и местным органам власти. И хотя многие эксперты увидели параллели между Законом CARES и Законом ARRA («О восстановлении и реинвестициях в Америке»), принятым в 2009 г. президентом Обамой в разгар Великой рецессии, между обоими законами есть существенное различие, на которое обратил внимание, в частности, лидер республиканцев в Сенате Митч Макконнелл. Закон CARES, заявил он, не про стимулирование экономики, а именно про чрезвычайные меры поддержки экономики и граждан ([Enda, Gale, Haldeman, 2020]; подробнее см.: [S. 3548 ..., 2020]).

Важно заметить, что отличие CARES от ARRA и других антикризисных актов, принимавшихся в прошлом, принципиальное: американская экономика образца 2020 г. не нуждалась в каком-либо специальном стимулировании, как это было в периоды кризисов, развивавшихся по классическому сценарию, потому что в 2020 г. стимулов к развитию у нее и так было достаточно. Нужны

были именно меры экстраординарной поддержки, чтобы помочь бизнесу и гражданам продержаться в период пандемии, соблюдая строгий регламент, продиктованный соображениями охраны здоровья и безопасности.

Перечисленные меры, равно как и другие (в том числе принятые на уровне штатов), несмотря на всю непоследовательность политики Трампа по линии противостояния распространению коронавирусной пандемии, позволили в итоге, как уже было показано в разделе 5, за сравнительно короткие сроки взять ситуацию на рынке труда под контроль.

Важнейшим элементом, встроенным в Закон CARES, была уже упомянутая выше Федеральная программа компенсации безработицы в период пандемии (FPUC), которая помогла обеспечить домохозяйства столь остро необходимой им ликвидностью, позволившей поддержать уровень потребительских расходов граждан в наиболее сложный период экономических потрясений – и в первую очередь, помочь удержаться на плаву домохозяйствам с наиболее низкими доходами. По мнению некоторых исследователей, существовала опасность того, что увеличение размера компенсации по FPUC могло привести к снижению эффективности рынка труда как одного из ключевых рыночных институтов. Однако другие исследования показывают, что, даже если FPUC в какой-то мере и способствовал сокращению объема предложения труда, он не оказал сколько-нибудь заметного негативного влияния на уровень занятости или на степень «жесткости» рынка труда [Bracarense, 2022, p. 121].

Основные объемы помощи и механизмы поддержки, заложенные в Законе CARES:

- единовременные выплаты физическим лицам (290 млрд долл.);
- расширение сферы охвата работников пособиями по безработице и увеличение сумм страховых выплат по безработице (260 млрд долл.);

- продовольственная помощь (25 млрд долл.);
- предотвращение, во взаимодействии с ФРС, банкротств корпораций путем предоставления им кредитов и гарантий по кредитам (510 млрд долл.);

- льготные кредиты и гарантии Управлению по делам малого бизнеса (Small Business Administration, SBA) для поддержки тех малых предприятий, которые стараются не увольнять работников (367 млрд долл.);

– резкое увеличение объемов финансирования системы здравоохранения, в том числе исследований и разработок новых препаратов и вакцин, поддержка учреждений здравоохранения (180 млрд долл.);

– трансферты государственным и местным органам власти (150 млрд долл.);

– финансирование образования, транзитных систем и международной помощи (свыше 100 млрд долл.);

– налоговые льготы для бизнеса и домохозяйств (снижение ставок налогообложения, предоставление отсрочек по уплате налогов, освобождение от налогообложения отдельных видов деятельности и пр. (280 млрд долл.) [The Coronavirus Aid ..., 2020, p. 2–7].

Ниже подробнее перечислены конкретные виды финансовой поддержки, оказанной ее адресатам (экономическим агентам: домохозяйствам, физическим лицам, малому бизнесу) на основе заложенных в Закон CARES новых радикальных инициатив в сфере налогово-бюджетной политики США, направленных как на противодействие негативным эффектам пандемии, так и на смягчение последствий ограничительных мер, инициированных властями для сдерживания распространения коронавируса на территории страны.

6.1.1. Поддержка домохозяйств и помощь безработным

Единовременные денежные выплаты. Совокупный «вес» этого механизма в пакете мер Закона CARES – порядка 300 млрд долл. Законом предусматривались прямые выплаты в размере 1200 долл. на каждого взрослого члена семьи (плюс 500 долл. на ребенка) для тех семей, валовой годовой доход которых составлял менее 75 тыс. долл. (150 тыс. долл. для пары, ведущей совместное хозяйство). Размеры прямых субсидий постепенно уменьшались для домохозяйств из децильных групп с более высокими доходами и не предоставлялись вообще лицам без детей, валовой доход которых составлял более 99 тыс. долл. в год на человека, или супружеским парам без детей, валовой доход которых превышал 198 тыс. долл. в год. Чтобы ускорить процесс выплат, их механизм оформлялся через возврат уже уплаченных налогов, что позволило Службе внутренних доходов США (Internal Revenue Service, IRS) оперативно и безошибочно распределить помощь [The Coronavirus Aid ..., 2020, p. 13–14].

Дополнительная помощь лицам, потерявшим работу из-за пандемии. Совокупная «цена» для бюджета в пакете CARES – 260 млрд долл. Специальная государственная программа страхования по безработице для работников, потерявших рабочие места от COVID-19, в том числе для самозанятых (включая тех, у кого болен член семьи или ребенок не может посещать школу). Пособия были первоначально рассчитаны на срок до четырех месяцев (до 31 июля 2020 г.). В большинстве штатов на основании Закона CARES срок получения пособий был продлен до 29 недель и предусматривал помимо основной суммы пособия дополнительные еженедельные выплаты в размере 600 долл. для лиц, имеющих право на получение пособий [Unemployment insurance ..., 2022, p. 2–3].

Продовольственная помощь. Законом CARES было выделено 25 млрд долл. на программы детского питания и дополнительное финансирование талонов на питание по специальной Программе обеспечения дополнительного питания (Supplemental Nutrition Assistance Program, SNAP).

Налоговая отсрочка. Сроки подачи налоговых деклараций физическими лицами были перенесены с апреля на июль 2020 г.

6.1.2. Поддержка бизнеса

В рамках пакета CARES более 500 млрд долл. было выделено на кредиты, гарантии по кредитам и иные виды помощи бизнесу, включая такую беспрецедентную для современных Соединенных Штатов меру, как предоставление государству права приобретать доли в акционерном капитале компаний, оказавшихся в тяжелом положении из-за коронавируса.

Помощь отдельным отраслям американской экономики предусматривала, в частности, финансовую поддержку пассажирских авиаперевозчиков (в объеме 25 млрд долл.), грузовых авиаперевозчиков (в объеме 4 млрд долл.). Около 17 млрд долл. финансовой поддержки было выделено предприятиям, признанным критически важными для национальной безопасности.

Оставшаяся часть санкционированной суммы (в размере 454 млрд долл.) была направлена на поддержку фондов ФРС, осуществляющих в соответствии с разделом 13 (3) Закона о ФРС приобретение корпоративных обязательств на первичном и вторичном рынках [The Coronavirus Aid ..., 2020, p. 5–7].

Ограничения для бизнеса, получающего поддержку от государства. Компаниям, которым по Закону CARES предоставлялись прямые кредиты от государства или гарантии по кредитам, вменялось в обязанность ограничить вознаграждение топ-менеджмента суммой в 425 тыс. долл. в год и не проводить реверсный выкуп акций в течение как минимум одного года. Компании, активы которых полностью или частично принадлежат президенту, вице-президенту, членам Конгресса или руководителям федеральных агентств, не имели права на получение кредитной или иной поддержки от государства. Все каналы, по которым кредитная или финансовая помощь поступала корпорациям, контролировались независимым генеральным инспектором и надзорной комиссией Конгресса.

Поддержка малого бизнеса. В рамках программы защиты заработной платы (Paycheck Protection Program, PPP) компаниям с численностью занятых до 500 человек, включая независимых подрядчиков и самозанятых (или с численностью работников свыше 500 человек, если обороты таких компаний в докризисный период не превышали установленного законом предела), для покрытия расходов на заработную плату и на услуги медицинской помощи работникам, на оплату коммунальных услуг, на внесение ипотечных и арендных платежей было выделено 367 млрд долл. в виде кредитов и кредитных гарантий, администрируемых Управлением по делам малого бизнеса (SBA). Общая сумма кредита могла составлять до 250% от месячного фонда оплаты труда компании (ФОТ). Кредиты могли списываться (частично или полностью) в зависимости от процентного отношения численности работников, сохраненных в штате, к численности персонала компании в докризисный период [The Coronavirus Aid ..., 2020, p. 5–7].

Перенесение сроков уплаты налогов на бизнес. Компаниям было предоставлено право отложить перечисление ежеквартальных налоговых платежей до 15 октября 2020 г. и отложить выплату налога на заработную плату до конца года.

Отсрочка уплаты налога на ФОТ. Бизнесу было разрешено отложить свои обязательства по уплате налога на фонд заработной платы на оставшуюся часть 2020 г. и выплачивать его частями в 2021–2022 гг.

Предоставление налогового кредита работодателям (Employee Retention Credit, ERC). Эта мера была введена, с тем чтобы препятствовать массовым увольнениям в условиях чрезвычайной ситуации, спровоцированной распространением COVID-19,

и стимулировать работодателей, главным образом в сфере малого и среднего бизнеса, к удержанию работников, числящихся в штате предприятия. ERC – это возвращаемый налоговый кредит для уплаты налогов на заработную плату работников. Объем кредита составлял 50% официальной заработной платы, начисляемой правомочным на получение такого кредита работодателем после 12 марта 2020 г. и до 1 января 2021 г. и отражаемой в платежной ведомости. Работодатели могли получить немедленный доступ к кредиту, что означало для них снижение налоговых выплат, которые в противном случае им пришлось бы вносить в бюджет. Специально были оговорены возможности включения в схему ERC работодателей, выполняющих государственные заказы, связанные с противодействием пандемии COVID-19. Кроме того, если налоговых отчислений работодателя в бюджет оказывалось недостаточно для покрытия кредита, работодатель имел право получить авансовый платеж от Службы внутренних доходов (Internal Revenue Service, IRS).

Для определения размера 50%-ного кредита в расчет бралась зарплата каждого работника предприятия в пределах до 10 тыс. долл. в неделю (включая затраты на медицинское страхование). Поскольку ERC мог применяться к заработной плате, уже выплаченной после 12 марта 2020 г., доступ к этому кредиту могли получить многие испытывающие трудности работодатели, уменьшив будущие начисления налогов или запросив авансовый кредит [Guidance on ..., 2021, p. 7].

Впоследствии действие механизма ERC было пролонгировано на 2021 г., однако подписанный президентом Джо Байденом 15 ноября 2021 г. Закон об инвестициях в инфраструктуру и рабочие места (Infrastructure Investment and Jobs Act) приостановил действие механизма ERC с четвертого квартала 2021 г. для работодателей, которые не занимаются восстановлением стартапов [Ibid., p. 1–2].

Ассигнования на цели развития системы здравоохранения в США (в объеме 180 млрд долл.). Из этой суммы 100 млрд долл. направлялись на финансирование больниц и других лечебных учреждений, а также на оплату услуг поставщиков изделий медицинского назначения, наиболее пострадавших от пандемии. Выделенные средства могли быть израсходованы на закупку средств индивидуальной защиты (СИЗ) для медицинских работников, расходных материалов для тестирования и пр., а также на финансирование оперативных центров по чрезвычайным ситуациям.

Среди других направлений расходования средств, предусмотренных этой частью Закона CARES, упомянем следующие: увеличение финансирования местных медицинских центров и агентств здравоохранения; дополнительные выплаты по программе Medicare; поддержка телемедицины и медицинской помощи на дому.

Законом были предусмотрены меры по устранению текущих сбоя в поставках медтехники, лечебных средств и средств обеспечения защиты граждан, включая меры по предотвращению таких сбоев в будущем (в том числе на основании Закона об оборонном производстве).

Кроме того, 150 млрд долл. было перечислено в виде трансфертов правительствам штатов и местным органам власти на покрытие дефицита бюджетов в связи с расходами на противодействие пандемии. Совокупная сумма трансфертов была распределена между штатами пропорционально численности населения в каждом штате. При этом муниципалитетам было предоставлено право подачи заявки на получение трансферта напрямую, минуя органы власти штатов (что соответственно уменьшало общую сумму трансферта, перечисляемого тем штатам, муниципалитеты которых подавали прямые заявки) [Impact of COVID-19 ..., 2020, p. 26].

На финансирование образования (в частности, на поддержку местных школ и колледжей), а также на внедрение более гибких схем финансовой помощи учащимся и на поддержку студенческих займов была выделена сумма в 31 млрд долл.

Еще 25 млрд долл. предназначались для выплаты транспортным компаниям компенсаций в связи с недополученными ими доходами из-за резкого сокращения пассажиропотока.

6.1.3. Дополнительные программы поддержки домохозяйств и бизнеса в 2020 г.

В апреле и июне 2020 г. Конгресс США принял ряд новых законодательных актов, направленных на повышение эффективности мер противодействия распространению пандемии и механизмов купирования ее негативных эффектов для американской экономики, составивших три ранее сформированных финансовых пакета. Наибольший объем дополнительных бюджетных вливаний пришелся на поддержку программы защиты заработной платы

(PPP). В итоге всего за два месяца с начала реализации этой программы порядка 4,5 млн компаний получили поддержку в сумме свыше 530 млрд долл. По оценкам экспертов, реализация программы PPP оказала серьезное стабилизирующее воздействие на экономику США и помогла удержать американский рынок труда от обвала в наиболее сложные начальные периоды распространения пандемии [Impact of COVID-19 ..., 2020, p. 27].

Законом «О программе защиты заработной платы и улучшении медицинского обслуживания» (Paycheck Protection Program and Health Care Enhancement Act), подписанным президентом США 24 апреля 2020 г., предусматривалось выделение дополнительных 483 млрд долл. на концентрацию усилий в борьбе с коронавирусом по четырем основным направлениям:

1) выделение 322 млрд долл. дополнительного финансирования на поддержку программы защиты заработной платы (PPP), а также по программе кредитования малого бизнеса, которая к тому времени уже почти исчерпала выделенный ранее под нее лимит бюджетных средств (в том числе санкционирование 60 млрд долл. для поддержки малых и средних кредиторов на уровне местных сообществ);

2) выделение 60 млрд долл. в форме кредитов и грантов на ликвидацию последствий стихийных бедствий для малого бизнеса (через Фонд кредитования экономического ущерба от катастроф);

3) дополнительное финансирование госпиталей, больниц и иных лечебных учреждений в объеме 75 млрд долл.;

4) дополнительное финансирование мероприятий по проведению массового тестирования на коронавирус (в объеме 25 млрд долл.) [Fourth COVID-19 ..., 2020, p. 8–9].

Наконец, 5 июня 2020 г. был подписан еще один Закон «О гибкости программы защиты заработной платы» (Paycheck Protection Program Flexibility Act, PPPFA), которым вносились изменения в программу PPP в целях предоставления заемщикам большей свободы в распоряжении средствами займа. При этом у заемщика (работодателя) при определенных условиях сохранялась возможность полной отмены обязательств по погашению займа даже в том случае, если численность занятых на предприятии не достигла допандемического уровня. Основные изменения, предусмотренные законом PPPFA, включали: увеличение срока расходования средств займа с 8 недель до 24 недель; сокращение обязательных расходов на выплату заработной платы с 75 до 60%; продление срока погашения займа до пяти лет вместо первоначально-

чальных двух. Новые правила позволили компаниям отсрочить уплату налогов на заработную плату, даже если они взяли заем по программе PPP [H.R. 7010 ..., 2020].

6.1.4. Финансирование иностранной помощи

Глобальное распространение пандемии COVID-19 потребовало от Соединенных Штатов не только напряжения внутренних ресурсов, но и концентрации значительных финансовых усилий на борьбе с коронавирусом в международном масштабе, чтобы сдерживать угрозы, исходящие для США извне. Поэтому, несмотря на то что подавляющая часть положений Закона CARES посвящена вопросам финансовой поддержки американской экономики, оказания помощи американскому бизнесу и домохозяйствам, в законе содержатся также нормы, предусматривающие дополнительные объемы финансирования мер противостояния коронавирусной инфекции и ее последствиям за пределами США, в том числе по линии международных финансовых институтов. На международную помощь Законом CARES было выделено 50 млрд долл.

Однако помимо Закона CARES, финансирование иностранной помощи было предусмотрено также другими законодательными актами. В частности, в соответствии с инициированным Конгрессом и подписанным президентом США 6 марта 2020 г. Законом 116–123 «О дополнительных ассигнованиях на обеспечение готовности к коронавирусу и реагированию на него» (Coronavirus Preparedness and Response Supplemental Appropriations Act, CPRSAA), различным странам мира было выделено (в том числе через международные финансовые институты) почти 1,8 млрд долл. в виде средств на оказание чрезвычайной медицинской и гуманитарной помощи в области здравоохранения и при стихийных бедствиях [Brown, Lawson, Morgenstern, 2020, p. 1–2]. Законом предусматривались также средства, предназначенные иностранным государствам в качестве финансового содействия в удовлетворении их «потребностей в сфере экономики, безопасности и стабилизации», связанных с пандемией.

При этом Конгресс США постоянно контролировал, следует ли (и в каком объеме) выделять средства на поддержку мер по борьбе с пандемией за рубежом или же эти финансовые ресурсы целесообразнее направить на решение вызванных пандемией проблем внутри страны [Ibid.].

6.2. Специальные меры поддержки отдельных сегментов рынка в 2020 г.

6.2.1. Инструменты торговой и промышленной политики по увеличению поставок на американский рынок медицинских товаров

Вот лишь некоторые из числа чрезвычайных мер торговой политики, оперативно инициированных Конгрессом США и администрацией Д. Трампа в марте-апреле 2020 г. в целях поощрения притока на американский рынок производимых за рубежом товаров медицинского назначения.

- Исключение хирургических масок и одноразовых респираторов, импортируемых из Китая в США, из списка товаров, облагаемых адвалорными запретительными пошлинами.

- Подключение норм Закона об оборонном производстве (Defense Production Act, DPA) к правовым механизмам, позволяющим восполнить пробелы в медицинских поставках для борьбы с пандемией. В рамках этого решения администрация США задействовала DPA, чтобы потребовать от частной компании 3М приоритетного выполнения заказов Федерального агентства по управлению в чрезвычайных ситуациях (Federal Emergency Management Agency, FEMA) на респираторы типа N 95. Одновременно президент Д. Трамп потребовал от компании 3М увеличить количество респираторов, импортируемых в США из-за рубежа, в том числе из Китая, и приостановить экспорт в Канаду и страны Латинской Америки респираторов, производимых в США; однако позже это требование было отозвано.

- Запуск на базе нескольких крупнейших автомобильных компаний США (в том числе «General Motors», «Ford», «Fiat», «Chrysler Automobiles» и «Tesla») производства медицинского оборудования, а также масок, вентиляторов и лицевых щитков вместо автомобилей, сборка которых была свернута из-за разрывов в цепочках поставок комплектующих (см. об этом также выше). В частности, уже 8 апреля 2020 г. Министерство здравоохранения и социальных служб США (United States Department of Health and Human Services) в рамках Закона об оборонном производстве заключило с ведущей автомобилестроительной корпорацией «General Motors» первый контракт на сумму 489 млн долл. на из-

готовление 30 тыс. аппаратов искусственной вентиляции легких (ИВЛ).

- Введение (на ограниченный временной период) нового обязательного правила, согласно которому некоторые виды медицинского оборудования и специальные средства, необходимые для подавления пандемии COVID-19 и обеспечения противоэпидемиологической защиты населения, не могут поставяться на экспорт без прямой санкции FEMA.

- Введение Экспортно-импортным банком США (The Export-Import Bank of the United States, EXIM) новых временных (до 30 сентября 2020 г.) ограничений на финансирование экспорта из США дефицитных медицинских товаров, включая респираторы, маски, перчатки, специальные костюмы Tyvek, лицевые щитки и прочие защитные аксессуары, необходимые для борьбы с COVID-19 [Impact of COVID-19 ..., 2020, p. 13–14].

Кроме того, в Закон CARES дополнительно было включено нескольких положений, касающихся мер по установлению административного контроля за производством и поставками медицинской техники, оборудования и лекарственных средств. В числе таких мер: ужесточение требований к отчетности о нехватке лекарств; предписание производителям лекарств составлять планы управления рисками; предписание Федеральному управлению по контролю за продуктами и лекарствами (U.S. Food and Drug Administration, FDA) вести публичный список видов медицинской техники, в отношении которой будет выявлена нехватка; поручение Национальным академиям наук, инженерии и медицины США провести исследование надежности и защищенности цепочки поставок фармацевтической продукции (см., напр.: [Sutter, Sutherland, Schwarzenberg, 2020, p. 46–54]).

6.2.2. Программы поддержки сельскохозяйственных производителей и дистрибьюторов

В апреле 2020 г. Минсельхоз США (United States Department of Agriculture, USDA) объявил о Программе продовольственной помощи в связи с коронавирусом (Coronavirus Food Assistance Program, CFAP), в рамках которой фермерам и скотоводам было выделено 19 млрд долл. в качестве экстренной помощи для компенсации текущих рыночных сбояв. Из них 16 млрд долл. предна-

значались в виде прямых выплат производителям и 3 млрд долл. – на закупки. В дополнение к CFAP Минсельхоз с июля 2020 г. выделил 470 млн. долл. на закупки сельскохозяйственных товаров. Программа CFAP была свернута в конце 2020 г., но уже с апреля по октябрь 2021 г. в связи с сохранением сложной ситуации на рынках сельхозпродукции из-за новых всплесков пандемии была запущена новая программа CFAP 2.

Основные элементы программы CFAP:

– поддержка фермеров и владельцев ранчо путем предоставления им 16 млрд долл. в виде прямой помощи с учетом фактически понесенных ими потерь из-за колебаний цен на сельскохозяйственную продукцию и разрывов цепочек поставок (на перерабатывающие предприятия пищевой промышленности, в оптовые и розничные сети), чтобы компенсировать сельхозпроизводителям незапланированные дополнительные затраты в ситуации краткосрочного дисбаланса между спросом и предложением, возникшей из-за пандемии;

– поддержка региональных и местных дистрибьюторских компаний, понесших значительные потери в рабочей силе из-за закрытия ресторанов, кафе, гостиниц и объектов разного назначения, на которых расположены точки общественного питания, на сумму 3 млрд долл. для закупки у фермеров свежих овощей и фруктов, молочной и мясной продукции. При этом дистрибьюторам и оптовикам вменялось в обязанность обеспечение поставками продовольствия общественные, религиозные и иные некоммерческие организации, обслуживающие нуждающихся американцев.

Всего помимо программ CFAP и CFAP 2 в течение 2020–2022 гг. Минсельхоз США санкционировал финансирование более полутора десятков различных целевых программ меньшего объема, направленных на поддержку американских фермеров, поставщиков и дистрибьюторов сельхозпродукции, на обеспечение ритмичной и слаженной работы всех цепочек поставок продукции потребителю как на внутренний рынок, так и на экспорт [COVID-19 : supply ..., 2020, p. 5; USDA pandemic ..., 2022].

Помимо названных целевых программ Министерство сельского хозяйства США заявило, что готово использовать любые другие доступные ему возможности для финансирования закупок и распределения продуктов питания среди нуждающихся [USDA pandemic ..., 2022].

Наконец, в рамках Закона CARES было также предусмотрено выделить 300 млн долл. на поддержку рыболовной отрасли и связанных с нею предприятий, пострадавших от пандемии [300 million ..., 2020].

6.3. Первоочередные меры 2021 г. по поддержке экономики и оказанию помощи лицам, пострадавшим из-за пандемии (каденция Дж. Байдена)

Новая администрация, пришедшая в Белый дом в январе 2021 г., сразу заявила о своей решительной поддержке политики снижения безработицы, обеспечения роста занятости и помощи лицам, пострадавшим от увольнений из-за пандемии. При этом первоначально правительство вынуждено было опираться на уже действовавшие правовые акты, доставшиеся ему в наследство от предыдущей администрации.

В числе таких правовых актов следует упомянуть прежде всего несколько скорректированный в конце 2020 г., но сохранявший свое действие и принятый еще при Трампе Закон CARES, а также Закон о консолидированных ассигнованиях на 2021 г. (Consolidated Appropriations Act of 2021, H.R. 133), утвержденный Конгрессом США в самом конце 2020 г. На основании этого закона налоговая служба США (Internal Revenue Service, IRS) в течение очередного финансового года (до конца сентября 2021 г.) должна была предоставлять прямую финансовую помощь через дебетовую карту или чеки пострадавшим от экономического ущерба в связи с увольнениями лицам, имеющим статус обладателя номера соц-обеспечения (SSN), а также некоторым категориям семей со смешанным статусом [Ente, 2020].

В марте 2021 г. президент Дж. Байден выступил с собственной широкомасштабной инициативой, предложив развернуть новый грандиозный план поэтапного восстановления экономики, названный им «Американским планом спасения» (American Rescue Plan, ARP). По сути, это был расширенный, дополненный и пролонгированный трамповский пакет CARES. В табл. 15 суммированы основные мероприятия, которые первоначально предусматривалось реализовать в рамках ARP.

Ключевые элементы исходного пакетного плана антикризисных мероприятий администрации Дж. Байдена на период 2021–2023 гг. по финансовой поддержке рынка труда и стабилизации американской экономики (млрд долл.)

Элементы плана	2021 г.	2022 г.	2023 г.	Всего	Пояснения
1	2	3	4	5	6
Прямая поддержка мер по борьбе с коронавирусной пандемией	112,2	43,0	4,9	160,0	Финансирование поставок необходимых средств и оборудования, оперативное реагирование, тестирование, вакцинирование, привлечение персонала в государственную систему здравоохранения
Выплаты за экономические последствия пандемии (Economic Impact Payments, EIP)	425,0	–	–	425,0	Дополнительные выплаты безработным из-за локдауна не менее 1400 долл. на человека (макс. 2000 долл.) на период с марта по сентябрь 2021 г., распространение программы EIP на детей
Страхование по безработице (Unemployment Insurance)	290,0	–	–	290,0	Увеличение дополнительных текущих выплат в размере 400 долл. по программе UI до конца третьего квартала 2001 г. и расширение сферы охвата программы
Помощь при оплате аренды жилья и коммунальных услуг	35,0	–	–	35,0	Выделение дополнительных 35 млрд долл. на помощь арендаторам жилья, оплату коммунальных услуг, поддержку бездомных. Продление моратория на выселение и отчуждение права выкупа собственности
Поддержка расходов на питание	10,9	1,1	–	12,0	Расширение финансирования программы SNAP (продовольственные талоны)
Оплаченные отпуска	84,0	–	–	84,0	Предоставление 14 недель оплаченного отпуска по семейным и медицинским обстоятельствам в связи с пандемией (до конца 2021 г.)
Поддержка школ K-12 (от детского сада до 12-го класса) и учреждений высшего образования	113,9	45,6	10,5	170,0	Дополнительное финансирование мероприятий по обеспечению безопасности обучения в период действия пандемических ограничений и на постпандемический период
Поддержка служб помощи детям	19,9	14,7	3,8	38,4	Финансовая поддержка поставщиков товаров по уходу за детьми (через Стабилизационный фонд Child Care Stabilization Fund)

Продолжение табл. 15

1	2	3	4	5	6
Поддержка малого бизнеса	50,0	–	–	50,0	Выделение дополнительных грантов и предоставление кредитов по линии Фонда возможностей для малого бизнеса (Small Business Opportunity Fund)
Ситуативная оперативная помощь пострадавшим от пандемии на местах	350,0	–	–	350,0	Ситуативное (гибкое) финансирование из федерального бюджета мероприятий по борьбе с пандемией на уровне штатов, локальных и территориальных органов власти
Транспорт	16,1	3,0	0,9	20,0	Финансовая поддержка наиболее пострадавших от пандемии компаний в сфере общественного транспорта
Поддержка семей	149,0	–	–	149,0	Расширение налоговых кредитов для домохозяйств с низкими и средними доходами, полное возмещение из бюджета налогового кредита на детей
Прочие	90,5	13,5	3,5	107,5	
Итого	1746,4	120,9	23,6	1890,9	

Рассчитано по исправленному: [Zandi, Yaros, 2021, p. 3].

Следует оговориться, что в разных источниках иногда приводились разные суммы финансовой поддержки тех или иных инициатив, предложенных по линии ARP. Дело в том, что первоначальный проект плана еще до внесения его в качестве законопроекта на рассмотрение Конгресса неоднократно корректировался в ходе экспертных и политических дискуссий в самой Демократической партии. Позже, в течение февраля 2021 г., многочисленные корректировки вносились уже в законопроект на этапе его обсуждения в нижней и верхней палатах Конгресса. Тем не менее порядок сумм, прописанных в отдельных строках плана, изменялся незначительно – за исключением некоторых случаев, о которых ниже упоминается особо.

Основной («ударный») пакет мер налогово-бюджетной поддержки пострадавших от пандемии граждан и бизнесов приходился, согласно представленному плану, на 2021 г. При этом наиболее масштабные вливания предполагались по линии прямой финансовой помощи потерявшим работу и на поддержку действий властей штатов и муниципалитетов по борьбе с преодолением последствий пандемии.

Закон ARP фактически поглотил Закон «О налоговых послаблениях в связи с COVID» (COVID-Related Tax Relief Act), принятый Конгрессом еще при Трампе в конце декабря 2020 г.; при этом были внесены изменения и продлены сроки действия налоговых вычетов (и возможность авансовых выплат налоговых вычетов) для оплачиваемых больничных и семейных отпусков в отношении зарплат, начисляемых в период с 1 апреля 2021 г. до 30 сентября 2021 г.

Ниже несколько более детально рассматриваются отдельные элементы оперативного плана Дж. Байдена и некоторые другие его инициативы, имеющие непосредственное отношение к стабилизации ситуации на рынке труда США и поддержке лиц, потерявших работу.

1. *Продление чрезвычайных выплат временно неработающим по болезни или по семейным обстоятельствам.* Согласно проекту ARP, на период до сентября 2021 г. устанавливались дополнительные выплаты из бюджета в размере 1400 долл. каждому пострадавшему от пандемии работнику (по болезни, в связи с лечением или по семейным обстоятельствам) сроком не менее 14 недель. Право на получение такого вспомоществования предоставлялось работникам, оказавшимся на карантине из-за коронавирусной пандемии, ухаживающим за заболевшим членом семьи или вынужденным присматривать за детьми, переведенными на дистанционный режим обучения [Rowan, 2021]. Нелишне напомнить, что аналогичная мера, которой предусматривались пособия неработающим из-за COVID-19 в размере 1000 долл. еженедельно на срок до 12 недель, была введена при Трампе Законом о противостоянии коронавирусу под слоганом «Семьи – в первую очередь» (Families First Coronavirus Response Act), действие которого истекло в конце 2020 г.

2. *Продление действия механизма выплаты специальных антикризисных пособий по безработице до сентября 2021 г.* В соответствии с тем же проектом Американского плана спасения, дополнительные «пандемические» выплаты в размере 400 долл. должны были начисляться еженедельно каждому, кто получает пособие по безработице по программам страхования от безработицы на уровне штатов. Эта схема должна была охватывать также тех, у кого сроки выплаты еженедельных надбавок к пособиям по безработице уже истекли. Новые доплаты, согласно плану, выплачивались начиная с марта 2021 г., т.е. с момента истечения срока действия надбавки в 300 долл. в неделю, установленной законом, принятым при Трампе.

Программа помощи пострадавшим от пандемической безработицы, в соответствии с которой выплачивались пособия самозанятым и лицам со случайными заработками (гиг-работникам), также была продлена до сентября 2021 г. включительно.

3. *Постепенное повышение минимальной федеральной ставки оплаты труда до 15 долл. в час для всех* (включая лиц с ограниченными возможностями, которые получали до этого зарплату по ставке ниже минимальной). По оценкам американского Института экономической политики (EPI), повышение минимальной федеральной почасовой ставки может привести к повышению зарплат в среднем по стране на 21% и будет способствовать преодолению сохраняющихся диспропорций в оплате труда афроамериканцев, цветных и белых работников. Однако существуют опасения, что несбалансированное повышение минимальной почасовой ставки разогреет инфляционные ожидания, что приведет к торможению экономического роста.

Первый шаг в реализации плана по поднятию федерального минимума оплаты труда – повышение до 15 долл. в час минимальной ставки для федеральных служащих, что не требует санкционирования Конгресса и может быть установлено исполнительными распоряжениями президента. Что касается основной массы работников, то решение о повышении федеральной минимальной ставки относится к сфере компетенции Конгресса и может быть принято только после поддержки законодателем соответствующего законопроекта. На начало 2021 г. в 29 штатах нижняя почасовая планка оплаты труда уже и без того превышала федеральный уровень, что некоторым образом подрывало актуальность этого предложения Байдена. Тем временем законопроект 2019 г. о повышении заработной платы (*Raise the Wage Act*), предусматривавший повышение минимальной почасовой федеральной ставки до 9,50 долл. в 2021 г. и до 15 долл. к 2025 г., вновь был внесен демократами в начале 2021 г. на рассмотрение Палаты представителей Конгресса, однако по состоянию на 2022 г. так и не получил одобрения законодателей.

4. *Инвестирование 50 млрд долл. в программы профессиональной подготовки и переподготовки специалистов*, в том числе в краткосрочные и среднесрочные программы повышения квалификации (продолжительностью от нескольких месяцев до двух лет), для отраслей, предъявляющих повышенный спрос на таких работников. Эта инициатива, перехваченная у Трампа, была озвучена Дж. Байденом еще в ходе президентской избирательной кампании.

С учетом непростой ситуации на рынке труда, связанной с массовыми увольнениями работников из тех сфер деятельности, где заработная плата, как правило, невысока и специальной профессиональной подготовки не требуется (досуговые и гостиничные услуги, клиринговые операции, услуги по уходу за больными и престарелыми и пр.), запуск таких программ может помочь оказавшимся за бортом людям найти свое место в новой экономике, которая неизбежно будет формироваться после преодоления пандемического спада.

Упомянутый выше План американского спасения, развернутый Дж. Байденом в январе 2021 г. (еще до официального вступления его в должность президента), был положен в основу законопроекта под аналогичным наименованием, который подвергся некоторым корректировкам в ходе обсуждения в Конгрессе США [Fact sheet..., 2021].

После внесения ряда поправок законопроект, получивший название American Rescue Plan Act of 2021 (Закон об Американском плане спасения 2021), на голосовании в Сенате Конгресса США 6 марта 2021 г. был принят минимальным большинством голосов (50 против 49, при одном воздержавшемся). Все сенаторы-республиканцы проголосовали против. Но все без исключения члены Сената от Демократической партии поддержали законопроект, который вновь был передан в Палату представителей Конгресса для окончательного согласования и утверждения, после чего 11 марта 2021 г. закон был подписан Байденом и вступил в силу [American Rescue ..., 2021].

В круг тем настоящего обзора не входит доскональный разбор политических позиций непримиримо противостоящих друг другу в Конгрессе представителей демократов и республиканцев. Однако нельзя не отметить, насколько разительно различались между собой комментарии к принятому 6 марта 2021 г. закону и его оценки, прозвучавшие из уст титульных законодателей – представителей обеих партий в Сенате США. Лидер демократов в Сенате Ч. Шумер поспешил заявить, что новый закон позволит федеральному правительству оказать больше поддержки большему числу граждан страны, чем когда-либо прежде за многие десятилетия. Со своей стороны, лидер республиканцев в Сенате М. Макконнелл заметил, что Сенат никогда еще не принимал решения о выделении столь гигантских сумм (почти два триллиона долларов) «более бестолковым способом и путем столь плохо организованных законодательных процедур» (цит. по: [Romm, Stein, Werner, 2021]).

В итоге в варианте, подписанном президентом, закон по сравнению с первоначальной версией плана «потяжелел» до 1,9 трлн долл. Меры поддержки граждан предусматривали перезапуск стимулирующих чеков на сумму до 1400 долл. каждый для миллионов американцев, выделение 350 млрд долл. штатам и местным органам власти для поддержки на местах лиц, потерявших в доходах (с обязательной оговоркой о привязке этих сумм к прямым выплатам наличными), перечисление 130 млрд долл. на помощь школам и ассигнования других масштабных сумм на разнообразные программы (в том числе на продовольственные талоны, помощь при аренде жилья и оплате коммунальных услуг, на вакцинирование населения и пр.). Законом также предусматривалось перечисление безработным американцам вплоть до начала сентября 2021 г. по 300 долл. еженедельно (вместо предусмотренных первоначальным Планом спасения 400 долл.) в виде «пандемических» доплат к регулярным пособиям по безработице [American Rescue ..., 2021].

В конце 2021 г. президентом Байденом был подписан утвержденный Конгрессом США масштабный закон «Инвестиции в инфраструктуру и рабочие места» (Infrastructure Investment and Jobs Act of 2021, ИИЖА), который восходил к инициированному Байденом еще в марте 2021 г. Американскому плану создания рабочих мест (в результате скорректированному по целевым направлениям финансирования и несколько урезанному по объемам выделяемых бюджетных средств). По линии закона предусматривается финансирование различных программ восстановления американской экономики на многие миллиарды долларов. С апреля 2021 г. ведется законодательная работа по предложенному администрацией Американскому плану поддержки семей (American Families Plan [President Biden's ..., 2021], АФП), направленному прежде всего на снижение уровня бедности в стране, который предполагалось принять в 2022 г. и который по состоянию на середину 2022 г. так и не был принят.

Обе упомянутые выше инициативы, строго говоря, не являются элементами политики, нацеленными на преодоление последствий коронавируса, хотя и содержат направления действий, подсказанные экономическими проблемами, которые обнажила пандемия COVID-19. Речь идет о многоцелевых программных пакетах средне- и долгосрочной структурной реорганизации американского рынка труда, укрепления доходной базы семей с низкими доходами, восстановления и строительства объектов инфра-

структуры, решения климатических проблем и пр. Поэтому в настоящем обзоре эти элементы экономической и социальной политики Дж. Байдена детально не рассматриваются.

Наконец, в марте 2022 г. президент Байден выступил с очередной стратегической инициативой, получившей название «Национальный план обеспечения готовности к COVID-19» (National COVID-19 Preparedness Plan). Планом, который в течение 2022 г. проходит согласование и «утражку» в Конгрессе, предусматривается выделение бюджетных ассигнований на развертывание программ по четырем основным направлениям: принятие мер по защите и лечению населения США от COVID-19; обеспечение готовности системы здравоохранения к появлению новых вариантов коронавируса; меры по предотвращению шатдаунов в экономике и в сфере образования; наращивание усилий по проведению вакцинации и спасению жизней людей по всему миру [National COVID-19 ..., 2022].

Всего с учетом как Закона ARP, так и санкционированных Конгрессом еще в декабре 2020 г. пролонгаций законов о финансовой помощи гражданам, в первую очередь безработным, пострадавшим от пандемии, набирается порядка 3 трлн долл. щедрых финансовых вливаний в американскую экономику только за один 2021 г., а это, ни много ни мало, целых 14% ВВП страны в докризисный период. Если же к этой цифре добавить еще триллионы долларов в виде разных форм финансовой и кредитной помощи из федерального бюджета, которые прозорливая американская экономика с жадностью проглотила в 2020 г., то получится астрономическая сумма порядка 5,3 трлн долл. Ко всему, ФРС и казначейство в 2021 г. вложили в банковскую систему около 2,5 трлн долл.

В табл. 16 суммированы пакетные меры налогово-бюджетной политики США в период 2020–2021 гг.

Аналитики лондонского еженедельника «The Economist», потрясенные этими завораживающими цифрами, высоко оценивали в начале 2021 г. шансы на быстрое восстановление американской экономики уже в 2021 г. Оптимизм им внушал тот факт, что в январе 2021 г. объем розничных продаж в Америке был уже на 7,4% выше, чем в январе 2020 г. Впрочем, это вполне объяснимо: особенностью пандемического спада, в отличие от классического кризиса, является сокращение потребительского спроса не из-за снижения покупательской платежеспособности, а из-за ограничений в возможностях совершать покупки, когда действует режим SAH, а многие торговые точки и увеселительные заведения закрыты.

По сути, у населения, подкормленного свалившимися на него из бюджетного рога изобилия деньгами, образовался своего рода навес сбережений из-за отложенного спроса. По оценкам, которые приводит «The Economist», такой навес за 2020 г. достиг внушительного объема в 1,6 трлн долл. [Joe Biden's ..., 2021].

Таблица 16

Бюджетные ассигнования, затраты, льготы и иные меры поддержки американской экономики, бизнеса и домохозяйств в условиях пандемии, предусмотренные пакетным законодательством 2020–2021 гг. (млрд долл.)

Линии финансовой поддержки мер по преодолению последствий пандемии в рамках налогово-бюджетной политики США	Стоимость пакетных мер 2020 г. (Трамп)*	Стоимость пакетных мер 2021 г. (Байден)**	Совокупный стоимостной объем мер поддержки
Поддержка малого бизнеса	909	59	968
Меры стимулирования экономики	456	411	867
Дополнительные компенсации безработным	561	203	764
Ассигнования на общественное здравоохранение	483	174	657
Налоговые льготы	390	176	566
Прямая помощь властям штатов и округов	150	362	512
Поддержка образования	112	170	282
Прочие затраты	418	301	719
Совокупная стоимость мер поддержки	3 479	1 856	5 335

* Бюджетные ассигнования, затраты, льготы и иные меры поддержки экономики, бизнеса и домохозяйств в условиях пандемии в 2020 г., включая: Закон от 06.03.2020 «О дополнительных ассигнованиях на обеспечение готовности к коронавирусу и реагирование на него», Закон от 18.03.2020 «О противодействии коронавирусу (в первую очередь – семье)», Закон от 27.03.2020 «О поддержке, помощи и экономической безопасности в условиях коронавируса» (CARES), Закон от 24.04.2020 «О программе защиты заработной платы и улучшения медицинского обслуживания» и сопутствующее законодательство.

** Бюджетные ассигнования, затраты, льготы и иные меры поддержки экономики, бизнеса и домохозяйств в условиях пандемии в 2021 г. в рамках Закона от 6 марта 2021 г. «Американский план спасения» и сопутствующих ему законодательных и подзаконных актов.

Источник: Legislation enacted to combat the Coronavirus pandemic // Peter G. Peterson Foundation. – 2021. – URL: <https://www.pgpf.org/sites/default/files/2021-total-coronavirus-legislation-graphic.pdf> (date of access: 28.09.2022).

По мере открытия экономики этот отложенный спрос начал постепенно рассасываться, давая стимул бизнесу наращивать объемы производства товаров и услуг и, соответственно, создавать новые рабочие места. Тем самым был запущен кумулятивный механизм разогрева экономики, и страна сама себя стала «вытаскивать за уши» из кризисной ямы. Игра, конечно, была рискованная. К тому же, как тогда с осторожностью отмечали эксперты из

«The Economist», многое зависело от того, как в дальнейшем поведет себя вирус, т.е. насколько быстро удастся минимизировать негативные эффекты от пандемии [Joe Biden's ..., 2021].

На самом деле следовало бы принять в расчет еще один фактор, на который в 2020 г. мало кто обращал внимание. Вирус, конечно, мог вести себя по-разному, и необязательно так послушно, как рассчитывали прогнозисты из «The Economist». Как показало дальнейшее развитие событий, он никуда не ушел, и на протяжении 2021–2022 гг. волны новых вариантов коронавируса продолжали захлестывать Америку (как, впрочем, и весь мир), причем как контагиозность новых вариантов вируса, так и масштабы летальности сохранялись на неприемлемо высоком уровне. Но изменилось другое: изменилось восприятие вируса в американском социуме и, самое главное, в структурах, ответственных за принятие решений.

Из двух по сути взаимоисключающих целей, к которым поначалу одновременно пыталась стремиться администрация (с одной стороны, вводя требования социальной и физической изоляции граждан, чтобы блокировать распространение пандемии, а с другой стороны – стремясь избежать резкого торможения экономики из-за массового закрытия бизнесов, рыночных провалов и падения доходов), акцент совершенно явно был перенесен на вторую цель. Отчасти этому способствовали массовая вакцинация и вера в спасительную силу популяционного иммунитета; отчасти – реальная угроза экономической катастрофы, которая в мае 2020 г. ощущалась как вполне неизбежная, если не ослаблять введенные ограничения и одновременно «подпитывать» бизнес и домохозяйства из бюджетных ресурсов государства посредством прямой помощи или налоговыми послаблениями.

Однако не все шло так гладко, как хотелось бы. Еще по итогам третьего квартала 2021 г. возникли некоторые тревожные ожидания, что американская экономика, взяв круто вверх в конце 2020 – начале 2021 г., стала притормаживать. В октябре 2021 г. лондонский «The Economist» с осторожностью фиксировал, что фаза «турбонаддува» в восстановлении американской экономики после пандемии COVID-19 закончилась. Темпы роста в третьем квартале упали до 2% в год, что ниже и без того слабых ожиданий и значительно ниже 6,7% во втором квартале. В обычное время несколько месяцев роста на 2% были бы восприняты как небольшой спад, но не как повод для чрезмерного беспокойства. Но учитывая, что Америка все еще восстанавливалась после глубокой

рецессии, вызванной пандемией, это, безусловно, сигнализировало о том, что не все пошло так, как предполагалось еще летом 2021 г. Быстрое расширение экономики в первом-втором кварталах должно было вернуть макроэкономические параметры почти к тем показателям, которых они достигли бы, не случись пандемии. Однако статистические прогнозы для последнего квартала 2021 г. показывали в октябре, что значительный разрыв между ожидаемым и действительным все еще сохранялся [America's post-covid ..., 2021]. Назывались три основные причины замедления роста американской экономики.

Во-первых, как раз тогда, когда казалось, что Америка начинает оставлять пандемию позади, вариант Delta, как и во всем мире, поднял голову. Лето 2021 г., начавшееся с оживленных ресторанов, возобновления работы скаутских лагерей и массового бронирования авиабилетов, закончилось новой волной опасений. Судя по опросам, уверенность потребителей в оживлении рынка падала на протяжении всего третьего квартала 2021 г. [Ibid.].

Во-вторых, сохранявшаяся напряженность в цепочках поставок отрицательно сказывалась на объемах производства. Фабрики по всему миру, особенно в Азии, сами боролись за удовлетворение спроса в условиях пандемии. А когда товары прибывали морем в Америку, они, как правило, все еще сталкивались с дополнительными задержками из-за переполненных портовых терминалов и нехватки перевалочного персонала в грузовых компаниях.

Наконец, в-третьих, щедрая финансовая поддержка, которую федеральное правительство оказывало бизнесу и домохозяйствам в разгар пандемии, к концу 2021 г. фактически сошла на нет. В марте 2021 г. был выдан последний из трех стимулирующих чеков для физических лиц и домохозяйствам пришлось подпитываться из своих сбережений. Между тем в начале сентября 2021 г. истек срок действия расширенного пособия по безработице [Ibid.].

Тем не менее реальность оказалась не столь пессимистичной, как она рисовалась экспертам из «The Economist». К слову, еще в марте 2021 г. в своем прогнозе на среднесрочную перспективу эксперты ОЭСР предсказали, что к концу 2022 г. американская экономика полностью преодолет спад и станет еще больше (по объему ВВП), чем была до пандемии. На самом деле ВВП США уже к концу 2021 г. достиг допандемических значений, а к началу 2022 г. не только восстановился до уровня, существовавшего до пандемии, но и превысил его, увеличившись за период с конца 2019 г. до конца 2021 г. с 21,7 трлн до 24 трлн долл. Но основа-

ния для оптимизма начали таять в первом полугодии 2022 г., когда темпы роста ВВП США вновь стали отрицательными и страна снова погрузилась в техническую рецессию.

Обозначились и новые проблемы. Уже в 2021 г. появились опасения раскручивания инфляционной спирали, поскольку индекс потребительских цен (Consumer Price Index, CPI) достиг уже 7,0%, а индекс цен производителей (Producer Price Index, PPI) взлетел до 16,7% (в среднегодовом исчислении). Хотя, по мнению некоторых наблюдателей, рост цен может отчасти объясняться сохраняющимися разрывами в цепочках поставок, инфляционные ожидания, источники которых связывают с не слишком осторожной фискальной политикой и с ростом задолженности, привели к тому, что уровень поддержки инициатив администрации Дж. Байдена, направленных на оздоровление экономики, заметно снизился, а ФРС стала подавать сигналы о предстоящем неизбежном повышении нормы процента.

6.4. Контрпандемическая денежно-кредитная политика 2020–2021 гг.

Для удержания страны от экономических потрясений, вызванных пандемией COVID-19, ФРС пришлось пойти на беспрецедентные по масштабу и оперативности меры. Опираясь на опыт Великой рецессии 2008–2009 гг., ФРС (которую иногда не совсем корректно именуют Центральным банком США) менее чем за 100 дней с начала пандемии смогла не только ввести в действие уже проверенный на практике набор антикризисных инструментов, но и инициировать новые механизмы кредитно-денежной политики, согласованные с оперативными решениями администрации в области налогового и бюджетного регулирования.

К началу июня 2020 г. баланс ФРС вырос до пика в 7,17 трлн долл. (предыдущий максимум, достигнутый в начале 2015 г., составлял 4,5 трлн долл.). Увеличение произошло в основном за счет покупки казначейских облигаций и агентских ипотечных ценных бумаг, но другим ключевым компонентом, согласно данным Центрального банка, стало расширение линий кросс-валютных свопов на 445 млрд долл. Однако спрос на доллары, предлагаемые ФРС, так и не превысил уровень, наблюдавшийся во время Великой ре-

цессии 2008–2009 гг., когда ФРС в последний раз принимала подобные меры по наращиванию ликвидности [Impact of COVID-19 ..., 2020, p. 20].

Ниже перечислены основные инструменты, использованные ФРС, отражающие реакцию кредитно-денежной системы США на вызовы пандемии и направленные на подавление негативных эффектов пандемического шока 2020 г. для американской экономики. Почти все из перечисленных далее решений и действий были приняты ФРС в марте 2020 г., большинство – 15 марта 2020 г.

Процентные ставки. Прежде всего ФРС понизила ключевую процентную ставку, предложив неограниченное количественное смягчение (quantitative easing) и задействовав хорошо зарекомендовавшие себя в период Великой рецессии инструменты, поддерживающие функционирование финансовых рынков.

Федеральный комитет по открытым рынкам (Federal Open Market Committee, FOMC), входящий в структуру ФРС и, по сути, определяющий денежно-кредитную политику страны, 3 и 15 марта 2020 г. экстренно снизил процентную ставку на 0,5 и на 1% соответственно, доведя ее тем самым фактически до нулевой границы и удерживая ее, как и в период после Великой рецессии, в целевом диапазоне 0–0,25 базисных пункта. В заявлении от 15 марта ФРС воспользовалась также так называемыми перспективными рекомендациями – важным инструментом из имеющегося в ее распоряжении арсенала, применяемым для стабилизации кредитно-финансового рынка страны в условиях нарастания ожиданий неопределенности и обозначающим среднесрочные перспективы управления ключевой ставкой. Тем самым ФРС продемонстрировала, что намерена поддерживать установленный целевой диапазон до тех пор, пока не появится уверенность, что экономика в основном справилась с пандемическим шоком и стала на путь возвращения к базовым целям достижения максимальной занятости и ценовой стабильности. Более того, в июне 2020 г. все члены FOMC высказались за сохранение курса на удержание ставок в районе около нуля и в следующем, 2021 г., а подавляющее большинство высказали намерение удерживать ставки неизменными до 2022 г. включительно [Federal Reserve ..., 2020b].

Количественное смягчение. 15 марта 2020 г. ФРС возобновила программу количественного смягчения, объявив о намерении нарастить в ближайшие месяцы свои запасы казначейских ценных бумаг не менее чем на 500 млрд долл., а запасы ипотечных ценных бумаг агентств – не менее чем на 200 млрд долл., с тем чтобы под-

держат бесперебойное функционирование рынков казначейских ценных бумаг и ипотечных ценных бумаг агентств, которые играют центральную роль в предоставлении кредитов домохозяйствам и бизнесу.

23 марта 2020 г. ФРС пошла еще дальше и взяла на себя обязательство неограниченной покупки казначейских облигаций США и ипотечных ценных бумаг агентств. Снятие ограничений на запланированные покупки в рамках программы количественного смягчения означало также, что в стоимостном измерении баланс ФРС заметно увеличится, поскольку она стала покупателем последней инстанции на рынках ценных бумаг с фиксированным доходом [Milstein, Wessel, 2021].

Дисконтное окно. 15 марта ФРС открыла дисконтное окно для коммерческих банков и призвала их использовать свои собственные резервы для расширения кредитования домохозяйств и бизнесов, поскольку производство товаров и услуг в тех секторах экономики, где неизбежны личные контакты между работниками, фактически было приостановлено из-за предписаний о соблюдении правил социального дистанцирования.

Механизм дисконтного окна, с помощью которого ФРС осуществляет кредитование депозитарных учреждений, играет важную роль в поддержании ликвидности и стабильности банковской системы и эффективной реализации денежно-кредитной политики. Предоставляя свободный доступ к финансированию, дисконтное окно помогает депозитарным учреждениям эффективно управлять рисками ликвидности и избегать действий, имеющих негативные последствия для их клиентов, таких как изъятие кредитов в периоды рыночного стресса. Таким образом, дисконтное окно позволяет поддерживать бесперебойный поток кредитования для домохозяйств и бизнеса.

ФРС также изменила некоторые параметры дисконтного окна для коммерческих банков. Важнейшим из изменений в условиях функционирования дисконтного окна, объявленных ФРС 15 марта 2020 г., было сужение спреда первичной кредитной ставки относительно общего уровня процентных ставок овернайт, чтобы стимулировать более активное использование дисконтного окна депозитарными учреждениями для удовлетворения непредвиденных потребностей в финансировании [The discount ..., 2020].

Первичная ставка по кредиту. 15 марта 2020 г. ФРС объявила о снижении первичной кредитной ставки на 150 базисных пунктов, т.е. до 0,25%. Это был достаточно агрессивный шаг со

стороны Центрального банка, предпринятый с целью снять обвинения, связанные с открытием дисконтного «окна» (поскольку в результате учетная ставка оказалась равной ставке овернайт) [Impact of COVID-19 ..., 2020, p. 23].

Банковские требования. 15 марта 2020 г. ФРС отменила резервные требования, что позволило банкам высвободить порядка 140 млрд долл., которые они могли перераспределить на другие цели (например, на рынок РЕПО, который испытывал дефицит ресурса).

TLAC. 23 марта 2020 г. ФРС внесла изменения в порядок использования совокупного потенциала поглощения убытков (Total Loss Absorbing Capacity, TLAC)¹, чтобы стимулировать банки использовать свой капитал и запасы (буферы) ликвидности для поддержки экономики во время пандемии COVID-19 [Milstein, Wessel, 2021].

Своп-линии. 15 марта 2020 г. ФРС совместно с Банком Канады, Банком Англии, Банком Японии, Европейским центральным банком (ЕЦБ) и Швейцарским национальным банком объявила о скоординированных действиях по расширению предоставления ликвидности через постоянные своп-линии ликвидности в долларах США. Своп-линии фактически предоставляют центральным банкам отдельных стран и объединений стран доступ к долларам в обмен на их собственную валюту. 19 марта 2020 г. ФРС распространила своп-линии на дополнительные страны, заявив, что новые своп-линии, рассчитанные как минимум на шесть месяцев, обеспечат долларовой ликвидностью (по 60 млрд долл.) центральные банки Австралии, Бразилии, Республики Корея, Мексики, Сингапура и Швеции, а также по 30 млрд долл. – центральные банки Дании, Норвегии и Новой Зеландии [Impact of COVID-19 ..., 2020, p. 23].

Рынок РЕПО. Весной 2020 г. ФРС значительно расширила масштабы операций РЕПО, чтобы поощрить переток наличных средств на денежные рынки, тем самым фактически поддержав неограниченное предложение денег. 16 марта 2020 г., после появ-

¹ TLAC – международный стандарт, призванный обеспечить наличие у глобальных системообразующих банков (G-Sibs) достаточного собственного капитала и долга под залог, чтобы иметь возможность «перекинуть» убытки инвесторам и минимизировать риски вмешательства государства в спасение национальной банковской системы. Принципы TLAC распространяются на восемь крупнейших банков США и на некоторые иностранные банки, осуществляющие операции в США.

ления признаков напряженности на денежном рынке и несмотря на принятые накануне чрезвычайные меры, ФРС еще больше усилила свои интервенции на рынках краткосрочного финансирования, а Федеральный резервный банк Нью-Йорка заявил, что он готов предоставить дополнительно 500 млрд долл. в виде однодневного финансирования на рынке РЕПО, чтобы инвесторы могли обменять низкорисковые обязательства (например, казначейские бумаги) на наличные деньги [Impact of COVID-19 ..., 2020, p. 21].

CPFF. Механизм финансирования коммерческих бумаг (Commercial Paper Funding Facility, CPFF), предназначенный для содействия выпуску коммерческих бумаг компаниями и муниципалитетами и в последний раз использовавшийся в период Великой рецессии, также был оперативно задействован на фоне алармистских перспектив, угрожающих финансовым рынкам в связи с распространением пандемии и введением режимов ограничений. 17 марта 2020 г. ФРС фактически бросила корпоративному сектору США «спасательный круг», объявив, что собирается покупать коммерческие бумаги через механизм CPFF. 23 марта ФРС объявила, что CPFF будет открыт для надежных (высококачественных) долговых обязательств, выпущенных муниципалитетами. CPFF перестала скупать коммерческие ценные бумаги после 31 марта 2021 г., однако Федеральный резервный банк Нью-Йорка, входящий в ФРС, продолжил финансирование CPFF [Commercial Paper ..., 2020; The Commercial Paper ..., 2021].

PDCF. 17 марта ФРС предприняла также новые агрессивные действия для наращивания объемов ликвидности на финансовых рынках, разрешив санкционированным дилерам, работающим по государственным долговым обязательствам (включая крупнейшие банки), занимать денежные средства под финансирование бизнеса и домохозяйств через так называемый кредитный механизм первичных дилеров (Primary Dealer Credit Facility, PDCF) под залог некоторых акций, муниципальных долговых обязательств и корпоративных облигаций с достаточно высоким рейтингом.

Подобные действия, ранее вводившиеся в период Великой рецессии, свидетельствовали о высокой степени озабоченности ФРС здоровьем рынков краткосрочного финансирования, свергнутых в хаос как самой пандемией, так и мерами противодействия ей. Механизм PDCF, запущенный 20 марта 2020 г. со сроком действия не менее полугода (с возможностью последующего продления), предлагал финансирование овернайт и срочное финансирование со сроком погашения до 90 дней.

PDCF использовался для укрепления ликвидности на финансовых рынках, позволяя санкционированным дилерам, работающим с государственными долговыми обязательствами, занимать денежные средства под залог некоторых акций, муниципальных долговых обязательств и корпоративных облигаций, обладающих высоким рейтингом [Milstein, Wessel, 2021].

Кредит, предоставлявшийся первичным дилерам в рамках данного механизма, мог быть обеспечен широким спектром долговых ценных бумаг инвестиционного класса (включая, как сказано выше, коммерческие бумаги и муниципальные облигации), а также широким спектром долевых ценных бумаг. В качестве процентной ставки использовалась ставка первичного кредита или ставка дисконтирования Федерального резервного банка Нью-Йорка. Механизм PDCF был «отключен» ФРС лишь 31 марта 2021 г. [Federal Reserve ..., 2020b]; это может служить косвенным свидетельством того, что экономика США к весне 2021 г. миновала пандемические «рифты» и обрела достаточную устойчивость, а кредитно-денежная система в целом справилась с поставленными перед нею задачами [Ibid.].

MMLF. Новый кредитный механизм ФРС, предназначенный для обеспечения ликвидности денежного рынка на базе взаимных фондов (Money Market Mutual Fund Liquidity Facility, MMLF), был создан 18 марта 2020 г. с целью предоставления санкционированным ФРС финансовым учреждениям США кредитов, обеспеченных высококачественными активами, приобретенными этими учреждениями у взаимного фонда денежного рынка. 20 марта ФРС распространила финансово-кредитную механику MMLF на некоторые муниципальные фонды, а 23 марта заявила, что MMLF будет работать с еще более широким спектром ценных бумаг, в том числе с муниципальными векселями до востребования с переменной ставкой и с банковскими депозитными сертификатами.

Механизм MMLF стал третьим, объявленным ФРС всего за одну неделю марта 2020 г., и был создан на основании чрезвычайных полномочий по предоставлению кредитов после предыдущих не слишком удачных попыток поддержать рынок краткосрочного коммерческого долга и расширить кредитование крупных финансовых учреждений, известных как первичные дилеры, выступающих на финансовых рынках в качестве эксклюзивных контрагентов ФРС. На покрытие возможных убытков ФРС предполагалось предоставление ей 10 млрд долл. из Стабилизационного валютного

фонда (Exchange Stabilization Fund, ESF) Казначейства США [The Money Market ..., 2021].

TALF. 23 марта 2020 г. ФРС объявила о возобновлении работы еще одного механизма времен Великой рецессии – кредитования срочных ценных бумаг, обеспеченных активами (Term Asset-Backed Securities Loan Facility, TALF), для поддержки рынков потребительского и бизнес-кредитования. Приемлемым обеспечением в рамках TALF признаются ценные бумаги, в которых базовые кредитные риски относятся к одной из следующих категорий: автокредиты и лизинг; студенческие кредиты; дебиторская задолженность по кредитным картам (как потребительским, так и корпоративным); кредиты на закупку и лизинг оборудования; кредиты на приобретение жилья; кредиты на финансирование премий по страхованию имущества и от несчастных случаев; некоторые виды кредитов для малого бизнеса, гарантированные Управлением по делам малого бизнеса (SBA); кредиты с использованием заемных средств; коммерческая ипотека. TALF позволяет ФРС покупать ценные бумаги, обеспеченные вышеупомянутыми кредитами и кредитными картами [Term Asset-Backed ..., 2020].

PMCCF и SMCCF. 23 марта 2020 г. ФРС также объявила о запуске двух новых механизмов корпоративного кредитования: на первичном рынке (Primary Market Corporate Credit Facility, PMCCF) и на вторичном рынке (Secondary Market Corporate Credit Facility, SMCCF).

PMCCF предназначен для поддержки новых выпусков облигаций и займов. Посредством PMCCF осуществлялось кредитование преимущественно инвестиционных компаний путем предоставления им кредитной поддержки сроком на четыре года [Primary Market ..., 2020].

В свою очередь, через механизм SMCCF, созданный для обеспечения ликвидности непогашенных корпоративных облигаций, производилась покупка корпоративных облигаций инвестиционного класса, выпущенных компаниями с высоким рейтингом, а также облигаций биржевых фондов, зарегистрированных («листингованных») в США, на рынке корпоративных облигаций инвестиционного класса [Secondary Market ..., 2020].

16 июня 2020 г. действие механизма SMCCF было распространено на процедуры покупки биржевых фондов в рамках дальнейших усилий по поддержке финансовых рынков и облегчению условий кредитования, а ФРС объявила о старте закупок отдельных корпоративных облигаций через механизм SMCCF в про-

блемной ситуации, сложившейся из-за последствий локдаунов и шатдаунов.

Первоначально средства, выделенные на поддержку бизнеса, домохозяйств, закредитованных физлиц через механизмы TALF, PMCCF и SMCCF, составили в совокупности 300 млрд долл. При этом Министерство финансов США взяло на себя обязательство покрыть из казны возможные убытки по этим программам на сумму 30 млрд долл.

Однако уже с 9 апреля 2020 г., после вступления в силу многоцелевого масштабного закона CARES (*см. подробнее пункт 6.1.*), сфера действия и масштабы финансовой и кредитной поддержки спроса и предложения на американском рынке через механизмы корпоративного кредитования на первичном и вторичном рынках кредитов (PMCCF и SMCCF), а также через механизм кредитования срочных ценных бумаг, обеспеченных активами (TALF), были расширены для увеличения потока кредитов домохозяйствам и бизнесу через рынки капитала.

Ресурсы кредитования, «прокачиваемые» через эти три механизма, были резко увеличены до 850 млрд долл., при 10%-ном, как и прежде предусматривалось, обеспечении их кредитной защитой, предоставляемой казначейством (т.е. теперь уже в объеме 85 млрд долл.). Среди изменений, внесенных ФРС в механизм PMCCF в апреле, были новации, касающиеся покупки ФРС высокодоходных долговых обязательств. ФРС проявила готовность скупать высокодоходные корпоративные облигации биржевых фондов (Exchange-Traded Funds, ETF), а также долговые обязательства компаний, которые 22 марта 2020 г. имели рейтинг высокого инвестиционного уровня, однако впоследствии были понижены до уровня ниже инвестиционного (при условии, что их рейтинг должен оставаться не ниже BB-/Ba3) [Term Asset-Backed ..., 2020; Primary Market ..., 2020; Secondary Market ..., 2020].

РЕПО для FIMA. 31 марта 2020 г. ФРС объявила о создании механизма реализации соглашения об обратном выкупе (РЕПО) для иностранных и международных валютных органов (REPO Facility for Foreign and International Monetary Authorities, FIMA REPO), который наряду со своп-линиями ликвидности в долларах США призван был способствовать ослаблению напряженности на глобальных рынках финансирования в долларах США. Этот механизм позволял владельцам счетов FIMA (центральным банкам других стран и международным валютным органам, имеющим счета в Федеральном резервном банке Нью-Йорка) заключать с

ФРС соглашения РЕПО для временного обмена казначейских облигаций США на доллары. Действие механизма FIMA REPO первоначально было рассчитано на полгода, но затем было продлено до сентября 2021 г. [Foreign and ..., 2021; The Fed's ..., 2021].

Ослабление нормативных требований к отдельным видам ценных бумаг. 1 апреля 2020 г. ФРС приняла решение временно (до 31 марта 2021 г.) освободить казначейские ценные бумаги США и депозиты в федеральных резервных банках от необходимости их обязательного соответствия требованиям правила так называемого дополнительного коэффициента левериджа (Supplementary Leverage Ratio, SLR). Это решение, сопровождаемое введением соответствующего администрирования, было принято в связи с перенакоплением резервов и ухудшением условий ликвидности на рынке казначейских ценных бумаг и позволило финансовым учреждениям укрепить свои балансы, с тем чтобы они могли продолжать эффективно выполнять функции финансовых посредников в сложных экономических условиях, связанных с распространением пандемии коронавируса [Milstein, Wessel, 2021].

Наконец, 9 апреля 2020 г. ФРС объявляет о запуске новых инициатив и о расширении уже существующих с целью предоставления кредитов на сумму до 2,3 трлн долл. для поддержки экономики в условиях нарастающего пандемического шквала.

1. **PPPLF.** В соответствии с новым механизмом обеспечения ликвидности в рамках Программы защиты платежных чеков (Paycheck Protection Program Liquidity Facility, PPPLF) кредиты предоставлялись соответствующим финансовым учреждениям, выдававшим, в свою очередь, заемные средства по Программе защиты платежных чеков (Paycheck Protection Program, PPP) и принимавшим кредиты в качестве залога по их номинальной стоимости. Механизм PPPLF, служивший, по сути, обеспечительной надстройкой к программе PPP, позволил повысить эффективность применения этой программы, администрируемой Управлением по делам малого бизнеса США (SBA), путем предоставления необходимых объемов ликвидности участвующим в программе PPP финансовым учреждениям (через механизм срочного финансирования, обеспеченного кредитами PPP для малого бизнеса) [Paycheck Protection ..., 2021].

2. **MSLP.** Программа поддержки заимствований «Главная улица»¹ (Main Street Lending Program, MSLP) призвана обеспечивать кредитные потоки как малому и среднему бизнесу, так и неприбыльным организациям путем приобретения кредитов на сумму до 600 млрд долл. Фонд MSLP осуществлял предоставление кредитов по пяти линиям: новых, приоритетных и продлеваемых займов для малого и среднего бизнеса, новых и продлеваемых займов для некоммерческих (неприбыльных) организаций. Министерство финансов США, используя финансирование, предусмотренное законом CARES, выделило 75 млрд долл. в качестве акционерного капитала для этого фонда [Main Street ..., 2022].

30 апреля 2020 г. ФРС объявила о расширении как сферы охвата MSLP, так и области правоприменения условий предоставления заемных средств в рамках MSLP. Изменения предусматривали, в частности: введение еще одного варианта кредитования с повышенным распределением рисков кредиторов для заемщиков с большим кредитным «плечом» (левериджем); снижение минимальной суммы кредита для некоторых кредитов до 500 тыс. долл.; расширение круга предприятий, имеющих право на получение кредита [Ibid.].

3. **MLF.** Фонд муниципальной ликвидности (Municipal Liquidity Facility, MLF). MLF предлагал штатам и муниципалитетам кредиты на сумму до 500 млрд долл. При этом казначейство обеспечивало кредитную защиту MLF на сумму 35 млрд долл., используя средства, выделенные на основании Закона CARES. 27 апреля 2020 г. ФРС объявила о расширении масштабов и продолжительности действия MLF, добавив новые пороговые значения численности населения, которые позволяли значительно большему количеству организаций напрямую заимствовать средства из MLF по сравнению с первоначальным планом, объявленным 9 апреля.

Таковы были основные программы, запущенные в действие ФРС весной 2020 г. и имевшие целью облегчение пандемического бремени для американского бизнеса и домохозяйств. 29 июля

¹ В современном американском лингвокультурном дискурсе понятие «Главная улица» (Мэйн-стрит) обозначает повседневные нужды простых людей и собственников предприятий малого бизнеса (в отличие, например, от понятия «Уолл-стрит», которое ассоциируется с интересами крупнейших финансовых корпораций).

2020 г. ФРС объявила о продлении до 31 марта 2021 г. временных своп-линий долларовой ликвидности и временного механизма соглашения об обратном выкупе для иностранных и международных валютных органов (механизм РЕПО FIMA) [Impact of COVID-19 ..., 2020]. В конце июля 2021 г. было объявлено о продлении до конца года семи упомянутых выше программ, срок действия которых истекал осенью, в том числе PDCF, MMLF, RMCCF, SMCCF, TALF, PPPLF и программы кредитования «Главная улица».

Наиболее важное значение для поддержки американской экономики в критический период рыночного стресса, порожденного пандемией, имела программа PPP, предусматривавшая, как уже отмечалось, льготное кредитное обеспечение (через механизм платежных чеков), сохранение объемов выплат заработной платы работникам, занятым в малом бизнесе. Кредиты, выделявшиеся малым предприятиям в рамках этой программы, вписанной в базовый Закон CARES, в сочетании с чрезвычайными инструментами фискальной политики, предусмотренной этим законом, позволили огромному числу небольших бизнесов, работающих по линиям B2P и B2B, пережить наиболее сложный период массовых локдаунов и шатдаунов весной 2020 г., сохранив значительную часть своего персонала в платежных ведомостях и тем самым обеспечив быстрое восстановление реальной занятости уже к началу третьего квартала 2020 г.

В целом перечисленные выше меры, принятые в соответствии с правилами раздела 13 (3) Закона о ФРС и введенные в действие механизмы, позволили оперативно, с упреждающей динамикой, перефокусировать финансовый рынок США, нацелив его на решение острых проблем в кредитно-финансовой сфере из-за пандемической рецессии.

В широком смысле целевое назначение разнообразных механизмов и мер, задействованных ФРС, заключалось в обеспечении функционирования финансовых рынков, стимулировании банков к расширению объемов кредитования, поддержке корпораций и бизнеса (в первую очередь малого и среднего), помощи домохозяйствам и потребителям, облегчении возможностей государственных и муниципальных заимствований и защите денежных рынков США от международного давления.

7. Постпандемическая инфляция 2021–2022 гг. и действия ФРС

В первой половине 2021 г. восстановление американской экономики шло достаточно быстрыми темпами, несмотря на сохраняющиеся угрозы новых всплесков массового инфицирования населения и появления новых штаммов коронавируса. Однако переход к умеренно устойчивому экономическому росту был неравным: уже в первом квартале 2022 г. показатели динамики ВВП ушли в минус. Перспективы улучшения общей макроэкономической ситуации омрачались высоким уровнем инфляции. С марта 2022 г. изменение индекса потребительских цен (CPI) в среднегодовом измерении превысило 8%.

Пандемия, как и предсказывали некоторые экономисты, поначалу привела к изменениям в структуре спроса на товары и услуги за счет увеличения доли спроса на товары, поскольку спрос на услуги в большей степени пострадал из-за введения мер социального дистанцирования, и пока не ясно, насколько продолжительным окажется подобное изменение структуры спроса [U.S. economic ..., 2022, p. 2].

Из рис. 4 наглядно видно, насколько резко упал потребительский спрос в США во втором квартале 2020 г. и насколько стремительно он взлетел вверх уже во втором полугодии 2020 г., практически восстановившись до уровня, который был перед пандемией, и продолжая набирать темп роста вплоть до конца 2021 г. Очевидно, что взлет индекса, измеряющего динамику расходов на личное потребление (Personal Consumption Expenditures Price Index, PCE), отчасти объяснялся отменой наиболее жестких запретительных предписаний и возвращением многих бизнесов в нормальное русло. Но несомненно также, что на рост индекса PCE в значительной степени повлияли триллионные пакетные программы мер поддержки домохозяйств и лиц, временно оказавшихся без работы, которые достаточно подробно описывались выше и благодаря которым потребители (домохозяйства) в течение нескольких месяцев получали существенные выплаты из бюджета и не менее существенные налоговые льготы.

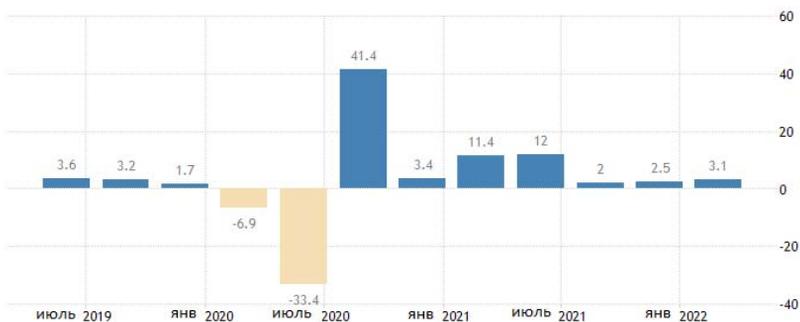

Рис. 4.
Расходы на личное потребление в США
(июль 2019 – январь 2022 г., в %)

Источники: U.S. Bureau of Labor Statistics. – URL: <https://www.bls.gov/>; United States // Trading Economics. – URL: <https://tradingeconomics.com/united-states/>

Здесь нельзя не обратить внимание на отличие экономической ситуации в 2020 г. от той, которая сложилась к 2021 г. Получается своего рода история «О двух годах», которая невольно вызывает аллюзии с «Повестью о двух городах» Ч. Диккенса.

В 2020 г. (при Трампе) гигантские по совокупному объему средства, выделявшиеся из казны в качестве прямой ликвидной помощи гражданам, попадали на потребительский рынок, резко просевший весной из-за «пандемических» потерь текущих доходов населения. Поэтому, стимулируя спрос, эти деньги, по сути, работали почти по идеальному кейнсианскому сценарию и не могли спровоцировать тогда вспышку инфляции, если не считать ее слабого, в пределах допустимого коридора, повышения в последних кварталах 2020 г. В значительной степени тогдашний небольшой инфляционный рост объяснялся тем обстоятельством, что выплаты населению в рамках мер контрпандемической поддержки доходов еще продолжались (некоторые программы еще не были закрыты), хотя потребительский спрос быстро восстанавливался. Разумеется, запуская в марте-апреле 2020 г. массивные пакетные программы поддержки доходов домохозяйств и бизнеса на заранее устанавливаемые сроки их действия, невозможно было с точностью до месяца предвидеть, насколько быстро начнет восстанавливаться спрос. Здесь опять явственно чувствуется «рука» фактора неопределенности, о котором уже немало было сказано выше. Были и другие причины вялого, если не сказать едва заметного,

подъема инфляции в конце 2020 г. (в том числе генерируемого на стороне предложения), но не о них сейчас речь.

Совсем иначе дело обстояло в 2021 г. (при Байдене), которому важно было продемонстрировать, что его администрация не менее, чем администрация Трампа, привержена политике поддержки экономики и готова санкционировать новые триллионные бюджетные ассигнования на прямую и косвенную помощь домохозяйствам и бизнесу в условиях продолжающейся пандемии. Однако момент был выбран, как оказалось, не самый удачный: гигантские средства, выделявшиеся в рамках байденовского «Американского плана спасения» и других пакетных программ, «упали», что называется, на совсем другую почву, чем в 2020 г. Потребительский спрос к тому времени уже вернулся к прежней, допандемической траектории роста и «вертолетные» деньги, которыми администрация Байдена стала «засорять» экономику, не могли не спровоцировать теперь уже серьезный всплеск инфляции, продолжающейся и усиливающейся в 2022 г. и ставшей реальной проблемой для страны.

Конечно, политика управления спросом может быть достаточно быстро скорректирована за счет стимулирования предложения. Однако проблемы с ограничением объемов предложения далеко не всегда могут быть полностью устранены с помощью инструментов внутренней политики, по крайней мере в краткосрочной перспективе. Неизвестно, например, как будет в дальнейшем развиваться пандемия. К тому же многие срывы и сбои в цепочках поставок возникают за рубежом, тем самым подрывая импорт, востребованный американскими потребителями и часто служащий промежуточным сырьем для американских производителей. Если тревожные инфляционные ожидания разных видов (статичные, адаптивные, рациональные) укоренятся в социуме, а особенно в бизнес-сообществе (а по состоянию на середину 2022 г. они, похоже, только нарастают), то инфляцию трудно будет obratить вспять.

Тем не менее становится все более очевидным, что тот тип рыночного дисбаланса, при котором спрос превышает предложение, может быть устранен только за счет роста цен. В результате инфляция в 2022 г. выросла до уровня, который последний раз наблюдался в начале 1980-х годов [U.S. economic ..., 2022, p. 13–14].

О тревожной динамике инфляционных ожиданий свидетельствуют, в частности, приводимые ниже в табл. 17 и 18 результаты опросов собственников и руководителей предприятий малого биз-

неса, проведенных в 2022 г. Службой изучения общественного мнения CNBC|SurveyMonkey.

Таблица 17

Результаты опроса руководителей и топ-менеджеров предприятий малого бизнеса США (янв. 2022) : Насколько вероятно, по вашему мнению, что инфляция будет проблемой для вашего бизнеса через полгода?

Оценка вероятности	Январь 2022 г., %
В целом вероятно	82
Весьма вероятно	55
В какой-то мере вероятно	27
В целом маловероятно	17
Не слишком вероятно	11
Вообще невероятно	6
Затруднились с ответом	1
Общее число опрошенных	2227 человек

*Примечание. Опрос проводился в последнюю неделю января 2022 г.
Источник: [Wronski, 2022a].*

Таблица 18

Результаты опроса руководителей и топ-менеджеров предприятий малого бизнеса США (2022) : Насколько вы доверяете способности ФРС контролировать инфляцию? (в %)

Степень доверия	Январь 2022 г.	Апрель 2022 г.	Июль 2022 г.
В целом доверяю	28	27	26
Весьма доверяю	7	7	7
В какой-то мере доверяю	21	19	19
В целом не доверяю	71	72	73
Не слишком доверяю	30	31	31
Вообще не доверяю	41	41	42
Затруднились с ответом	1	1	1
Общее число опрошенных	2227 человек	2027 человек	2557 человек

*Примечание. Опросы проводились поквартально, в последнюю неделю каждого месяца.
Источники: [Wronski, 2022a; Wronski, 2022b; Wronski, 2022c].*

Вопрос о том, какой окажется инфляционная динамика после пандемии COVID-19, в последнее время привлекает большое внимание как в политических, так и в академических кругах США. Однако на него сложно найти однозначный ответ, поскольку пандемия (пусть даже остаточная, по мнению рационально рассуждающих оптимистов) все еще продолжает генерировать в американской экономике разные сочетания шоков спроса и предложения, которые

толкают инфляцию в противоположных направлениях [Вагаев, Farhi, 2020]. Кроме того, степень влияния пандемии на инфляцию зависит от эффектов гистерезиса, которые оставляют неизгладимые шрамы на экономике, и от способности стран адаптироваться к постпандемической экономике. Динамика инфляции в некоторых странах, в том числе в США, в 2021–2022 гг. демонстрирует устойчивый тренд к росту, хотя некоторые эксперты высказывают мнение, что этот тренд вызван действием временных факторов краткосрочной природы [Bonam, Smādu, 2021].

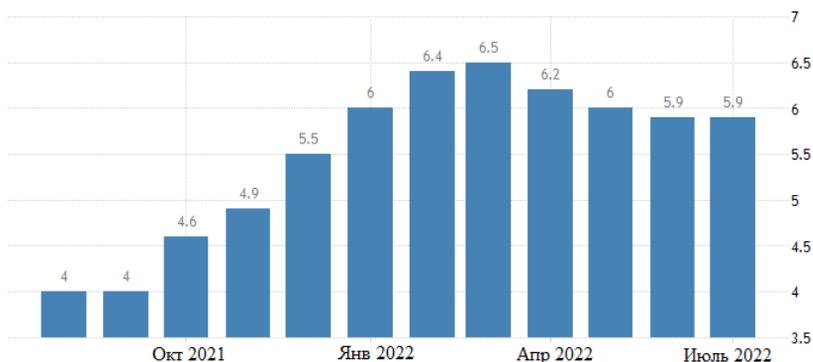

Рис. 5
**Изменения уровня инфляции в США
(с августа 2021 г. по июль 2022 г., в %)**

Источники: U.S. Bureau of Labor Statistics. – URL: <https://www.bls.gov/>; United States // Trading Economics. – URL: <https://tradingeconomics.com/united-states/>

Решение проблемы «приглушения» инфляционного разогрева экономики при одновременном удержании рынка труда в относительно сбалансированном состоянии требует тонкого сопряжения инструментов фискальной и монетарной политики, предполагающего поиск сложного компромисса между двумя конфликтующими целями: сдерживанием инфляции и поощрением роста занятости. Обычно, если меры по ограничению предложения носят временный характер, инфляционное давление может несколько снизиться после отмены таких мер. В период пандемии, однако, обозначилось новое явление: экономические регуляторы не уверены, насколько быстро можно решить проблемы с предложением и удастся ли это вообще в среднесрочной перспективе,

во-первых, потому, что пока с пандемией не удалось окончательно справиться, а во-вторых, потому, что неизвестно, удастся ли с ней справиться вообще.

В том, что касается использования инструментов монетарной политики для подавления инфляции, тоже имеется немало тонких нюансов. Тема о стимулах в рамках монетарной политики получила интересное развитие в работе [A tail of ..., 2022], опубликованной в июне 2022 г. специалистами Федерального резервного банка Чикаго, которые пришли к выводу о наличии устойчивой корреляционной связи между скачкообразными изменениями монетарной политики и решениями об объемах предложения труда, принимаемыми на уровне домохозяйств.

Авторы исследования обнаружили доказательные свидетельства неоднородной реакции на шоки, генерируемые денежно-кредитной политикой, со стороны американских домохозяйств в части объемов предложения их труда. Наиболее сильную реакцию (склонность к увеличению или уменьшению предложения своего труда в зависимости от резкого изменения денежно-кредитной политики) продемонстрировали домохозяйства, находящиеся в левой оконечности горизонтальной шкалы распределения доходов (или, что то же самое, в ее нижних децилях, если шкала построена вертикально). Выяснилось, например, что в случаях, когда ФРС повышает ключевую процентную ставку, работники из числа домохозяйств, попавших в нижние децили на шкале доходов, проявляют склонность отработать на своих рабочих местах большее количество часов, хотя при этом совокупное рабочее время и совокупные трудовые доходы всех работников (из всех децилей) уменьшаются [A tail of ..., 2022, p. 30–31].

Полученные авторами исследования выводы могут быть положены в основу корректировочных монетаристских решений, направленных на преодоление неблагоприятного инфляционного тренда, возникшего во многом из-за перенасыщения американской экономики финансовыми вливаниями, стимулировавшими спрос домохозяйств в период пандемии.

Весной 2022 г., чтобы сбить инфляционную волну и снизить объем совокупного спроса (общие расходы), ФРС все-таки приняла решение о повышении краткосрочной процентной ставки по федеральным фондам. С марта 2022 г. ФРС подняла ставки с диапазона 0–0,25% до диапазона 1,5–1,75%. А уже в сентябре 2022 г.

процентная ставка была повышена до 3,25% при уровне инфляции 8,3% [United States Fed ..., 2022].

Ключевой вопрос, который возникает в связи с этим: насколько должен замедлиться совокупный спрос, чтобы темпы инфляции упали до более низкого уровня? Авторы экспертной записки, подготовленной исследовательской службой Конгресса США, обозначили три сценария дальнейшего развития событий, которым присвоили условные обозначения: «мягкая посадка», «жесткая посадка» и «стагфляция» [Where is ..., 2022].

«Мягкая посадка» («*soft landing*»). В начале 2022 г. руководство ФРС предпринимало усилия, чтобы с помощью инструментов кредитно-денежной политики постепенно восстановить ценовую стабильность, придерживаясь тактики «мягкой посадки», т.е. поддерживая умеренный, но положительный рост ВВП и обеспечивая при этом, по возможности, нулевой рост безработицы (в крайнем случае удерживая этот рост на низком уровне). Такая тактика получила отражение в медианном прогнозе руководства ФРС, согласно которому инфляция к 2023 г. должна снизиться до 2,6% (в среднегодовом исчислении), а безработица будет удерживаться на уровне ниже 4%. Глава ФРС Кристофер Уоллер обрисовал такой сценарий «мягкой посадки», при котором компании могут сокращать число открытых вакансий, но не увольнять уже нанятых работников. Скептики называют этот сценарий «безупречной дезинфляцией», поскольку, согласно стандартной теории, значительное и быстрое снижение инфляционного давления предполагает увеличение безработицы [Where is ..., 2022].

«Мягкие посадки» случаются нечасто. По ретроспективным данным, «мягкие посадки» удавалось осуществить после ужесточения денежно-кредитной политики в 1965, 1984 и 1994 гг. При этом, например, «пандемическая» рецессия 2020 г. никак не связана с ужесточением линии ФРС.

«Жесткая посадка» («*hard landing*») или стагфляция? После отрицательного экономического роста в первом квартале 2022 г. некоторые американские экономисты прогнозировали неизбежность «жесткой посадки», т.е. ситуации, когда повышение ключевой ставки процента приводит к возобновлению или усилению рецессии. Хотя, строго говоря, между этими двумя экономическими событиями необязательно существует причинно-следственная связь, по факту каждой рецессии начиная с 1950-х годов предшествовал длительный период повышения ставок, иногда с запаздыванием. «Жесткие» приземления случаются чаще, чем «мягкие»,

когда при высокой инфляции ФРС повышает процентные ставки, как это происходило в первой половине 2022 г. Высокая инфляция и низкий уровень безработицы свидетельствуют о слишком высоком спросе, и в таких условиях было бы трудно «погасить» спрос, не спровоцировав при этом «жесткую посадку».

Можно обозначить два варианта сценария «жесткой посадки». При преобладании высоких инфляционных ожиданий экономических агентов и спиральном тренде роста ставок заработной платы (а оба этих фактора уже стали обретать реальные контуры в 2022 г.) у ФРС не остается иного выбора, кроме ужесточения денежно-кредитного регулирования, чтобы восстановить ценовую стабильность. Нельзя исключать и того, что ФРС может «перегнуть палку», слишком быстро ужесточив политику, когда инфляция в конечном итоге могла бы пойти на снижение и при менее жесткой денежно-кредитной политике.

Поскольку предыдущая рецессия, как принято полагать, закончилась в 2020 г., описанный сценарий называют также «двойной рецессией». Двойные рецессии случаются достаточно редко, но эксперты отмечают параллели между рецессией, которая случилась в США в начале 1980-х годов, и той, которая была спровоцирована шоковой пандемической волной 2020 г. и затем «перетекла» из 2021 в 2022 г. В начале 1980-х годов инфляция в последний раз превысила 7% (в среднегодовом исчислении). Повторную рецессию в том же эпизоде начала 1980-х годов обычно связывают с действиями ФРС, которая, чтобы сбить инфляционные ожидания, слишком стремительно подняла ключевую ставку процента, которая превысила 19%. Инфляцию необходимо было сбить существенно и удерживать на низком уровне достаточно долго, чтобы восстановить ценовую стабильность. Поэтому процентные ставки оставались высокими до 1982 г., что привело тогда к необычно долгой и глубокой рецессии (см.: [Where is ..., 2022]).

Не так давно казалось, отмечал журнал «The Economist» летом 2022 г., что рецессии случаются в Америке примерно раз в десятилетие. Но прошло всего два года после первых спадов, а бизнес-цикл снова разворачивается с ужасающей скоростью; и следующий, похоже, уже на подходе. В «экономической памяти» нынешнего американского социума живы две последние рецессии: финансовый «инфаркт» в 2008–2009 гг. и вызванный пандемией крах в 2020 г., не до конца изжитый и в 2022 г. Оба были тяжелыми и каждый по-своему весьма необычным. Если исходить из привычных стереотипов, следующая рецессия в Америке почти на-

верняка должна была быть более мягкой и «обыденной». Но поскольку мировая экономика, рынки активов и экономическая политика США остаются хрупкими и неустойчивыми, очередная рецессия может иметь неприятные и непредсказуемые последствия [A recession ..., 2022].

До тех пор пока рецессионная динамика в 2022 г. и позже будет продолжать тот же курс, которым она следовала с 2021 г., вопрос о готовности ФРС к очередным ужесточениям денежно-кредитной политики, всегда будет оставаться открытым. Иначе говоря, нельзя исключать такого сценария дальнейших действий регулятора, при котором, опасаясь спровоцировать «жесткую посадку», ФРС, чтобы сбить инфляционную волну, не решится повышать ставки достаточно быстро. Помимо прочего, такая тактика повышает вероятность того, что сама по себе успешная политика избегания рисков углубления спада в 2022–2023 гг. может спровоцировать ухудшение экономической ситуации в не слишком отдаленном будущем. Когда высокие инфляционные ожидания укореняются в сознании экономических агентов, связь между инфляцией и безработицей ослабевает. В дальнейшем высокая инфляция может сопровождаться низкой или высокой безработицей, вне зависимости от того, войдет ли экономика в рецессию или нет. Высокий уровень инфляции при одновременном росте безработицы обычно называют стагфляцией [Where is ..., 2022].

Некоторые эксперты и политики в 2022 г. по-прежнему прогнозировали относительно быстрое снижение темпов роста инфляции и ее уровня, исходя из того, что после 40-летнего периода устойчиво низкой инфляционной динамики домохозяйства восприняли 2021-й год скорее как некую аномалию, чем как новый тренд, и склонны придерживаться низких ожиданий относительно перспектив инфляции, по крайней мере на ближайшее будущее. Однако есть и иная точка зрения: немало специалистов отмечают, что, судя по некоторым данным, с 2021 г. наметился рост инфляционных ожиданий. Если домохозяйства и бизнесы будут ориентировать свою экономическую активность, исходя из ожиданий роста инфляции, то для того, чтобы «погасить» эти ожидания и переменить их вектор на противоположный, может потребоваться достаточно глубокая рецессия.

По оценкам экспертов исследовательской службы Конгресса США, до полного завершения пандемии (а когда это случится, неизвестно) траектория движения американской экономики будет оставаться непредсказуемой. Выбор сценария («мягкая» или «же-

сткая» посадка) будет в гораздо большей степени зависеть от хода внешних событий, чем от каких-либо действий ФРС. Например, «разруливание» ситуации с логистическими цепочками поставок и с цепочками создания добавленной стоимости позволит ослабить инфляционное давление на экономику и будет способствовать ускорению роста, что сделает «мягкую посадку» более вероятной. В противном случае, т.е. если для устранения ограничений в объеме предложения потребуется достаточно много времени, «мягкая посадка» может оказаться нереальной, поскольку в 2022 г. ожидания высокой инфляции уже стали эндемичными для американского рынка [Where is ..., 2022].

В апреле 2022 г. цены на потребительском рынке США уже были на 8,3% выше, чем годом ранее. Растущие цены на продукты питания и на бензин сокращают платежеспособный спрос населения и вынуждают его экономить на расходах. Даже без учета роста цен на продукты питания и на энергоносители инфляция (в среднегодовом исчислении) составила в апреле 2022 г. 6,2%. Сохранились и проблемы с цепочками поставок – отчасти унаследованные от жесткой политики блокировок, действовавшей в наиболее острых фазах пандемии, отчасти подогреваемые глобальной нестабильностью, спровоцированной военными действиями на территории Украины и политикой Китая по удержанию темпов инфляции у нулевой отметки [A recession ..., 2022].

При этом американский рынок труда оставался «раскаленным»: в марте 2022 г. на каждого безработного приходилось почти две вакансии, что является самым высоким уровнем показателя разбалансированности рынка труда с 1950 г., когда в США впервые начали вести такую статистику. Индекс роста заработной платы, рассчитываемый Goldman Sachs, находился весной 2022 г. на рекордно высоком уровне (почти 5,5%) [A recession ..., 2022]. Высокие темпы роста заработной платы еще больше разогревают инфляцию, поскольку компании, чтобы продержаться и не уйти «в минус», будут вынуждены продолжать повышать цены на свои товары и услуги, закладывая в них растущие издержки на оплату труда.

ФРС, со своей стороны, продолжила курс на таргетирование растущей инфляции. При этом чиновники ФРС заверяют, что им удастся достичь целевого уровня инфляции в 2%, не спровоцировав спада экономики, хотя экономическая история свидетельствует: подобные действия в целях усмирения инфляции обычно приводят к торможению экономики. Как показали результаты опросов

2022 г., среди собственников и руководителей компаний, относимых к малому бизнесу, ощущения погружения американской экономики в очередную рецессию становятся все более явственными (табл. 19).

Таблица 19

Результаты опроса собственников и топ-менеджеров предприятий малого бизнеса США в апреле и июле 2022 г. : оценки перспектив рецессии (в %)

Апрель 2022 г.		Июль 2022 г.	
Насколько вероятно, по вашему мнению, что экономика США столкнется с рецессией в 2022 г.?		Как скоро, по вашим ожиданиям, американская экономика вступит в рецессию?	
В целом вероятно	81	Мы уже в рецессии	57
Весьма вероятно	44	В четвертом квартале 2022 г.	14
В какой-то мере вероятно	37	В первой половине 2023 г.	14
В целом маловероятно	18	Во второй половине 2023 г.	5
Не слишком вероятно	14	В 2024 г. или позже	7
Вообще невероятно	4		
Затруднились с ответом	1	Нет ответа	3
Число опрошенных	2027 человек	Число опрошенных	2557 человек

Примечание. Опросы проводились поквартально, в последнюю неделю каждого месяца. Источники: [Wronski, 2022b; Wronski, 2022c].

В сложившихся к концу 2022 г. условиях одна из центральных задач, которую приходилось решать регуляторным инстанциям на федеральном уровне, – сохранение и по возможности ускорение динамики восстановления экономики. Для этого придется достаточно быстро «откалибровать» монетарную и фискальную политику, чтобы высокая инфляция не приобрела эндемического характера, но не настолько быстро, чтобы спровоцировать рецессию. Как фискальная, так и монетарная политика естественным образом преследуют цели максимального увеличения занятости и поддержания стабильных цен. Поскольку безработица в 2022 г. уже находится на низком уровне по историческим меркам, сохранение действующих инструментов стимулирования без каких-либо регуляторных корректировок, похоже, будет в большей степени способствовать дальнейшему росту инфляции, чем дальнейшему снижению безработицы. Известно также, что чем выше уровень инфляции и скорость ее роста, а также чем выше темп ускорения инфляции (т.е. вторая производная кривой ее роста),

тем более дорогостоящими, при прочих равных условиях, становятся усилия по ее сдерживанию.

8. В заключение : некоторые тезисы и ремарки

Пандемия коронавируса SARS-CoV-2 весной 2020 г. ударила по мировому сообществу, по мировой экономике. Впервые в истории многие страны ввели национальные карантинные меры в пределах своих территорий или на их значительной части, установили пограничные запреты на перемещения людей и грузов. Полностью или частично было приостановлено как внутреннее, так и международное авиасообщение. Для контроля за соблюдением ограничительных мер были предприняты жесткие меры обеспечения безопасности.

В США изменения затронули, в частности, функционирование рынков труда и бюджетно-финансовых систем; привели к появлению новых негативных трендов в динамике доходов, особенно в тех социальных группах, которые по уровню текущих доходов отнесены к нижним децилям на шкале доходов; способствовали переменам в привычном распорядке рабочего времени; нарушили ритмичность цепочек поставок товаров в торговые сети, запчастей и оборудования для предприятий; расширили ассортимент инструментов и активизировали механизмы кредитно-финансовой политики, применявшиеся для погашения связанных с пандемией потерь для бизнеса и домохозяйств.

Удар, нанесенный по американской экономике, оказался особенно тяжелым, приведя к беспрецедентным и повсеместным разрушениям обычного уклада социальной и экономической жизни страны. По данным Национального бюро экономических исследований (NBER), независимой некоммерческой исследовательской группы, в марте-апреле 2020 г. экономика США пережила двухмесячную рецессию, которая оказалась самой глубокой со времен Великой депрессии 1929–1934 гг., хотя, понятно, далеко не столь продолжительной. Только за один второй квартал 2020 г. ВВП США сократился на самый большой процент за весь период отслеживания этого важнейшего макроэкономического индекса, а безработица взлетела до самой высокой месячной планки за всю историю страны [U.S. economic ..., 2022].

Еще на старте пандемии представлялось, что многие алармистские опасения не имеют под собой почвы, и экзогенный шок, спровоцированный пандемией, с высокой вероятностью не окажется столь же катастрофическим для американской экономики по своей продолжительности (не по глубине), как эндогенный коллапс на рынке жилой недвижимости в 2007–2008 гг., послуживший триггером для запуска механизма Великой рецессии. Шок 2020 г., по-видимому, не следует также ставить в один ряд и со столь долгосрочными факторами, влияющими на экономическую динамику, как глобализация, глобальное изменение климата или переход к новому технологическому укладу, – если только исключить допущение, что пандемический шок 2020 г. был лишь первой глобальной «черной меткой», посланной человечеству, за которой с не слишком затяжными интервалами воспоследуют другие метки, возможно, еще более «черные». Но кто и на каких основаниях решится исключить такое допущение?

Поиски путей преодоления чрезвычайной ситуации первоначально фокусировались главным образом на сфере здравоохранения, однако вскоре из-за стремительного погружения американской экономики в глубокую рецессию (с непонятными перспективами выхода из нее) все больший акцент в действиях политических и регуляторных институтов США стал делаться на запуске как проверенных, так и новых механизмов преодоления спада и поддержки экономических агентов, пострадавших от пандемии и мер противодействия ей.

На пике первой волны «коронакризиса» в публичном нарративе обозначились разные, порой диаметрально противоположные подходы к выбору мер, которые следовало бы предпринять властям не только для сохранения здоровья и спасения жизней граждан, но и по линии поддержки домохозяйств и бизнесов. В общественном дискурсе США активно обсуждался вопрос о средствах, с помощью которых следовало добиваться поставленных целей по сдерживанию распространения пандемии и преодолению связанных с нею негативных последствий для экономики и общества, и о цене этих средств сдерживания для национальной экономики. Сама постановка этого вопроса породила небезосновательные сомнения в способности политических властей и регуляторных институтов США выстроить оптимальную, притом достаточно гибкую и эффективную стратегию, которая позволила бы в возможно кратчайшие сроки не только справиться с возникшей экстраординарной ситуацией в области общественного здравоохранения, но и

восстановить привычный ритм работы экономики и управляемость во всех контурах принятия решений.

Например, в американских городах одной из значимых причин резкого обострения пандемической ситуации стала бессистемная и плохо артикулированная политика, которая часто проводилась механически, без учета негативного воздействия, которое она может оказать на местную экономику, и тех последствий, какие может повлечь для местных рынков. К тому же во многих крупных американских городах с высокой плотностью проживающего в них населения власти, опасаясь массовых протестов, откладывали введение даже щадящих мер контроля за распространением пандемии, которые позволили бы им управлять ранним обнаружением инфицированных, что в конечном итоге способствовало бы уменьшению масштабов заболеваемости и, возможно, не потребовало бы введения жестких блокировочных мер, которые, по сути, и обрушили местную и национальную экономику. Отчасти по этой причине в большинстве американских городов карантин был введен слишком поздно, когда массовое распространение вируса уже стало реальностью.

Пандемия COVID-19 первоначально вызвала сокращение как совокупного спроса, так и совокупного предложения. В самые первые месяцы распространения инфекции меры социального (физического) дистанцирования и опасения, вызванные стремительной скоростью распространения вируса, привели к резкому снижению объема потребительских расходов, особенно в сфере услуг: реальные расходы на личное потребление (PCE) во втором квартале 2020 г. упали на 33,4%; при этом расходы на потребление услуг обвалились на 42,4% [U.S. economic ..., 2022, p. 1] из-за предписаний САН и переориентации структуры платежеспособного спроса на другие стандарты и форматы потребления.

Поскольку практически одновременно многие предприятия в тот период закрылись, миллионы работников оказались уволенными (некоторые временно, а некоторые, как оказалось, навсегда). Напомним, что только за апрель 2020 г. численность занятых в США сократилась почти на 22,3 млн человек. Столь резкое падение занятости еще больше усугубило сокращение расходов домохозяйств на потребление.

Увольнения, принявшие массовый характер, привели к снижению среднего уровня доходов и, как следствие, к сокращению совокупного спроса. Это вызвало дополнительное напряжение для бизнеса, которое вскоре усугубилось принудительным введением

локдаунов, поскольку ситуацию с распространением вируса, обладающего гораздо более высокой contagiозностью, чем сезонный грипп, и отличающегося высокой летальностью, никак не удавалось взять под контроль. В итоге пандемия привела к значительному, хотя, как оказалось, достаточно кратковременному сокращению производственного потенциала американской экономики.

Работая в «дурном резонансе», оба названных фактора – исполнение предписаний «оставаться дома» и локдауны – привели в итоге к катастрофическому снижению совокупного спроса в американской экономике.

По мере того как в экономике падал совокупный спрос, сокращалось и совокупное предложение. В разгар первой волны пандемии (а также отчасти во время последующих волн) производственные процессы на американских предприятиях начинали тормозиться в основном из-за временной нетрудоспособности части персонала, введения ограничений на контакты «лицом к лицу», на проведение совещаний и из-за приостановки работ, для выполнения которых требуется плотное взаимодействие работников. Как и в других странах, в США были введены также запреты на посещение массовых мероприятий. Особенно пострадали при этом связанные на тесные контакты с клиентами небольшие бизнесы, владельцами которых были представители социальных и этнических меньшинств [Meyer, Schweitzer, 2022, p. 3].

Реакция экономических регуляторов США на стремительный обвал экономики, оказавшийся отчасти результатом алармистского шока от угроз, которые несла с собой пандемия, а отчасти – результатом политики введения жестких ограничительных мер, была достаточно решительной, хотя при этом и хаотичной (одно не исключает другого: нередко именно чрезмерная решительность питает почву для хаотичности действий) и предусматривала невиданные прежде масштабы использования фискальных и монетарных инструментов поддержки экономики на протяжении как минимум почти двух лет. В известной степени благодаря этим инструментам удалось достаточно быстро восстановить утраченные позиции на основных рынках и вернуть экономику США в относительно равновесное состояние. Хотя главным, очевидно, было решение снять запреты и открыть экономику, несмотря на по-прежнему остававшиеся серьезными угрозы здоровью и жизни людей.

Таким образом, сколь стремительно экономическая активность в США обрушилась в марте-апреле, столь же стремительно она нача-

ла восстанавливаться. Уже в мае 2020 г. произошел «отскок» от самой низкой точки падения и обозначился экономический подъем, который за короткое время практически вернул основные макроэкономические показатели на прежнюю, допандемическую траекторию, чему в значительной степени способствовали исторические по масштабам меры фискальной и монетарной поддержки рыночных институтов, бизнеса и домохозяйств в первые месяцы пандемии, а также, разумеется, смягчение избыточно жестких блокировок, скоростно введенных в марте. Те и другие решения, работая в целом согласованно, хотя и не без сбоев, позволили в короткие сроки переломить ситуацию и вывести экономику на траекторию роста.

В итоге благодаря существенному ослаблению карантина и запуску механизмов, способствовавших быстрому выздоровлению экономики, рецессия, хотя и была глубокой, оказалась непродолжительной: большинство макроэкономических показателей, в том числе такие ключевые, как объем производства и уровень безработицы, практически полностью вернулись к допандемическим уровням к концу 2021 г., несмотря на то что пандемическая ситуация к этому времени по-прежнему оставалась сложной.

На протяжении 2020 и 2021 гг. оживление американской экономики продолжалось благодаря дополнительным фискальным и монетарным стимулам, а также благодаря отмене локдаунов и постепенному отказу от практики периодического возвращения к жестким карантинным мерам, восстановлению бизнесов, ослаблению ограничений на внутренние и трансграничные перемещения и отмене предписаний SАН на фоне развертывания кампании массовой вакцинации населения, на которую возлагались особые надежды.

Казалось, что процесс «выздоровления» экономики США от пандемии в целом был достаточно устойчивым; тем не менее даже к концу 2021 г. в некоторых узлах американского экономического механизма сохранялись ощутимые трения и разбалансировки, которые означали, что система еще не полностью вернулась в режим нормального функционирования. Спустя два с половиной года после критических потрясений начальных фаз пандемии американская экономика столкнулась с относительно напряженным рынком труда (превышением предложения над спросом) и высокими темпами инфляции, не наблюдавшимися с 1980-х годов. Серьезные проблемы были связаны также с сохранявшимися перебоями в поставках, пониженным значением коэффициента участия экономически активного населения в рабочей силе и необходимостью

удержания финансовой стабильности в свете быстрого роста цен на активы в 2020 и 2021 гг.

Оказалось, однако, что восстановление американской экономики было не только неполным, но и неравномерным: спрос на товары и услуги восстанавливался быстрее, чем предложение. Точно так же спрос на рабочую силу восстанавливался быстрее, чем ее предложение. Компании периодически испытывали временные перебои в работе из-за всплеск COVID среди сотрудников или иностранных поставщиков. В 2022 г., в довершение ко всему, масштабная военная операция на Украине усугубила нарушения в работе рынков продовольствия, энергоносителей и других сырьевых товаров, став дополнительным триггером, вызвавшим в США скачок цен на эти товары.

Еще с середины 2021 г. общее направление развития американской экономики все больше начало определяться факторами, лишь отчасти зависящими от денежно-кредитной политики ФРС или от налогово-бюджетных мер поддержки со стороны федерального правительства. Главными тормозящими факторами стали сбои в поставках, вызванные поначалу как самими коронавирусными рисками, так и мерами по их подавлению, если не считать проседания спроса в первый, самый критический период пандемического шока как из-за ограничений в предложении товаров, так и из-за свертывания спроса на потребительском и инвестиционном рынках.

В 2021 г. высшие политические и регуляторные инстанции США занимали осторожно-выжидательную позицию по вопросу о целесообразности свертывания чрезвычайных мер фискальной и монетарной политики, введенных в критической фазе пандемической неопределенности в 2020 г., опасаясь, что частный спрос может оказаться недостаточным без дополнительного стимулирования, и надеясь, что обозначившиеся тогда опасные инфляционные тенденции постепенно начнут «стусшеываться», поскольку проблемы на стороне предложения быстро разрешатся сами собой.

Кардинальное различие между 2020 и 2021 гг. просматривается в том, что в 2020 г. администрация Д. Трампа и поддержавшая ее тогда ФРС вбрасывала деньги в экономику, провалившуюся в «коронавирусную яму», в которой спрос критически упал из-за локдаунов, шатдаунов и предписаний «оставаться дома». Поэтому, условно говоря, «деньги Трампа» работали безупречно кейнсианским образом на стимулирование спроса и подъем экономики, почти не провоцируя при этом высокой инфляции.

Стимулировался в первую очередь спрос, но одновременно стимулировалось и предложение. Механика стимулирования спроса оказалась менее сложной и более результативной, чем механика стимулирования предложения, отчасти потому, что из-за глобальной зависимости американской экономики от поставок из-за рубежа американские «руки» не всегда могли дотянуться до многих звеньев цепочек поставок, чтобы «отремонтировать» их. Поэтому внутренний спрос постепенно стал расти на фоне мер поддержки и отмены карантинных, но предложение все еще не «догоняло» спрос. Это казалось тогда не слишком опасным с точки зрения инфляционных угроз, поскольку «оголодавший» за месяцы весеннего провала спрос некоторое время не успевал вволю «насытиться» накопленным ранее и нереализованным объемом предложения.

Даже ближе к концу 2020 г., еще при Трампе, когда американская экономика вроде бы потянулась вверх, рынок труда возвращался в строй, а выплаты из бюджета, налоговые льготы и кредитные послабления населению и бизнесу по пакетным программам еще сохранялись (ведь на тот момент, когда принимались пакеты помощи, из-за абсолютной пандемической неопределенности невозможно было с необходимой точностью рассчитать оптимальный срок их действия) – даже тогда угроза инфляции еще не витала в воздухе.

Администрация Дж. Байдена, придя к власти в 2021 г., продолжила политику вбрасывания денег в экономику. Но спрос на тот момент был уже достаточно разогрет, и на фоне высокого спроса дополнительные бюджетные вливания и очередные налоговые послабления естественным образом начали провоцировать инфляционный рост. Байден инициировал свои пакетные программы помощи во многом потому, что, став хозяином Белого дома, хотел показать, что он не менее Трампа печется о нуждах американского народа. Нельзя, конечно, сбрасывать со счетов и тот немаловажный факт, что в 2021 г. страну накрыла очередная волна особо опасного нового варианта вируса SARS-CoV-2, и неопределенность относительно того, как этот экзогенный фактор поведет себя дальше, снова сбила с толку американские власти и заставила их действовать в большей степени в русле стратегии осторожного поведения, чем в русле стратегии рационального выбора.

Свою роль сыграл и фактор перегретого рынка труда: число открывающихся вакансий стало устойчиво превышать число желающих их заполнить, из-за чего бизнес не мог развернуться в полную мощь. Условия на «жестком» рынке труда стали все

больше определяться требованиями работников, а не работодателей. На стороне предложения ситуация усугублялась сохранявшимися проблемами с цепочками поставок – как унаследованными от эпохи мирового пандемического коллапса, так и новыми (заторы, сбои и пр.). Предложение не поспевало за спросом, как потребительским, так и производственным. Соответственно, и цены пошли вверх.

К тому же из-за затянувшегося выжидательного периода в 2021 г. и недостаточно гибких, а лучше сказать – нерешительных действий регуляторов в 2022 г. по трансформации ориентированной на подавление эффектов пандемии монетарной и фискальной политики в политику, стимулирующую сбалансированный рост, стоимостной объем сохранявшихся стимулов по-прежнему оставался значительным и приобретал контрпродуктивный характер [см.: U.S. economic ..., 2022, p. 16–23].

В 2022 г. ситуация существенно изменилась: господствующим становилось мнение, что высокую инфляцию не удастся сбить до тех пор, пока не будут предприняты меры по активизации политики, направленной на сдерживание спроса. В марте 2022 г. ФРС начала повышать процентные ставки и прекратила покупку активов. Дефицит бюджета сократился более чем наполовину, поскольку экономика восстановилась, а многие льготы, предусмотренные соответствующими законами в начальный период пандемии COVID-19, утратили свой экономический смысл. Ко всему, в 2022 г. ситуация усугубилась военным конфликтом на территории Украины, серьезно осложнившим проблемы с поставкой продовольствия по продуктовым цепочкам и вызвавшим индуцированные сбои в поставках энергоносителей, при этом на фоне сохранения неопределенности в отношении перспектив пандемической ситуации в США. Разумеется, были и другие факторы, повлиявшие на раскручивание инфляционной спирали: энергетические цены и катаклизмы на рынках энергоносителей, цены на продовольствие и пр.

Таким образом, спустя два с половиной года после критических потрясений, вызванных начальными стадиями пандемии, американская экономика столкнулась с достаточно напряженным рынком труда и высокими темпами инфляции, не наблюдавшимися с 1980-х годов. Серьезные проблемы связаны также с сохраняющимися перебоями в поставках, пониженным значением коэффициента участия экономически активного населения в рабочей силе и необходимостью удержания финансовой стабильности в свете быстрого роста цен на активы.

Пандемия, безусловно, привела к изменениям в механизмах взаимодействия рыночных и надрыночных институтов в США, повлияла на распределение ролей политических и экономических акторов, действующих в американском экономическом континууме. Насколько устойчивыми окажутся эти изменения, покажет время. Но нет сомнений, что по крайней мере некоторые новые политические, административно-управленческие и экономические конструкции, выстроенные в период противодействия пандемии, могут в долгосрочной перспективе оказаться востребованными в самых разных сферах экономической и социальной жизни страны.

Пандемия заставила многих американцев задуматься о нестабильности и уязвимости их существования, помогла осознать роль регуляторных институтов в обеспечении защиты от рисков, от которых они не могут защитить себя сами. В этом смысле COVID-19 может иметь тот же эффект, что и экономическая катастрофа 1929–1934 гг., из которой в свое время «проросла» массовая поддержка Нового курса президента Ф. Рузвельта. Нельзя не отметить в этой связи, что Великая депрессия продолжалась четыре полных года, да и эхо от нее звучало еще несколько лет, тогда как восстановление экономики после «пандемической» рецессии заняло всего несколько месяцев.

Любопытно, однако, что в ходе пандемии (а по сути еще раньше, в первые годы президентства Трампа) в США особенно ярко обозначились проблески промышленной политики государства, столь нехарактерной для этой страны (в отличие, скажем, от Франции или даже Германии). Элементы промышленной политики мы наблюдаем и сегодня в экономическом курсе, проводимом администрацией Дж. Байдена. Означает ли это, что они начинают укореняться?

И тем не менее вряд ли следует ожидать сколько-нибудь радикальных «постпандемических» перемен в американской экономической идеологии и американской экономической философии, которые по-прежнему исходят из парадигмы свободы выбора и права каждого экономического агента на реализацию своего экономического интереса без опоры на государственные «костыли» (за исключением тех редких случаев, когда возникают эндогенные или экзогенные провалы рынка). Маловероятно, что пандемия приведет к смягчению этики «сурового индивидуализма», которая заложена в политической и социальной ДНК Америки, или что

«послевкусие» от пандемии приведет к значимой поддержке расширенной модели государства всеобщего благосостояния. Своего рода лакмусовой бумажкой, подтвердившей этот тезис, стал референдум в Калифорнии в ноябре 2020 г. по вопросу о том, следует ли классифицировать гиг-работников именно как работников, а не как независимых подрядчиков, требуя от фирм, оказывающих услуги райдшеринга, расчета и уплаты налогов на заработную плату и предоставления работникам права на пособие по безработице вкуче с соответствующими льготами. Несмотря на то что референдум проводился в самый разгар пандемии, это предложение потерпело полный крах при голосовании [Eichengreen, 2021, p. 243–244].

Пандемия также придавала свежую динамику как минимум трем фундаментальным трендам, которые уже в ближайшем будущем могут радикально изменить традиционные представления о самом содержании трудовой деятельности и формах, в которых она осуществляется. Речь идет, во-первых, об ускорении процессов автоматизации и роботизации производства на базе новейших электронных технологий; во-вторых, о росте числа работающих в удаленном режиме, что радикально меняет весь ландшафт пространства, в котором осуществляется производственное взаимодействие работников; в-третьих, о стремительном развитии электронной торговли. Изменения трудовой среды и способов выполнения трудовых функций, ускоренные пандемией, привели к тому, что в США на четверть по сравнению с допандемическим периодом выросло число людей, выражающих готовность к смене рода своих занятий и сферы деятельности в ближайшей перспективе.

Эти и другие значимые тренды, существенно меняющие ландшафт американской экономики в позднепандемический и постпандемический периоды, более подробно будут рассмотрены во второй части обзора, посвященной долгосрочным экономическим эффектам пандемии в США, который должен увидеть свет в 2023 г.

Список литературы

- Веселовский С.Я. Рынок труда в США : структурные изменения и их эффекты (2017–2020) : аналит. обзор / РАН, ИНИОН. – Москва, 2021. – 152 с.
- Григорьев Л.М. Влияние пандемии коронавируса на мировую экономику / НИУ ВШЭ. – Москва, 2020. – 30 марта. – 40 с. – URL: <https://wec.hse.ru/data/2020/03/>

- 31/1552578568/Мировая%20рецессия%20-%202020%20(Л.М.%20Григорьев).pdf (дата обращения: 02.08.2022).
- Дробот Е.В. Влияние пандемии COVID-19 на рынок труда США // Экономика труда. – 2020. – Т. 7, № 7. – С. 577–588.
- Мау В.А. Шок спроса и шок предложения // Ведомости. – 2020. – 31 марта. – URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2020/03/31/826664-shok-sprosa> (дата обращения: 02.08.2022).
- Обзор международной практики поддержки экономики и населения в условиях борьбы с пандемией коронавируса в Армении, Великобритании, Германии, Дании, Испании, Италии, Казахстане, Китае, Нидерландах, США, Финляндии, Франции, Швеции, Южной Корее, Японии / под общ. ред. О.В. Синявской. – Москва : Институт социологии НИУ ВШЭ, 2020. – 72 с.
- Общество и пандемия : опыт и уроки борьбы с COVID-19 в России / ред. колл. : В.А. Мау (гл. ред.), Г.И. Идрисов, Я.И. Кузьминов, А.Д. Радыгин, В.А. Садовничий, С.Г. Синельников-Мурылев. – Москва : Институт менеджмента и Маркетинга РАНХиГС при Президенте РФ совместно с Изд. домом «Наука», 2020. – 744 с.
- Супотницкий М.В. COVID-19 : трудный экзамен для человечества. – Москва : Русская панорама : СПСЛ, 2021. – 256 с.
- «Черный лебедь» в белой маске : аналитический доклад НИУ ВШЭ к годовщине пандемии COVID-19 / под ред. С.М. Плаксина, А.Б. Жулина, С.А. Фаризовой. – Москва : Изд. дом ВШЭ, 2021. – 336 с.
- Aaltola M. Understanding the politics of pandemic emergencies in the time of COVID-19 : an introduction to global politosomatics. – London ; New York : Routledge : Taylor & Francis Group, 2022. – 285 p.
- Acharya V.V., Engle III R.F., Steffen S. Why did bank stocks crash during COVID-19? // COVID Economics / CEPR. – 2021. – Iss. 76, April 23. – P. 1–57.
- Acharya V.V., Liu Y., Zhao Y. COVID-19 containment measures and expected stock volatility : high-frequency evidence from selected advanced economies // COVID Economics / CEPR. – 2021. – Iss. 79, May 27. – P. 1–40.
- Alexander D., Karger E. Do stay-at-home orders cause people to stay at home? Effects of stay-at-home orders on consumer behavior / Federal Reserve Bank of Chicago. – 2021. – August 19. – 45 p. – (Working paper ; 2020–12). – URL: <https://doi.org/10.21033/wp-2020-12> (date of access: 25.08.2022).
- Allam Z. Surveying the Covid-19 pandemic and its implications : urban health, data technology and political economy. – Amsterdam ; Oxford ; Cambridge, Mass. : Elsevier, 2020. – V, 143 p.
- American Rescue Plan // The White House. – 2021. – URL: <https://www.whitehouse.gov/american-rescue-plan/> (date of access: 27.09.2022).
- «America ranked first»?! The truth about America’s fight against COVID-19 / Chongyang Institute for Financial Studies, Renmin University of China, Taihe Institute, Intellisia Institute. – Beijing, 2021. – August 9. – 74 p.
- America’s post-covid economic recovery suffers a setback, but grounds for optimism remain // The Economist. – 2021. – October 28. – URL: <https://www.economist.com/graphic-detail/2021/10/28/americas-post-covid-economic-recovery-suffers-a-setback> (date of access: 25.08.2022).

- A recession in America by 2024 looks likely it should be mild – but fear its consequences // *The Economist*. – 2022. – June 2. – URL: <https://www.economist.com/leaders/2022/06/02/a-recession-in-america-by-2024-looks-likely> (date of access: 23.08.2022).
- A tail of labor supply and a tale of monetary policy / C. Cantore, F. Ferroni, H. Mumtaz, A. Theophilopoulou ; Federal Reserve Bank of Chicago. – 2022. – June 20. – 100 p. – (Working paper ; 2022–30). – URL: <https://doi.org/10.21033/wp-2022-30> (date of access: 23.08.2022).
- Auginbaugh A., Rothstein D.S. How did employment change during the COVID-19 pandemic? Evidence from a new BLS survey supplement // *Beyond the Numbers / U.S. Bureau of Labor Statistics*. – 2022. – Vol. 11, N 1, January. – 16 p. – URL: <https://www.bls.gov/opub/btn/volume-11/how-did-employment-change-during-the-covid-19-pandemic.htm> (date of access: 25.08.2022).
- Autor D., Reynolds E.B. The nature of work after the COVID crisis : too few low-wage jobs / *Brookings Institution*. – Washington, DC, 2020. – 11 p. – (The Hamilton Project ; Essay N 2020–14).
- Baldwin R., Mauro di B.W. Introduction // *Economics in the time of COVID-19 / ed. by R. Baldwin, B.W. di Mauro*. – London : CEPR Press : VoxEU.org eBook, 2020. – P. 1–30.
- Baldwin R., Tomiura E. Thinking ahead about the trade impact of COVID-19 // *Economics in the time of COVID-19 / ed. by R. Baldwin, B.W. di Mauro*. – London : CEPR Press : VoxEU.org eBook, 2020. – P. 59–72.
- Bank reserves and broad money in the global financial crisis : a quantitative evaluation / J.S. Chadha, L. Corrado, J. Meaning, T. Schuler ; *European Central Bank*. – Frankfurt am Main, 2020. – August. – 37 p. – (ECB Working Paper Series ; N 2463).
- Baqae D.R., Farhi E. Supply versus demand : unemployment and inflation in the Covid-19 recession // *CEPR*. – 2020. – June 29. – URL: <https://cepr.org/voxeu/columns/supply-versus-demand-unemployment-and-inflation-covid-19-recession> (date of access: 15.09.2022).
- Barrero J.M., Bloom N., Davis S.J. COVID-19 and labour reallocation : evidence from the US // *CEPR*. – 2020a. – July 14. – URL: <https://cepr.org/voxeu/columns/covid-19-and-labour-reallocation-evidence-us> (date of access: 26.08.2022).
- Barrero J.M., Bloom N., Davis S.J. COVID-19 is also a reallocation shock // *Brookings*. – 2020b. – June 25. – (Brookings Papers on Economic Activity. BPEA Conference Drafts). – URL: <https://www.brookings.edu/bpea-articles/covid-19-is-also-a-reallocation-shock/> (date of access: 26.08.2022).
- Barrero J.M., Bloom N., Davis S.J. Why working from home will stick / *Becker-Friedman Institute, Ronzetti Initiative for the Study of Labor Markets*. – Chicago, 2021. – April. – 68 p. – (Working paper ; N 2020–174). – URL: https://bfi.uchicago.edu/wp-content/uploads/2020/12/BFI_WP_2020174.pdf (date of access: 26.08.2022).
- Beck Th. Finance in the times of coronavirus // *Economics in the time of COVID-19 / ed. by R. Baldwin, B.W. di Mauro*. – London : CEPR Press : VoxEU.org eBook, 2020. – P. 73–76.
- Bernanke B.S. 21st century monetary policy : the Federal Reserve from the great inflation to COVID-19. – New York : W.W. Norton & Company, 2022. – 512 p.

- Bick A., Blandin A. Real-Time labor market estimates during the 2020 coronavirus outbreak // SSRN (Social Science Research Network). – 2021. – January 22. – URL: <https://ssrn.com/abstract=3692425> (date of access: 26.08.2022).
- Biden Administration takes steps to promote equitable access to SBA relief // U.S. Small Business Administration (SBA). – 2021. – URL: <https://www.sba.gov/funding-programs/loans/covid-19-relief-options/paycheck-protection-program/ppp-lender-information#section-header-0> (date of access: 26.08.2022).
- Biden says the pandemic is over // eng.tusresiduos.com. [интернет-портал]. – 2022. – September 19. – URL: <https://eng.tusresiduos.com/biden-says-the-pandemic-is-over/> (date of access: 23.09.2022).
- Birx D. Silent invasion : the untold story of the Trump administration, Covid-19, and preventing the next pandemic before it's too late. – New York : Harper Collins Publishers, 2022. – 528 p.
- Blanchard O. In defense of concerns over the \$1.9 trillion relief plan // Peterson Institute for International Economics (PIIE). – 2021. – February 18. – URL: <https://www.piie.com/blogs/realtime-economic-issues-watch/defense-concerns-over-19-trillion-relief-plan> (date of access: 26.08.2022).
- Bodenstein M., Corsetti G., Guerrieri L. Economic and epidemiological effects of mandated and spontaneous social distancing // COVID Economics / CEPR. – 2021. – Iss. 71, March 10. – P. 1–18.
- Bonam D., Smādu A.I. What history tells us about pandemics' impact on inflation // World Economic Forum / VoxEU. – 2021. – August 1. – URL: <https://www.weforum.org/agenda/2021/08/history-pandemics-inflation-economics/> (date of access: 26.08.2022).
- Boone L. Tackling the fallout from COVID-19 // Economics in the time of COVID-19 / ed. by R. Baldwin, B.W. di Mauro. – London : CEPR Press : VoxEU.org eBook. – 2020. – P. 37–44.
- Bosshardt J., Kakhbod A. Why did firms draw down their credit lines during the COVID-19 shutdown? // COVID Economics / CEPR. – 2021. – Iss. 78, 27.04. – P. 1–34. – URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3696981> (date of access: 26.08.2022).
- Botta A., Caverzasi E., Russo A. Fighting the COVID-19 crisis : debt monetization and EU recovery bonds // Intereconomics. – 2020. – Vol. 55, N 4, July-August. – P. 239–244.
- Bourne R. Economics in one virus : an introduction to economic reasoning through COVID-19. – Washington, DC : CATO Institute, 2021. – 320 p.
- Bracarense N. The economy at the time of COVID-19 : theoretical and political debates in the USA // Economists and COVID-19 : ideas, theories and policies during the pandemic / ed. by A. Lazzarini, D. Melnik. – Cham : Palgrave Macmillan, 2022. – P. 109–134.
- Breitwieser A., Nunn R., Shambaugh J. The recent rebound in prime-age labor force participation // Brookings. – 2018. – August 2. – URL: <https://www.brookings.edu/blog/up-front/2018/08/02/the-recent-rebound-in-prime-age-labor-force-participation/> (date of access: 26.08.2022).
- Brinca P., Duarte J.B., Faria e Castro M. Is the COVID-19 pandemic a supply or a demand shock? // Economic Synopses. – 2020. – N 31. – URL: <https://doi.org/10.20955/es.2020.31> (date of access: 16.09.2022).
- Broughel J., Kotrous M. The benefits of coronavirus suppression : a cost-benefit analysis of the response to the first wave of COVID-19 in the United States // Plos One. –

2021. – Vol. 16, N 6, June 3. – URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0252729> (date of access: 26.08.2022).
- Brown N.M., Lawson M.L., Morgenstern E.M. COVID-19 and foreign assistance : issues for Congress / Congressional Research Service (CRS). – Washington, DC, 2020. – IF11496. – 3 p.
- Bytterbier K. Covid-19 and capitalism : successes and failures of the legal methods for dealing with a pandemic. – Cham : Springer, 2022. – 1109 p.
- Caron J.-F. A sketch of the world after the COVID-19 crisis. – Singapore : Palgrave Macmillan, 2021. – 60 p.
- Casselman B. Pandemic wave of automation may be bad news for workers // *The New York Times*. – 2021. – July 3. – URL: <https://www.nytimes.com/2021/07/03/business/economy/automation-workers-robots-pandemic.html> (date of access: 26.08.2022).
- Cavallo A. Inflation with Covid consumption baskets // *COVID Economics / CEPR*. – 2021. – Iss. 72, March 18. – P. 121–135.
- Cecchetti S.G., Schoenholtz K.L. Contagion : bank runs and COVID-19 // *Economics in the time of COVID-19* / ed. by R. Baldwin, B.W. di Mauro. – London : CEPR Press : VoxEU.org eBook, 2020. – P. 77–80.
- Changing age distribution of the COVID-19 pandemic – United States, May–August 2020 / T.K. Boehmer [et al.] // *Morbidity and Mortality Weekly Report*. – 2020. – Vol. 69, N 39. – P. 1404–1409. – URL: <https://www.cdc.gov/mmwr/volumes/69/wr/mm6939e1.htm> (date of access: 15.09.2022).
- Chan-Lau J.A., Zhao Y. Hang in there : stock market reactions to withdrawals of COVID-19 stimulus measures // *COVID Economics / CEPR*. – 2021. – Iss. 60, December 4. – P. 57–79.
- Chapman J., Maciag M., Hamman J. States' prime-age employment rates are still recovering // *Pew Research Center*. – 2022. – March 10. – URL: <https://www.pewtrusts.org/en/research-and-analysis/articles/2022/03/10/states-prime-age-employment-rates-are-still-recovering> (date of access: 27.09.2022).
- Chernozhukov V., Kasahara H., Schrimpf P. The association of opening K-12 schools and colleges with the spread of Covid-19 in the United States : county-level panel data analysis // *COVID Economics / CEPR*. – 2021. – Iss. 70, 25.02. – P. 70–108.
- Citizens' willingness to support new taxes for COVID-19 : measures and the role of trust / Lachapelle E. [et al.] // *Politics & Policy*. – 2021. – Vol. 49, N 3, June. – P. 534–565. – URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC8251442/> (date of access: 26.08.2022).
- Cochrane J.H. Coronavirus monetary policy // *Economics in the time of COVID-19* / ed. by R. Baldwin, B.W. di Mauro. – London : CEPR Press : VoxEU.org eBook, 2020. – P. 105–108.
- Commercial Paper Funding Facility 2020 : program terms and conditions / Board of Governors of the Federal Reserve System. – 2020. – 17.03. – URL: <https://www.federalreserve.gov/newsevents/pressreleases/files/monetary20200317a1.pdf> (date of access: 26.08.2022).
- Concierge treatment from banks : evidence from the Paycheck Protection Program / Duchin R., Martin X., Michaely R., Wang I. // *COVID Economics / CEPR*. – 2020. – Iss. 59, 27.11. – P. 77–117.

- Continetti M. Economic data and the coming elections // National rev. magazine. – 2022. – 29.08. – Vol. 74, N 16. – URL: https://www.nationalreview.com/magazine/2022/08/29/economic-data-and-the-coming-elections/?utm_source=recirc-desktop&utm_medium=article&utm_campaign=river&utm_content=next-article&utm_term=first (date of access: 01.09.2022).
- Conway K. Here's the Deal : a memoir. – New York : Threshold Editions, 2022. – 512 p.
- Copelovitch M. An unprecedented recovery : why have we lost the plot? // Intereconomics. – 2022. – Vol. 57, N 1. – P. 63–64. – URL: <https://www.intereconomics.eu/contents/year/2022/number/1/article/an-unprecedented-recovery-why-have-we-lost-the-plot.html> (date of access: 26.08.2022).
- Cortes G.M., Forsythe E.C. The heterogeneous labor market impacts of the Covid-19 pandemic / W.E. Upjohn Institute for employment research. – Kalamazoo, MI, 2020. – 28.05. – 36 p. – (Upjohn Institute working paper ; 20–327).
- Cotton C.D., Garga V., Rohan J. Consumption spending and inequality during the Covid-19 pandemic // COVID Economics / CEPR. – 2021. – Iss. 83, 02.07. – P. 116–153.
- Cotula L. Towards a political economy of the COVID-19 crisis : reflections on an agenda for research and action // World development. – 2021. – Vol. 138, February. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0305750X20303624> (date of access: 26.08.2022).
- COVID-19 : briefing materials. – New York : McKinsey & Co, 2020. – 56 p.
- COVID-19 : confronting uncertainty through & beyond the crisis / Goodman J., Klein F., McTavish G., Billa G. ; Monitor Deloitte. – 2020. – April. – 12 p. – URL: <https://www2.deloitte.com/global/en/pages/about-deloitte/articles/covid-19--confronting-uncertainty-through---beyond-the-crisis-.html> (date of access: 15.09.2022).
- COVID-induced economic uncertainty and its consequences / Baker S., Bloom N., Davis S., Terry S. ; CEPR. – 2020. – 13.04. – URL: <https://voxeu.org/article/covid-induced-economic-uncertainty-and-its-consequences> (date of access: 25.08.2022).
- COVID-19 policy responses, mobility, and food prices / Dietrich S., Giuffrida V., Martorano B., Schnerzeck G. // American j. of agricultural economics. – 2022. – Vol. 104, Iss. 2, March. – P. 569–588. – URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/ajae.12278> (date of access: 26.08.2022).
- COVID-19 : stringency index / Ritchie H. [et al.] // Our World in Data. – 2020. – URL: <https://ourworldindata.org/covid-stringency-index> (date of access: 23.09.2022).
- COVID-19 : supply chain disruptions in the U.S. fruit and vegetable industry / Congressional Research Service (CRS). – Washington, DC., 2020. – R 46348. – 7 p.
- COVID-19 uncertainty : a tale of two tails / Bunn Ph. [et al.] ; Becker-Friedman Institute. – Chicago, Ill., 2021. – November. – 8 p. – (Working paper ; № 2021–135).
- COVID-19: US developments – implementation and oversight of CARES Act / Stewart D., Schnittger D., Goldstein B.L., Kasulke L.L. // The National Law rev. – 2020. – Vol. 10, N 160, 08.06. – URL: <https://www.natlawreview.com/article/covid-19-us-developments-implementation-and-oversight-cares-act-june-8-2020> (date of access: 23.09.2022).
- Current employment statistics – CES National / US Bureau of Labor Statistics. – Washington, DC., 2022. – URL: <https://www.bls.gov/ces/data/> (date of access: 16.09.2022).

- Cutler D.M., Summers L.H. The COVID-19 pandemic and the \$16 trillion virus // *J. of the American Medical Association (JAMA)*. – 2020. – Vol. 324, Iss. 15. – P. 1495–1496.
- Demary M., Hasenclever S., Hüther M. Why the COVID-19 pandemic could increase the corporate saving trend in the long run // *Intereconomics*. – 2021. – Vol. 56, N 1. – P. 40–44. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10272-021-0949-x> (date of access: 26.08.2022).
- DeSilver D. How has the COVID-19 pandemic reshaped how US workers get paid? // *World Economic Forum*. – 2022. – 06.01. – URL: <https://www.weforum.org/agenda/2022/01/many-u-s-workers-are-seeing-bigger-paychecks-in-pandemic-era-but-gains-aren-t-spread-evenly/> (date of access: 26.08.2022).
- Dey M., Loewenstein M.A. How many workers are employed in sectors directly affected by COVID-19 shutdowns, where do they work, and how much do they earn? // *Monthly Labor rev.* / U.S. Bureau of Labor Statistics. – 2020. – N 6, April. – URL: <https://stats.bls.gov/opub/mlr/2020/article/pdf/covid-19-shutdowns.pdf> (date of access: 23.09.2022).
- Diebold F.X. Real-time real economic activity entering the pandemic recession // *COVID Economics / CEPR*. – 2021. – Iss. 62, 18.12. – P. 1–19.
- Dingel J.I., Neiman B. How many jobs can be done at home? // *J. of public economics*. – 2020. – Vol. 189, September. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2020.104235> (date of access: 26.08.2022).
- Donnelly R., Patrinos H.A. Learning loss during COVID-19 : an early systematic review // *COVID Economics / CEPR*. – 2021. – Iss. 77, 30.04. – P. 145–153.
- Dorfman D. Retail trade employment : before, during, and after the pandemic // *Beyond the Numbers* / U.S. Bureau of Labor Statistics. – Washington, DC., 2022. – Vol. 11, N 4, April. – URL: <https://www.bls.gov/opub/btn/volume-11/retail-trade-employment-before-during-and-after-the-pandemic.htm> (date of access: 20.07.2022).
- Doti J.L. Benefit-cost analysis of COVID-19 policy intervention at the state and national level // *COVID Economics / CEPR*. – 2021. – Iss. 67, 04.02. – P. 94–127.
- Dreger C., Gros D. Lockdowns and the US unemployment crisis // *COVID Economics / CEPR*. – 2021. – Iss. 64, 13.01. – P. 165–185.
- Duff J.H., Sekar K. American Rescue Plan Act of 2021 (P.L. 117–2) : Public health, medical supply chain, health services, and related provisions / *Congressional Research Service (CRS)*. – Washington, DC, 2021. – July 20. – R46834. – 56 p.
- Education in a pandemic : the disparate impacts of COVID-19 on America's students. Official Report / US Government, Dept. of Education: Office for Civil Rights. – Washington, DC., 2021. – 08.06. – vi, 54 p. – URL: <https://www2.ed.gov/about/offices/list/ocr/docs/20210608-impacts-of-covid19.pdf> (date of access: 23.09.2022).
- Eichenbaum M.S., Rebelo S., Trabandt M. The macroeconomics of epidemics / *NBER*. – Cambridge, Mass., 2021. – April. – 41 p. – (NBER Working Paper : N 26882). – URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w26882/w26882.pdf (date of access: 26.08.2022).
- Eichengreen B. Bidenomics : content and prospects // *Intereconomics*. – 2021. – Vol. 56, N 4. – P. 243–244. – URL: <https://www.intereconomics.eu/contents/year/2021/number/4/article/bidenomics-content-and-prospects.html> (date of access: 26.08.2022).

- Elgazzar A.S. Coopetition in quantum prisoner's dilemma and COVID-19 // Quantum Information Processing. – 2021. – Vol. 20, N 3, Article 102. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11128-021-03054-8> (date of access: 26.08.2022).
- Employment recovery in the wake of the COVID-19 pandemic / Handwerker E.W. [et al.] // Monthly labor rev. / U.S. Bureau of Labor Statistics. – Washington, DC., 2020. – December. – URL: <https://www.bls.gov/opub/mlr/2020/article/employment-recovery.htm> (date of access: 23.09.2022).
- Employment situation summary / U.S. Bureau of Labor Statistics. – 2021a. – 05.03. – URL: <https://www.bls.gov/news.release/empsit.nr0.htm> (date of access: 20.07.2022).
- Employment situation summary. Table A. Household data, seasonally adjusted / U.S. Bureau of Labor Statistics. – 2021b. – URL: <https://www.bls.gov/news.release/empsit.a.htm> (date of access: 20.07.2022).
- Enda G., Gale W.G., Haldeman C. Careful or careless? Perspectives on the CARES Act / Brookings Institution. – 2020. – 27.03. – URL: <https://www.brookings.edu/blog/up-front/2020/03/27/careful-or-careless-perspectives-on-the-cares-act/> (date of access: 26.08.2022).
- Ente P. COVID-Related Tax Relief Act // JD Supra. – 2020. – 23.12. – URL: <https://www.jdsupra.com/legalnews/covid-related-tax-relief-act-summary-49412/> (date of access: 15.09.2022).
- Evidence for the «great resignation» is thin on the ground // The Economist. – 2021. – 06.12. – URL: <https://www.economist.com/finance-and-economics/evidence-for-the-great-resignation-is-thin-on-the-ground/21806659> (date of access: 15.09.2022).
- Faberman R.J., Mueller A.I., Şahin A. Has the willingness to work fallen during the pandemic? / Federal Reserve Bank of Chicago. – Chicago, Ill., 2022. – February. – (Working Paper ; WP 2022–08). – URL: <https://doi.org/10.21033/wp-2022-08> (date of access: 26.08.2022).
- Fact sheet : The American Rescue Plan will deliver immediate economic relief to families / US Government, Dept. of the Treasury. – Washington, DC., 2021. – 18.03. – URL: <https://home.treasury.gov/news/featured-stories/fact-sheet-the-american-rescue-plan-will-deliver-immediate-economic-relief-to-families> (date of access: 23.09.2022).
- Falcattoni E., Nygaard V.M. A literature review on the impact of increased unemployment insurance benefits and stimulus checks in the United States // COVID Economics / CEPR. – 2021. – Iss. 64, 13.01. – P. 186–201.
- Federal Reserve Board announces establishment of a Primary Dealer Credit Facility (PDCF) to support the credit needs of households and businesses / Board of Governors of the Federal Reserve System. – 2020a. – 17.03. – URL: <https://www.federalreserve.gov/newsevents/pressreleases/monetary20200317b.htm> (date of access: 26.08.2022).
- Federal Reserve statement – lowering federal funds rate to 0 to .25% // Reuters. – 2020b. – 16.03. – URL: <https://www.reuters.com/article/us-health-coronavirus-central-banks-fed-idUKKBN2121A0> (date of access: 15.09.2022).
- Fleming M., Ruela F. Treasury market liquidity during the COVID-19 crisis / Federal Reserve Bank of New York. – 2020. – 17.04. – URL: <https://libertystreeteconomics.newyorkfed.org/2020/04/treasury-market-liquidity-during-the-covid-19-crisis/> (date of access: 27.09.2022).

- Foreign and International Monetary Authorities (FIMA) Repo Facility / Board of Governors of the Federal Reserve System. – 2021. – 28.07. – URL: <https://www.federalreserve.gov/monetarypolicy/fima-repo-facility.htm#:~:text=The%20FIMA%20Repo%20Facility%20allows,agreements%20with%20the%20Federal%20Reserve> (date of access: 26.08.2022).
- Fourth COVID-19 Relief Package (P.L. 116–139) / Congressional Research Service (CRS). – Washington, DC., 2020. – 24.04. – R46325. – 10 p.
- Fraja de G., Matheson J., Rockey J. Zoomshock : The geography and local labour market consequences of working from home // *COVID Economics / CEPR*. – 2021. – Iss. 64, 13.01. – P. 1–41.
- Fry R. Amid the pandemic, a rising share of older U.S. adults are now retired / *Pew Research Center*. – Washington, DC., 2021. – 04.11. – URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2021/11/04/amid-the-pandemic-a-rising-share-of-older-u-s-adults-are-now-retired/> (date of access: 16.09.2022).
- Fujita Sh., Moscarini G., Postel-Vinay F. The labour market policy response to COVID-19 must save aggregate matching capital / *CEPR*. – 2020. – 30.03. – URL: <https://voxeu.org/article/labour-market-policy-response-covid-19-must-save-aggregate-matching-capital> (date of access: 26.08.2022).
- Furman J., Powell W. III. Unemployment continues to fall but workers still not returning to the labor force / *Peterson Institute for International Economics (PIIE)*. – 2021. – 05.02. – URL: <https://www.piie.com/blogs/realtime-economic-issues-watch/unemployment-continues-fall-workers-still-not-returning-labor> (date of access: 26.08.2022).
- Furman J., Powell W. III. U.S. unemployment rate falls again but little progress after accounting for recalls from temporary layoffs / *Peterson Institute for International Economics (PIIE)*. – 2020 a. – 02.07. – URL: <https://www.piie.com/blogs/realtime-economic-issues-watch/us-unemployment-rate-falls-again-little-progress-after> (date of access: 26.08.2022).
- Furman J., Powell W. III. US unemployment situation worsens in November / *Peterson Institute for International Economics (PIIE)*. – 2020 b. – 04.12. – URL: <https://www.piie.com/blogs/realtime-economic-issues-watch/us-unemployment-situation-worsens-november> (date of access: 26.08.2022).
- General state and local fiscal assistance and COVID-19 : background and available data / *Congressional Research Service (CRS)*. – Washington, DC., 2021. – 08.02, R45298. – 12 p.
- Goolsbee A., Syverson Ch. Fear, lockdown, and diversion : comparing drivers of pandemic economic decline 2020 / *NBER*. – 2020. – July. – 23 p. – (*NBER Working Paper ; 27432*). – URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w27432/w27432.pdf (date of access: 26.08.2022).
- Gopinath G. The Great Lockdown : worst economic downturn since the Great Depression // *IMF Blog*. – 2020. – 14.04. – URL: <https://blogs.imf.org/2020/04/14/the-great-lockdown-worst-economic-downturn-since-the-great-depression/> (date of access: 26.08.2022).
- Groschen E.L. COVID-19's impact on the U.S. labor market as of September 2020 // *Business Economics / National Association for Business Economics (NABE)*. – 2020. – Vol. 55. – P. 213–228.
- Guaitoli G., Tochev T. Do localised lockdowns cause labour market externalities? // *COVID Economics / CEPR*. – 2021. – Iss. 69, February 17. – P. 46–86.

- Guidance on the Employee Retention Credit under Section 2301 of the Coronavirus Aid, Relief, and Economic Security Act / IRS. – Washington, DC., 2021. – Notice 2021–20. – 102 p.
- Gürcan E.F., Kahraman Ö.E., Yanmaz S. COVID-19 and the future of capitalism : postcapitalist horizons beyond neoliberalism. – Warwickshire, UK : Practical Action Publishing, 2021. – 132 p.
- Harring N., Jagers S.C., Löfgren Å. COVID-19 : large-scale collective action, government intervention, and the importance of trust // *World Development*. – 2021. – Vol. 138, February, Article 105236. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0305750X20303636> (date of access: 26.08.2022).
- Hensley R., Maurer I., Padhi A. How the automotive industry is accelerating out of the turn // *McKinsey Quarterly*. – 2021. – 16.07. – URL: <https://www.mckinsey.com/industries/automotive-and-assembly/our-insights/how-the-automotive-industry-is-accelerating-out-of-the-turn> (date of access: 15.09.2022).
- Hensvik L., Le Barbanchon T., Rathelot R. Job search during the COVID-19 crisis // *J. of public economics*. – 2021. – Vol. 194, February. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2020.104349> (date of access: 26.08.2022).
- How COVID-19 is accelerating the digital revolution : challenges and opportunities / eds : R. Anandan [et al.]. – Cham : Springer Nature Switzerland AG, 2020. – 220 p. – URL: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-98167-9> (date of access: 26.08.2022).
- How does household spending respond to an epidemic? Consumption during the 2020 COVID-19 pandemic / Baker S.R. [et al.] ; National Bureau of Economic Research (NBER). – Cambridge, Mass., 2020. – April. – 35 p. – (Working Paper ; 26949). – URL: <http://www.nber.org/papers/w26949> (date of access: 26.08.2022).
- How quickly will America’s labour market recover? // *The Economist*. – 2021. – 02.01. – URL: <https://www.economist.com/finance-and-economics/2021/01/02/how-quickly-will-americas-labour-market-recover> (date of access: 26.08.2022).
- How segregated is urban consumption? / Davis D.R., Dingel J.I., Monras J., Morales E. // *J. of political economy*. – 2019. – Vol. 127, N 4. – P. 1684–1738. – URL: <https://doi.org/10.1086/701680> (date of access: 28.09.2022).
- H.R. 7010 – Paycheck Protection Program Flexibility Act of 2020 / CONGRESS.GOV. – 2020. – URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/7010/text> (date of access: 01.09.2022).
- Hunter A. The U.S. labor market isn’t adding up and this is why // *Forbes*. – 2021. – 08.09. – URL: <https://www.forbes.com/sites/forbeshumanresourcescouncil/2021/09/08/the-us-labor-market-isnt-adding-up-and-this-is-why/?sh=2c87f1bb1990> (date of access: 26.08.2022).
- Ice L., Rieley M.J. Expected pandemic-driven employment changes : a comparison of 2019–29 and 2020–30 projection sets // *Monthly labor rev.* / U.S. Bureau of Labor Statistics. – Washington, DC., 2022. – February. – URL: <https://www.bls.gov/opub/mlr/2022/article/expected-pandemic-driven-employment-changes.htm> (date of access: 23.09.2022).
- Imbert F., Fitzgerald M. Dow rallies more than 200 points to close out its best quarter since 1987 / *CNBC*. – 2020. – 30.06. – URL: <https://www.cnn.com/2020/06/29/stock-market-futures-open-to-close-news.html> (date of access: 15.09.2022).

- Impact of COVID-19 on the United States economy and the policy response / CEPAL. – New York, 2020. – August. – 30 p. – URL: <http://hdl.handle.net/11362/45984> (date of access: 26.08.2022).
- Introduction to U.S. economy : consumer spending / Congressional Research Service (CRS). – Washington, DC., 2022. – 12.07, IF11657. – 3 p.
- Irwin N. Will the pandemic productivity boom last? // *The New York Times*. – 2021a. – 10.08. – URL: <https://www.nytimes.com/2021/08/10/upshot/will-the-pandemic-productivity-boom-last.html> (date of access: 26.08.2022).
- Irwin N. Workers are gaining leverage over employers right before our eyes // *The New York Times*. – 2021 b. – 20.07. – URL: <https://www.nytimes.com/2021/06/05/upshot/jobs-rising-wages.html> (date of access: 26.08.2022).
- Jenny F. Economic resilience, globalisation and market governance : facing the Covid-19 test // *COVID Economics / CEPR*. – 2020. – Iss. 1, 03.04. – P. 64–78.
- Joe Biden’s stimulus is a high-stakes gamble for America and the world // *The Economist*. – 2021. – 13.03. – URL: https://www.economist.com/leaders/2021/03/13/joe-bidens-stimulus-is-a-high-stakes-gamble-for-america-and-the-world?utm_campaign=the-economist-this-week&utm_medium=newsletter&utm_source=salesforce-marketing-cloud (date of access: 26.08.2022).
- Jordà Ò., Singh S.R., Taylor A.M. The longer-run economic consequences of pandemics / *CEPR*. – 2020. – 08.04. – URL: <https://voxeu.org/article/longer-run-economic-consequences-pandemics> (date of access: 26.08.2022).
- Kamolov S.G. Public administration in a Post-COVID economy // *Post-COVID economic revival*. – Cham : Palgrave Macmillan, 2021. – Vol. I / ed. by V.S. Osipov. – P. 21–38. – URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-83561-3_2 (date of access: 26.08.2022).
- Karageorge E.X. COVID-19 recession is tougher on women // *Monthly labor rev / US Bureau of Labor Statistics*. – Washington, DC., 2020. – September. – URL: <https://www.bls.gov/opub/mlr/2020/beyond-bls/covid-19-recession-is-tougher-on-women.htm> (date of access: 20.07.2022).
- Karger E., Rajan A. Heterogeneity in the marginal propensity to consume : evidence from Covid-19 stimulus payments / *Federal Reserve Bank of Chicago*. – Chicago, Ill., 2020. – 52 p. – (Working Paper ; 2020–15). – URL: <https://doi.org/10.21033/wp-2020-15> (date of access: 26.08.2022).
- Kochhar R., Sechopoulos S. COVID-19 pandemic pinches finances of America’s lower- and middle-income families / *Pew Research Center*. – Washington, DC., 2022. – 20.04. – 21 p. – URL: <https://www.pewresearch.org/social-trends/2022/04/20/covid-19-pandemic-pinches-finances-of-americas-lower-and-middle-income-families/> (date of access: 26.08.2022).
- Kok J.L.C. Short-term trade-off between stringency and economic growth // *COVID Economics / CEPR*. – 2021. – Iss. 60, 04.12. – P. 172–188.
- König M., Winkler A. COVID-19 and economic growth : does good government performance pay off? // *Intereconomics*. – 2020. – Vol. 55, Iss. 4. – P. 224–231. – URL: <https://www.intereconomics.eu/contents/year/2020/number/4/article/covid-19-and-economic-growth-does-good-government-performance-pay-off.html> (date of access: 26.08.2022).

- König M., Winkler A. COVID-19 : lockdowns, fatality rates and GDP growth // *Inter-economics*. – 2021. – Vol. 56, Iss. 1, January. – P. 32–39. – URL: <https://doi.org/10.1007/s10272-021-0948-y> (date of access: 26.08.2022).
- Koren M., Peto R. Business disruptions from social distancing // *COVID Economics / CEPR*. – 2020. – Iss. 2, 08.04. – P. 13–31.
- Krugman P. On the economics of not dying // *The New York Times*. – 2020a. – 28.05. – URL: <https://www.nytimes.com/2020/05/28/opinion/coronavirus-economy-death.html> (date of access: 26.08.2022).
- Krugman P. Trump’s coronavirus response was beyond incompetent // *The New York Times*. – 2020b. – 10.09. – URL: <https://www.nytimes.com/2020/09/10/opinion/donald-trump-coronavirus.html> (date of access: 26.08.2022).
- Krugman P. What is it with Trump and face masks // *The New York Times*. – 2020c. – 17.09. – URL: <https://www.nytimes.com/2020/09/17/opinion/donald-trump-masks.html> (date of access: 26.08.2022).
- Kushner J. *Breaking history : a White House memoir*. – New York : Broadside Books : Harper Collins Publishers, 2022. – 512 p.
- Labor demand in the time of COVID-19 : evidence from vacancy postings and UI claims / Forsythe E., Kahn L.B., Lange F., Wiczer D. // *J. of public economics*. – 2020. – Vol. 189, September, article 104238. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2020.104238> (date of access: 26.08.2022).
- Lane Ph.R. Inflation dynamics during a pandemic / *European Central Bank (ECB)*. – Frankfurt am Main, 2021. – 01.04. – URL: <https://www.ecb.europa.eu/press/blog/date/2021/html/ecb.blog210401~6407b23d87.en.html> (date of access: 26.08.2022).
- Langley K., Ostroff C. Stocks suffer worst day since June 2020 // *The Wall Street j.* – 2022. – 13.09. – URL: <https://www.wsj.com/articles/global-stocks-markets-dow-update-09-13-2022-11663065625> (date of access: 26.08.2022).
- Leibovici F., Santacreu A.M., Famiglietti M. Social distancing and contact-intensive occupations / *Federal Reserve Bank of St. Louis*. – 2020. – 24.03. – URL: <https://www.stlouisfed.org/on-the-economy/2020/march/social-distancing-contact-intensive-occupations> (date of access: 23.09.2022).
- Lempinen E. COVID-19 : economic impact, human solutions // *Berkeley News*. – Berkeley : Univ. of California, 2020. – 10.04. – URL: <https://news.berkeley.edu/2020/04/10/covid-19-economic-impact-human-solutions/> (date of access: 26.08.2022).
- Leonard A., Boutillier K. The impact of mask mandates on the trade-off between GDP and COVID-19 mortality // *COVID Economics / CEPR*. – 2021. – Iss. 80, 09.06. – P. 155–231.
- Levitz E. GOP hopes to revive economy by making life harder for unemployed // *Intelligencer*. – 2020a. – 01.07. – URL: <https://nymag.com/intelligencer/2020/07/unemployment-benefits-expire-july-coronavirus-stimulus.html> (date of access: 26.08.2022).
- Levitz E. The GOP’s procrastination on COVID relief is inexcusable // *Intelligencer*. – 2020b. – 25.07. – URL: <https://nymag.com/intelligencer/2020/07/the-gops-procrastination-on-covid-relief-is-inexcusable.html> (date of access: 26.08.2022).
- Macroeconomic implications of COVID-19 : can negative supply shocks cause demand shortages? / Guerrieri V., Lorenzoni G., Straub L, Werning I. ; *National Bureau of Economic Research (NBER)*. – 2020. – April. – 37 p. – (Working Paper ; 26918). – URL: <http://www.nber.org/papers/w26918> (date of access: 23.09.2022).

- Main Street Lending Program / Board of Governors of the Federal Reserve System. – 2022. – 12.07. – URL: <https://www.federalreserve.gov/monetarypolicy/mainstreetlending.htm> (date of access: 26.08.2022).
- Mankiw N.G. Two significant U.S. macroeconomic needs to consider amid the coronavirus pandemic / Washington Center for Equitable Growth. – 2020. – 15.04. – URL: <https://equitablegrowth.org/two-significant-u-s-macroeconomic-needs-to-consider-amid-the-coronavirus-pandemic/> (date of access: 26.08.2022).
- Mann C.L. Real and financial lenses to assess the economic consequences of COVID-19 // Economics in the time of COVID-19 / ed. by R. Baldwin, B.W. di Mauro. – London : CEPR Press : VoxEU.org eBook, 2020. – P. 81–92.
- Massie Th., Tucker J.A. Congress and the pandemic response : an interview with Thomas Massie / Brownstone Institute. – 2022. – 16.05. – URL: <https://brownstone.org/video-podcast/congress-and-the-pandemic-response-an-interview-with-thomas-massie/> (date of access: 26.08.2022).
- Mauro di B.W. Macroeconomics of the flu // Economics in the time of COVID-19 / ed. by R. Baldwin, B.W. di Mauro. – London : CEPR Press : VoxEU.org eBook, 2020. – P. 31–36.
- McKibbin W., Fernando R. The economic impact of COVID-19 // Economics in the time of COVID-19 / ed. by R. Baldwin, B.W. di Mauro. – London : CEPR Press : VoxEU.org eBook, 2020. – P. 45–52.
- Measuring the labor market at the onset of the COVID-19 crisis / Bartik A.W. [et al.]. – Chicago : Becker Friedman Institute, 2020. – July. – 29 + xxii p. – (Working paper ; N 2020–83). – URL: https://bfi.uchicago.edu/wp-content/uploads/BFI_WP_202083.pdf (date of access: 26.08.2022).
- Meier J.-M., Smith J. The COVID-19 bailouts // COVID economics / CEPR. – 2021. – Iss. 83, 02.07. – P. 54–87.
- Meyer B.H., Schweitzer M.E. The impact of the pandemic on US businesses : new results from the Annual Business Survey / Federal Reserve Bank of Atlanta, Economic Policy Research Center. – 2022. – N 3. – 13 p. – URL: <https://www.atlantafed.org/-/media/documents/research/publications/policy-hub/2022/03/22/03--impact-of-pandemic-on-us-businesses--new-results-from-annual-business-survey.pdf> (date of access: 23.09.2022).
- Milstein E., Wessel D. What did the Fed do in response to the COVID-19 crisis? / Brookings Institution. – Washington, DC., 2021. – 17.12. – URL: <https://www.brookings.edu/research/fed-response-to-covid19/#:~:text=Easing%20Monetary%20Policy,of%200%25%20to%200.25%25> (date of access: 15.09.2022).
- Mishel L., Shierholz H. Robots, or automation, are not the problem : too little worker power is / Economic Policy Institute (EPI). – 2017. – 21.02. – URL: <https://www.epi.org/publication/robots-or-automation-are-not-the-problem-too-little-worker-power-is/> (date of access: 26.08.2022).
- Monetary and fiscal complementarity in the Covid-19 pandemic / Chadha J.S., Corrado L., Meaning J., Schuler T. // COVID Economics / CEPR. – 2021. – Iss. 81, 16.06. – P. 76–117.
- Mongey S., Pilossoph L., Weinberg A. Which workers bear the burden of social distancing? / National Bureau of Economic Research (NBER). – Cambridge, Mass.,

2021. – March. – 33 p. – (Working Paper ; 27085). – URL: <http://www.nber.org/papers/w27085> (date of access: 26.08.2022).
- Monthly civilian labor force participation rate in the United States from January 2020 to January 2021 // Statista. – 2021. – 10.02. – URL: <https://www.statista.com/statistics/193961/seasonally-adjusted-monthly-civilian-labor-force-participation-rate-in-the-usa/> (date of access: 10.01.2022).
- Monthly number of job losers in the U.S. from February 2020 to February 2021 // Statista. – 2021. – 10.03. – URL: <https://www.statista.com/statistics/217824/seasonally-adjusted-monthly-number-of-job-losers-in-the-in-the-us/> (date of access: 10.01.2022).
- Monthly unemployment rate in the United States from February 2020 to February 2021 // Statista. – 2021. – 11.03. – URL: <https://www.statista.com/statistics/273909/seasonally-adjusted-monthly-unemployment-rate-in-the-us/> (date of access: 10.01.2022).
- Morikawa M. Uncertainty of firms' economic outlook during the COVID-19 crisis // *COVID Economics / CEPR*. – 2021. – Iss. 81, 16.06. – P. 1–18.
- Mosley M.A. The importance of being earners : modelling the implications of changes to welfare contributions on macroeconomic recovery // *COVID Economics / CEPR*. – 2021. – Iss. 82, 23.06. – P. 99–142.
- National COVID-19 Preparedness Plan / The White House. – Washington, DC., 2022. – March. – 97 p.
- Nesteruk I. COVID-19 pandemic dynamics : mathematical simulations. – Singapore : Springer Nature Singapore Pte Ltd., 2021. – 172 p.
- Nickel Ch., Koester G., Lis E. Inflation developments in the Euro area since the onset of the pandemic // *Intereconomics*. – 2022. – Vol. 57, N 2. – P. 69–75. – URL: <https://www.intereconomics.eu/contents/year/2022/number/2/article/inflation-developments-in-the-euro-area-since-the-onset-of-the-pandemic.html> (date of access: 26.08.2022).
- One-quarter of the employed teleworked in August 2020 because of COVID-19 pandemic / U.S. Bureau of Labor Statistics. – 2020. – 15.09. – URL: <https://www.bls.gov/opub/ted/2020/one-quarter-of-the-employed-teleworked-in-august-2020-because-of-covid-19-pandemic.htm> (date of access: 23.09.2022).
- Optimal targeted lockdowns in a multi-group SIR model / Acemoglu D., Chernozhukov V., Werning I., Whinston M.D. ; National Bureau of Economic Research (NBER). – Cambridge, Mass., 2020. – May. – 57 p. – (Working paper ; N 27102). – URL: <http://www.nber.org/papers/w27102> (date of access: 26.08.2022).
- Osipov V.S. Main threats of the post-COVID economy and statehood // *Post-COVID economic revival*. – Cham : Palgrave Macmillan, 2021. – Vol. 1 / ed. by V.S. Osipov. – P. 1–17. – URL : https://doi.org/10.1007/978-3-030-83561-3_1 (date of access: 26.08.2022).
- Parker K., Horowitz J.M., Minkin R. How the coronavirus outbreak has – and hasn't – changed the way Americans work / Pew Research Center. – 2020. – 09.12. – 32 p. – URL: <https://www.pewresearch.org/social-trends/2020/12/09/how-the-coronavirus-outbreak-has-and-hasnt-changed-the-way-americans-work/> (date of access: 26.08.2022).
- Paycheck Protection Program Liquidity Facility (PPPLF) / Board of Governors of the Federal Reserve System. – 2021. – 25.06. – URL: <https://www.federalreserve.gov/>

- monetarypolicy/ppplf.htm#:~:text=The%20PPP%20provides%20loans%20to,as%20collateral%20at%20face%20value (date of access: 26.08.2022).
- Pettenuzzo D., Sabbatucci R., Timmermann A. Outlasting the pandemic : corporate payout and financing decisions during Covid-19 / SSRN. – 2021. – 01.05. – (CEPR Discussion Paper ; N DP16145). – URL: <https://ssrn.com/abstract=3846260> (date of access: 26.08.2022).
- Pizzinelli C., Shibata I. Why jobs are plentiful while workers are scarce / World Economic Forum. – 2022. – 25.01. – URL: <https://www.weforum.org/agenda/2022/01/jobs-workers-employment/> (date of access: 26.08.2022).
- Plunkett J.J. Beltway Buzz : 2021 labor and employment forecast // The National Law rev. – 2020. – Vol. 10, N 325, 20.11. – URL: <https://www.natlawreview.com/article/beltway-buzz-2021-labor-and-employment-forecast> (date of access: 23.09.2022).
- Policies to support businesses through the COVID-19 shock : a firm-level perspective / Cirera X. [et al.] // COVID Economics / CEPR. – 2021. – Iss. 64, 13.01. – P. 42–72.
- Posen A.S. Making the most of their shot : the American Rescue Plan package // Inter-economics. – 2021. – Vol. 56, Iss. 2, March. – P. 127–128. – URL: <https://doi.org/10.1007/s10272-021-0965-x> (date of access: 26.08.2022).
- Precautionary behavior in response to perceived threat of pandemic influenza / Sadique M.Z., Edmunds W.J., Smith R.D., Meerding W.J. // Emerging Infectious Diseases. – 2007. – Vol. 13, N 9, October. – P. 1307–1313. – URL: https://www.researchgate.net/publication/5600361_Precautionary_Behavior_in_Response_to_Perceived_Threat_of_Pandemic_Influenza (date of access: 15.09.2022).
- Predictive models for decision support in the COVID-19 crisis / Marques J.A.L., Gois F.N.B., Xavier-Neto J., Fong S.J. – Cham : Springer Nature Switzerland AG, 2021. – vii, 98 p. – URL: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-61913-8> (date of access: 26.08.2022).
- President Biden's bipartisan infrastructure law / The White House. – 2021. – URL: <https://www.whitehouse.gov/bipartisan-infrastructure-law/> (date of access: 23.09.2022).
- President Donald J. Trump is committed to supporting small businesses impacted by the coronavirus // The White House. – 2020. – 23.03. – URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/president-donald-j-trump-committed-supporting-small-businesses-impacted-coronavirus/> (date of access: 23.09.2022).
- Primary Market Corporate Credit Facility / Board of Governors of the Federal Reserve System. – 2020. – 28.07. – 2 p. – URL: <https://www.federalreserve.gov/newsevents/pressreleases/files/monetary20200728a9.pdf> (date of access: 26.08.2022).
- Rabinovitch S. America's economy will claw its way back to the pre-covid trend // The Economist. – 2021. – 08.11. – URL: <https://www.economist.com/the-world-ahead/2021/11/08/americas-economy-will-claw-its-way-back-to-the-pre-covid-trend> (date of access: 26.08.2022).
- Rainey R. The labor market mess awaiting Joe Biden // Politico. – 2020. – 25.11. – URL: <https://www.politico.com/news/2020/11/25/biden-labor-market-jobs-440498> (date of access: 26.08.2022).
- Rational policymaking during a pandemic / Berger L., Berger N., Bosetti V., Smith R.D. // PNAS. – 2021. – Vol. 118, N 4, 20.01. – URL: <https://doi.org/10.1073/pnas.2012704118> (date of access: 15.09.2022).

- Reich R. Trump's 4-step plan to reopen the US economy – and why it will be lethal // Salon. – 2020. – 10.05. – URL: https://www.salon.com/2020/05/10/robert-reich-trumps-4-step-plan-for-reopening-the-economy-will-be-lethal_partner/ (date of access: 26.08.2022).
- Romm T., Stein J., Werner E. Senate passes Biden's \$1.9 trillion coronavirus relief bill after voting overnight on amendments, sends measure back to House // The Washington Post. – 2021. – 06.03. – URL: <https://www.washingtonpost.com/us-policy/2021/03/06/biden-stimulus-covid-relief/> (date of access: 26.08.2022).
- Rowan L. Every jobs policy Joe Biden has proposed : unemployment, paid leave, minimum wage on President's wish list // Forbes. – 2021. – 30.01. – URL: <https://www.forbes.com/advisor/personal-finance/biden-jobs-plan/> (date of access: 26.08.2022).
- S. 3548 – CARES Act // Congress.Gov. – Washington, DC., 2020. – 19.03. – 116 Congress. – URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/3548/text?q=product+update> (date of access: 26.08.2022).
- \$300 million in assistance allocated by Secretary of Commerce in CARES Act // NOAA Fisheries. – 2020. – URL: <https://www.fisheries.noaa.gov/national/funding-and-financial-services/300-million-assistance-allocated-secretary-commerce-cares> (date of access: 26.08.2022).
- Sahm C. COVID-19 is transforming economic policy in the United States // Intereconomics. – 2021. – Vol. 56, N 4, July-August. – P. 185–190. – URL: <https://www.intereconomics.eu/contents/year/2021/number/4/article/covid-19-is-transforming-economic-policy-in-the-united-states.html> (date of access: 26.08.2022).
- Scherbina A. Could the United States benefit from a lockdown? A cost-benefit analysis // COVID Economics / CEPR. – 2021. – Iss. 65, 20.01. – P. 78–107.
- Schwandt H., Von Wachter T. The long shadow of an unlucky start // Finance and development / IMF. – 2020. – December. – P. 16–18. – URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/2020/12/pdf/future-of-youth-in-the-era-of-covid-19.pdf> (date of access: 26.08.2022).
- Secondary Market Corporate Credit Facility / Board of Governors of the Federal Reserve System. – 2020. – 28.07. – 2 p. – URL: <https://www.federalreserve.gov/newsevents/pressreleases/files/monetary20200728a1.pdf> (date of access: 26.08.2022).
- Sedov D. Restaurant closures during the pandemic : a descriptive analysis // COVID economics / CEPR. – 2021. – Iss. 82, 23.06. – P. 1–9.
- Shinan-Altman Sh., Levkovich I. COVID-19 precautionary behavior : the Israeli case in the initial stage of the outbreak // BMC Public Health. – 2020. – Vol. 20, N 1718. – P. 1–7. – URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7785909/> (date of access: 15.09.2022).
- Solidarity and fairness in times of crisis / Cappelen A.W., Falch R., Sørensen E.Ø., Tungodden B. // J. of economic behavior & organization. – 2021. – Vol. 186, June. – P. 1–11. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2021.03.017> (date of access: 15.09.2022).
- Spiegel M., Tookes H. All or nothing? Partial business shutdowns and COVID-19 fatality Growth // COVID Economics / CEPR. – 2021. – Iss. 77, 30.04. – P. 1–36.
- Spriggs W.E. Supporting the economy by supporting workers : statement / Testimony prepared for US House of Representatives, Subcommittee on Investor Protection, En-

- trepreneurship, and Capital Markets. – Washington, DC., 2020. – 14.07. – 26 p. – 116 th Congress, Second Session ; Hearing on Capital Markets and Emergency Lending in the COVID-19 Era.
- Stevenson B. The initial impact of COVID-19 on labor market outcomes across groups and the potential for permanent scarring / Brookings Institution. – Washington, DC., 2020. – 11 p. – (The Hamilton Project ; Essay N 2020–16).
- Stieber Z., Jekielek J. New CDC COVID-19 guidance is agency ‘admitting it was wrong’ : Stanford epidemiologist // The Epoch Times. – 2022. – 15.08. – URL: https://www.theepochtimes.com/new-cdc-covid-19-guidance-is-agency-admitting-it-was-wrong-epidemiologist_4662417.html?utm_source=newsnoe&utm_campaign=breaking-2022-08-13-2&utm_medium=email&est=EP27za0Jx6U%2FZrHjFSWXfexgSgLTDY0YjyoKNTRjrFdzOtt%2BRbryVo6JsgCjCsM%3D (date of access: 15.09.2022).
- Stiglitz J.E. The pandemic economic crisis, precautionary behavior, and mobility constraints : an application of the dynamic disequilibrium model with randomness / National Bureau of Economic Research (NBER). – 2020. – October. – 45 p. – (Working paper ; 27992). – URL: <http://www.nber.org/papers/w27992> (date of access: 26.08.2022).
- Strengthening economic resilience following the COVID-19 crisis : a firm and industry perspective. – Paris : OECD Publishing, 2021. – 176 p.
- Sutter K., Sutherland M., Schwarzenberg A. COVID-19 : China medical supply chains and broader trade issues / Congressional Research Service (CRS). – Washington, DC., 2020. – 06.04, R46304. – 61 p.
- Swanson A. Global trade sputters, leaving too much here, too little there // The New York Times. – 2020. – 10.04. – URL: <https://www.nytimes.com/2020/04/10/business/economy/global-trade-shortages-coronavirus.html> (date of access: 15.09.2022).
- Term Asset-Backed Securities Loan Facility / Board of Governors of the Federal Reserve System. – 2020. – 28.07. – 3 p. – URL: <https://www.federalreserve.gov/newsevents/pressreleases/files/monetary20200728a6.pdf> (date of access: 26.08.2022).
- Teulings C.N. School-closure is counterproductive and self-defeating // COVID Economics / CEPR. – 2021. – Iss. 69, 18.02. – P. 166–175.
- The changing American consumer : could a shift from goods to services ease inflation? // The Economist. – 2022. – 29.05. – URL: https://www.economist.com/finance-and-economics/2022/05/29/the-changing-american-consumer?utm_content=ed-picks-article-link-2&etear=nl_special_2&utm_campaign=a.coronavirus-special-edition&utm_medium=email.internal-newsletter.np&utm_source=salesforce-marketing-cloud&utm_term=6/4/2022&utm_id=1190560 (date of access: 26.08.2022).
- The Commercial Paper Funding Facility / Boyarchenko N., Crump R.K., Kovner A., Leonard D. ; Federal Reserve Bank of New York. – New York, 2021. – Report N 982, September. – 13 p. – URL: https://www.newyorkfed.org/medialibrary/media/research/staff_reports/sr982.pdf (date of access: 26.08.2022).
- The Coronavirus Aid, Relief, and Economic Security (CARES) Act – Tax relief for individuals and businesses / Congressional Research Service (CRS). – Washington, DC., 2020. – 28.04, R46279. – 19 p.
- The discount window and discount rate / Board of Governors of the Federal Reserve System. – 2020. – 20.03. – URL: <https://www.federalreserve.gov/monetarypolicy/discountrate.htm> (date of access: 26.08.2022).

- The economic effects of COVID-19 containment measures / Deb P., Furceri D., Ostry J.D., Tawk N. ; CEPR. – 2020. – 17.06. – URL: <https://voxeu.org/article/economic-effects-covid-19-containment-measures> (date of access: 26.08.2022).
- The Economist/YouGov Poll : America. – 2022. – August 7–9. – 267 p. – URL: <https://docs.cdn.yougov.com/agfvwowafe/econTabReport.pdf> (date of access: 15.09.2022).
- The employment situation – February 2021 / U.S. Bureau of Labor Statistics. – 2021. – 05.03. – URL: https://www.bls.gov/news.release/archives/empisit_03052021.pdf (date of access: 20.03.2021).
- The Fed’s Central Bank Swap Lines and FIMA Repo Facility / Choi M., Goldberg L.S., Lerman R., Ravazzolo F. ; Federal Reserve Bank of New York. – New York, 2021. – September. – 23 p. – Report N 983. – URL: https://www.newyorkfed.org/research/staff_reports/sr983.html (date of access: 26.08.2022).
- The future of work after COVID-19 / Lund S. [et al.] ; McKinsey Global Institute. – 2021. – February. – vi, 152 p.
- The impact of COVID-19 on gender equality / Alon T., Doepke M., Olmstead-Rumsey J., Tertilt M. ; National Bureau of Economic Research (NBER). – Cambridge, Mass., 2020. – April. – 39 p. – (NBER Working Paper ; 26947). – URL: <http://www.nber.org/papers/w26947> (date of access: 26.08.2022).
- The impact of the COVID-19 pandemic on jobs and incomes in G20 economies / ILO – OECD. – Geneva, 2020. – 46 p.
- The K-shaped recovery : examining the diverging fortunes of workers in the recovery from the COVID-19 pandemic using business and household survey microdata // COVID economics / Dalton M. [et al.] ; CEPR. – 2021. – Iss. 71, 10.03. – P. 19–58.
- The long-term effects of school closures / Fuchs-Schündeln N., Krueger D., Ludwig A., Popova I. ; CEPR. – 2020. – 12.11. – URL: <https://voxeu.org/article/long-term-effects-school-closures> (date of access: 26.08.2022).
- The Money Market Mutual Fund Liquidity Facility / Anadu K., Cipriani M., Craver R.M., La Spada G. ; Federal Reserve Bank of New York. – New York, 2021. – September. – 20 p. – Report N 980. – URL: https://www.newyorkfed.org/medialibrary/media/research/staff_reports/sr980.pdf (date of access: 26.08.2022).
- The precautionary principle : decision-making under uncertainty : future brief / European Commission // Science for environment policy. – Bristol, 2017. – Issue 18, September. – 24 p. – URL: https://ec.europa.eu/environment/integration/research/newsalert/pdf/precautionary_principle_decision_making_under_uncertainty_FB18_en.pdf (date of access: 15.09.2022).
- The roadblocks of the COVID-19 pandemic in the U.S. automotive industry / Coffin D., Downing D., Horowitz J., LaRocca G. ; U.S. International Trade Commission (USITC). – 2022. – June. – 24 p. – (Working Paper ; ID-091). – URL: https://www.usitc.gov/publications/332/working_papers/final_the_roadblocks_of_the_covid-19_pandemic_in_the_automotive_industry.pdf (date of access: 15.09.2022).
- The unprecedented stock market reaction to Covid-19 / S.R. Baker [et al.] // COVID Economics / CEPR. – 2020. – Iss. 1, 03.04. – P. 33–42.
- The U.S. labor market during the beginning of the pandemic recession / Cajner T. [et al.] ; Becker Friedman Institute. – Chicago, 2020. – 06.05. – 52 p. – (Working Paper ; 2020–58).

- Tinn K. Everyone is a stock trader now : retail investors and Covid-19 // *COVID Economics / CEPR*. – 2021. – Iss. 83, 02.07. – P. 88–115.
- Toda A.A. Susceptible-infected-recovered (SIR) dynamics of Covid-19 and economic impact // *COVID Economics / CEPR*. – 2020. – Iss. 1, 03.04. – P. 43–63.
- Toose J.A. How COVID shook the world's economy. – New York : Viking : Penguin Random House, 2021. – 368 p.
- Tracking the COVID-19 economy's effects on food, housing, and employment hardships / Center on budget and policy priorities. – Washington, DC., 2021. – URL: <https://www.cbpp.org/research/poverty-and-inequality/tracking-the-covid-19-economys-effects-on-food-housing-and> (date of access: 26.08.2022).
- Unemployment insurance provisions in the CARES Act / Congressional Research Service (CRS). – Washington, DC., 2022. – 08.04, IF11475. – 3 p.
- Unemployment rates during the COVID-19 pandemic: In brief / Falk G., Carter J.A., Nicchitta I.A., Nyhof E.C., Romero P. ; Congressional Research Service. – 2021a. – 12.01. – III, 13 p. – (CRS Report ; R46554). – URL: <https://fas.org/sgp/crs/misc/R46554.pdf>
- Unemployment rates for states / U.S. Bureau of Labor Statistics. – 2021b. – 26.01. – URL: <https://www.bls.gov/web/laus/laumstrk.htm> (date of access: 12.02.2022).
- United States Fed Funds Rate // *Trading economics*. – 2022. – URL: <https://tradingeconomics.com/united-states/interest-rate> (date of access: 28.09.2022).
- United States : pandemic impact on people in poverty // Human Rights Watch. – 2021. – 02.03. – URL: <https://www.hrw.org/news/2021/03/02/united-states-pandemic-impact-people-poverty> (date of access: 23.09.2022).
- United States unemployment rate. 1948–2021 // *Trading economics*. – 2021. – URL: <https://tradingeconomics.com/united-states/unemployment-rate> (date of access: 26.08.2022).
- U.S. civilian labor force participation rate: seasonally adjusted, February 2021 // *Statista*. – 2021. – 09.03. – URL: <https://www.statista.com/statistics/193961/seasonally-adjusted-monthly-civilian-labor-force-participation-rate-in-the-usa/> (date of access: 20.03.2021).
- USDA pandemic assistance for producers / U.S. Department of agriculture. – Washington, DC., 2022. – URL: <https://www.farmers.gov/coronavirus/pandemic-assistance> (date of access: 15.09.2022).
- U.S. economic recovery in the wake of COVID-19 : successes and challenges / Congressional Research Service (CRS). – Washington, DC., 2022. – 31.05, R47115. – 39 p.
- US stimulus checks // *AS USA*. – 2022. – 25.01. – URL: https://en.as.com/en/2022/01/24/latest_news/1643016416_639859.html (date of access: 26.08.2022).
- Usual weekly earnings of wage and salary workers : fourth quarter 2020 / U.S. Bureau of Labor Statistics. – 2021. – 21.01. – URL: https://www.bls.gov/news.release/archives/wkyeng_01212021.pdf (date of access: 12.02.2021).
- Van den End J.W., Ben-Haim Y. Robust policy in times of pandemic // *Intereconomics*. – 2021. – Vol. 56, Iss. 2, March. – P. 108–112. – URL: <https://doi.org/10.1007/s10272-021-0961-1> (date of access: 26.08.2022).
- Voth J. Trade and travel in the time of epidemics // *Economics in the time of COVID-19* / ed. by R. Baldwin, B.W. di Mauro. – London : CEPR Press : VoxEU.org eBook, 2020. – P. 93–104.

- Wallheimer B. How COVID-19 has changed the global economy / Univ. of Chicago News. – 2020. – 11.05. – URL: <https://news.uchicago.edu/story/how-covid-19-has-changed-global-economy> (date of access: 26.08.2022).
- Weinstock L.R. COVID-19 : how quickly will unemployment recover? / Congressional Research Service (CRS). – 2020. – 06.11, IN 11460. – 4 p. – URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IN/IN11460> (date of access: 26.08.2022).
- Werner E. House democrats pass \$3 trillion Coronavirus Relief Bill despite Trump’s veto threat // The Washington Post. – 2020. – 15.05. – URL: <https://www.washingtonpost.com/us-policy/2020/05/15/democrats-pelosi-congress-coronavirus-3-trillion-trump/> (date of access: 15.09.2022).
- Where is the U.S. economy headed : soft landing, hard landing, or stagflation? / Congressional Research Service (CRS). – Washington, DC., 2022. – 28.07, IN11963. – 4 p.
- Which economies have done best and worst during the pandemic? // The Economist. – 2022. – 01.01. – URL: <https://www.economist.com/finance-and-economics/which-economies-have-done-best-and-worst-during-the-pandemic/21806917> (date of access: 26.08.2022).
- White House proposes \$1.8 trillion package that would dramatically expand education, safety net programs / Stein J., Douglas-Gabriel D., Meckler L., Kitchener C. // The Washington Post. – 2021. – 28.04. – URL: <https://www.washingtonpost.com/us-policy/2021/04/28/biden-american-families-plan/> (date of access: 26.08.2022).
- Why have stock market and real economy diverged during the COVID-19 pandemic? / Congressional Research Service (CRS). – Washington, DC., 2020. – 02.09, IN11494. – 5 p.
- Wilder-Smith A., Freedman D.O. Isolation, quarantine, social distancing and community containment : pivotal role for old-style public health measures in the novel coronavirus (2019-nCoV) outbreak // J. of travel medicine. – 2020. – Vol. 27, Iss 2, March. – P. 1–4. – URL: <https://doi.org/10.1093/jtm/taaa020> (date of access: 26.08.2022).
- Will Joe Biden’s fiscal stimulus overheat the American economy? // The Economist. – 2021. – 19.01. – URL: <https://www.economist.com/finance-and-economics/2021/01/19/will-joe-bidens-fiscal-stimulus-overheat-the-american-economy> (date of access: 26.08.2022).
- Worldometer Coronavirus : United States. – URL: <https://www.worldometers.info/coronavirus/country/us/> (date of access: 01.09.2022).
- Wren-Lewis S. The economic effects of a pandemic // Economics in the time of COVID-19 / ed. by R. Baldwin, B.W. di Mauro. – London : CEPR Press : VoxEU.org eBook, 2020. – P. 109–112.
- Wronski L. CNBC|SurveyMonkey Small Business Index Q1. – 2021. – URL: <https://www.surveymonkey.com/curiosity/cnbc-small-business-q1-2021/> (date of access: 15.09.2022).
- Wronski L. CNBC|SurveyMonkey Small Business Index Q1. – 2022a. – URL: <https://www.surveymonkey.com/curiosity/cnbc-small-business-q1-2022/> (date of access: 15.09.2022).
- Wronski L. CNBC|SurveyMonkey Small Business Index Q2. – 2022b. – URL: <https://www.surveymonkey.com/curiosity/cnbc-small-business-q2-2022/> (date of access: 15.09.2022).

- Wronski L. CNBC|SurveyMonkey Small Business Index Q3. – 2022c. – URL: <https://www.surveymonkey.com/curiosity/cnbc-small-business-q3-2022/> (date of access: 15.09.2022).
- Wyplosz Ch. The good thing about coronavirus // Economics in the time of COVID-19 / ed. by R. Baldwin, B.W. di Mauro. – London : CEPR Press : VoxEU.org eBook, 2020. – P. 113–115.
- Zandi M., Yaros B. The Biden fiscal rescue package : light on the horizon // Moody's analytics. – 2021. – 15.01. – URL: <https://www.moodyanalytics.com/-/media/article/2021/economic-assessment-of-biden-fiscal-rescue-package.pdf> (date of access: 26.08.2022).

С.Я. ВЕСЕЛОВСКИЙ
«КОРОНАКРИЗИС» В США.
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ
ЭФФЕКТЫ

ЧАСТЬ I.
«КОРОНАРЕЦЕССИЯ» В США.
БЛОКИРОВОЧНЫЕ МЕРЫ И ПОДДЕРЖКА БИЗНЕСА
И ДОМОХОЗЯЙСТВ В 2020–2022 гг.

Аналитический обзор

Оформление обложки И.А. Михеев
Техническое редактирование
и компьютерная верстка Л.Н Синякова
Корректор В.И.Чеботарева

. Подписано к печати 10 / II – 2023 г.
Формат 60x84/16 Бум. офсетная № 1 Печать офсетная
Усл. печ. л. 12,5 Уч.-изд. л. 12,3
Тираж 300 (1–100 экз. – 1-й завод) Заказ № 96

Институт научной информации
по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН)
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418

Отдел печати и распространения изданий

Тел.: +7(925)517-36-91,
e-mail: shop@list.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»,
410004, Саратовская обл., г. Саратов,
ул. Чернышевского, д. 88, литера У